

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОБЗОРЪ БОЛЬШИХЪ БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ

ВЪ НАЧАЛѢ 1859 ГОДА.

В. Соболевъ

2435
11

В. Соболевъ.

712124

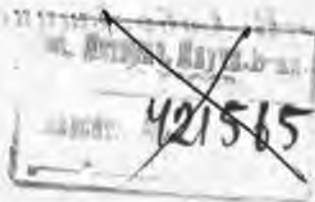
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

HARVARD UN
WIDENER LIBRARY

(Изъ Журнала мин. нар. просв. 1859 г., № 10 и 11).

72*2 (GPI)

ОБЗОРЪ

БОЛЬШИХЪ БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ

ВЪ НАЧАЛѢ 1859 ГОДА.

Императорская Публичная Библиотека, одно изъ полезнѣйшихъ учреждений въ Россіи и одно изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ, была постояннымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся учеными трудами. Въ послѣднее время, когда Библиотека привела прежнія сокровища свои въ стройный порядокъ и обогатилась множествомъ новыхъ книгъ, публика стала такъ усердно посѣщать ее, что читальная ея зала, нѣкогда просторная до избытка, сдѣлалась недостаточною для принятія новыхъ своихъ посѣтителей. Внутреннія силы Библиотеки продолжаютъ расти и развиваться, но проявленія ихъ, въ-отношеніи къ публикѣ, парализируются читальною залой, несоотвѣтствующей дѣйствительной потребности. Желающіе работать приходятъ въ нее съ опасеніемъ не найти пустаго стула, или уголка стола, на которомъ можно было-бы раскрыть книгу. Въ зимніе вечера въ-особенности случалось видѣть приходившихъ туда заняться дѣломъ и уходившихъ, не потребовавъ даже книгъ за недостаткомъ мѣста. Такое положеніе дѣлъ читальной залы нашей Библиотеки давало публикѣ

право роптать на то, что учреждение, открытое правительствомъ для общей пользы, не выполняетъ своего назначенія: пользы достигалъ только тотъ, кто успѣвалъ въ-время запастись мѣстомъ. Но публика не роптала: она привыкла знать, что управленіе Библиотеки не упускаетъ ничего, что можетъ доставить удобство посѣтителемъ ея.

Ожиданія публики сбылись. Для новой читальной залы на 250 человекъ составленъ проектъ, и на выполнение его Государь Императоръ повелѣлъ отпустить 150,000 р. сер. При зданіи Библиотеки находится довольно обширный дворъ, котораго часть будетъ занята новымъ сооруженіемъ. Мѣстность опредѣлила размѣры и даже нѣкоторыя части во внутреннемъ расположеніи; но, кромѣ постройки зданія для читальной залы, нужно было позаботиться о внутреннемъ ея устройствѣ, о множествѣ тѣхъ мелочей, которыя въ совокупности составляютъ гармонію многосложнаго механизма, необходимаго при удовлетвореніи разнородныхъ посѣтителей Библиотеки.

Въ 1853 году, когда въ Лондонѣ предпринята была постройка знаменитой ротонды для читателей библиотеки Британскаго музея, назначенная для этого коммиссія входила въ сношенія со всѣми лучшими библиотеками Европы и просила сообщить ей свѣдѣнія о существующемъ въ нихъ порядкѣ. При этомъ коммиссія просила, если письменныя объясненія окажутся затруднительными, присылать въ Лондонъ на-счетъ Англійскаго правительства специальныхъ людей, которые могли-бы словесно и наглядно объяснить все что нужно. Такого рода мѣры приняты были для собранія свѣдѣній необходимыхъ къ лучшему устройству читальной залы, и ротонда Британскаго музея составляетъ теперь предметъ удивленія просвѣщенныхъ путешественниковъ вообще и всѣхъ библиотечарей въ-особенности.

Приступая въ С. Петербургѣ къ постройкѣ большой читальной залы, нельзя было не желать ознакомиться съ подобнаго рода залами, существующими въ Европѣ и въ особенности съ тѣми результатами, для достиженія которыхъ Англичане употребляли такія усилія и пожертвованія. Необходимость была признана и, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, рѣшено было, меня, какъ будущаго строителя читальной залы Императорской Публичной Библиотеки, послать для изученія порядка, существующаго, относительно публики, въ извѣстнѣйшихъ библиотекахъ, а именно: въ

Лондонѣ, Парижѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и проч. Сверхъ-того мнѣ, какъ библіотекарю, поручено было обратить вниманіе на формы каталоговъ и порядка храненія книгъ. Пробывъ за границею два мѣсяца, февраль и мартъ, я, при помощи желѣзныхъ дорогъ, успѣлъ объѣхать всѣ упомянутые города, и осмотрѣть до двадцати библіотекъ. Изъ всего видѣннаго мною наиболѣе замѣчательны библіотеки Лондона. Парижа и Мюнхена; но для полноты свѣдѣнія я представлю въ краткомъ очеркѣ все, что видѣлъ, и въ томъ порядкѣ, какъ видѣлъ.

Вѣнская публичная библіотека, носящая названіе придворной (Hof-Bibliothek), произвела самое невыгодное впечатлѣніе на меня, привыкшаго видѣть кипучую дѣятельность нашей Императорской Публичной Библіотеки. Внѣшность зданія изящна и даже роскошна, архитектуры временъ Людовика XIV, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то мрачна и пустынна. Предъ главнымъ фасадомъ обширная, безлюдная площадь, а въ самомъ зданіи не видно входа: его надобно искать гдѣ-то въ углу. По холодной парадной лѣстницѣ, высланной, для сбереженія ступеней, доскамъ, я вошелъ въ холодную приемную, откуда меня ввели въ главную, также холодную, залу библіотеки. Зала эта громадна размѣрами: шириною своею она занимаетъ всю глубину строенія и тянется по всей длинѣ главнаго фасада. Она раздѣлена на три части, изъ которыхъ средняя имѣетъ овальную форму, что не мѣшаетъ однакожъ, съ перваго шага, видѣть всю ея длину и весь художественный ея эффектъ. Какъ архитектурное произведеніе, главная зала Вѣнской придворной библіотеки весьма замѣчательна. Въ ней художникъ развилъ много фантазіи и вкуса. Убранство залы великолѣпно: скульптура, позолота, превосходная живопись на плафонахъ, все это такъ хорошо, что въ художественномъ отношеніи зала можетъ удовлетворить самого взыскательнаго судью, но за то въ-отношеніи практическомъ, какъ помѣщеніе для библіотеки, она не можетъ служить образцомъ современному намъ архитектору. Переходя отъ архитектуры залы къ шкафамъ и къ книгамъ, глазъ встрѣчаетъ прежде всего ряды громадныхъ приставныхъ лѣстницъ, разставленныхъ повсюду во множествѣ. Лѣстницы эти очень вредятъ убранству залы, но онѣ необходимы. Шкафы раздѣлены на два яруса, каждый аршинъ 8 вышины. Верхній ярусъ устроенъ на широкой галерей съ мраморными колоннами, также загроможденной приставными лѣстницами. Не смотря на прочность этихъ

лѣстницъ и на ихъ грозную величину, библіотекари должны имѣть много отваги, чтобъ доставать книги съ верхнихъ полокъ.

Книги въ шкафахъ разставлены въ такомъ-же порядкѣ, какъ у насъ, т. е. раздѣлены на главные предметы и потомъ подобраны по величинамъ. Эта система разстановки, какъ мы уже знаемъ по опыту, значительно облегчаетъ отыскиваніе книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность красиво располагать ряды переплетовъ. Въ главной залѣ книги въ старыхъ Французскихъ переплетахъ дополняли-бы эффектъ роскошной архитектуры, еслибъ не скучные ряды приставныхъ лѣстницъ. Въ легіонахъ томовъ, наполняющихъ шкафы главной залы, *стоитъ* собраніе болѣе 100,000 гравюръ. Ящики, въ которыхъ онѣ хранятся, сдѣланы въ видѣ переплетенныхъ фоліантовъ и поставлены на полкахъ наравнѣ съ книгами. Мнѣ не случилось видѣть, чтобы эстампы, наклеенные на отдѣльныхъ листахъ, стояли какъ книги: они отъ собственной тяжести опускаются и гнутся.

Кромѣ главной залы, я видѣлъ еще двѣ небольшія комнаты: въ одной изъ нихъ хранятся старопечатныя книги (*incunabula*), а въ другой — рукописи. Библіотека такъ мало оживлена внутреннею дѣятельностью, что обѣ эти комнаты остаются постоянно съ закрытыми ставнями. По моей просьбѣ ихъ открыли и дали подивиться множеству вещей, замѣчательныхъ въ высшей степени. Древнѣйшія, начиная съ IV вѣка, рукописи, цѣлыя книги палимпсестовъ, ксилографы, рѣдчайшія инкунабулы — все это наполнялось здѣсь вѣками, все это краснорѣчиво повѣствуетъ о блистательномъ прошедшемъ Вѣнской библіотеки.

Въ холодномъ зданіи библіотеки для читателей натоплены двѣ небольшія комнаты, но натоплены невыносимо. Кромѣ слишкомъ высокой температуры, въ нихъ чувствуется какая-то неприятная сухость, очевидно отъ дурнаго устройства печей, которыя, какъ я вообще замѣтилъ въ Вѣнѣ, служатъ для временнаго нагрѣванія. По вечерамъ, когда въ библіотекѣ никого нѣтъ, читальныя комнаты такъ-же холодны, какъ и прочія. Комнаты для чтенія отдѣлены отъ залы книгохранилища пріемною. Въ одной изъ комнатъ публика занимается печатными книгами, въ другой — рукописями и рѣдкими экземплярами печатныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ читателями сидятъ и библіотекари: Барчъ, Миклосичъ, Вольфъ и др. Читателей я насчиталъ не болѣе 10 человекъ. Въ связи съ читальными находится еще третья, также теплая комната, въ которой работаютъ младшіе библіо-

текари и стоять ряды картонныхъ ящиковъ съ карточками каталога. Каталоговъ я видѣлъ два: алфавитный, общій всей библіотекѣ, написанный на карточкахъ и хранящійся въ тщательно-закрытыхъ картонныхъ, и инвентарный, списанный въ книгахъ и переплетенный какъ у насъ. Мнѣ показывали старый алфавитный каталогъ, который былъ написанъ на тетрадахъ и переплетенъ со множествомъ запасныхъ, бѣлыхъ листовъ для вписыванія дополненій. Опытъ доказалъ, что никакіе запасы бѣлой бумаги недостаточны для дополненій; вслѣдствіе чего, старый каталогъ, переписавъ на карточки, отложили, какъ бесполезную вещь. Публика вообще къ каталогамъ не допускается, но ученымъ, умѣющимъ цѣнить библіографическую работу, не запрещается дѣлать въ нихъ свои розысканія. Систематическаго каталога еще нѣтъ, и мнѣ сказали, что онъ дѣлается, но едва-ли онъ нуженъ при такомъ незначительномъ числѣ читателей. Въ Вѣнѣ есть нѣсколько библіотекъ доступныхъ публикѣ,—библіотекъ, богатыхъ новыми книгами, гдѣ можно, на извѣстныхъ условіяхъ, получать книги даже для занятій дома. Удивительно-ли послѣ этого, что главная библіотека, обставленная строгими формальностями и открытая не болѣе 4-хъ часовъ въ день, мало посѣщается публикой?

Разсматривая каталогъ, я замѣтилъ въ немъ, между прочимъ, два экземпляра перваго изданія (editio princeps) Герберштейна, Вѣна. 1549. Я попросилъ показать мнѣ оба экземпляра и мнѣ достали ихъ въ минуту. Одинъ изъ нихъ оказался съ собственноручными замѣтками автора, но замѣтки эти не что иное, какъ корректурныя поправки. Для ученаго, пользующагося сочиненіемъ Герберштейна, поправки его не могутъ имѣть никакого значенія: онѣ любопытны только какъ автографъ знаменитой личности.

Говоря о Вѣнской библіотекѣ, я не могу не упомянуть о радушіи и любезности одного изъ ея библіотекарей, знаменитаго Миклосича. Узнавъ, что я Русскій онъ принялъ меня не какъ соплеменника, а какъ земляка, и самъ показалъ мнѣ свое отдѣленіе во всей подробности. Памятниковъ Славянской письменности у него много, но Русскій только одинъ: Октоихъ съ нѣсколькими главами изъ Евангелія, рукопись уставнаго письма XIII вѣка на пергаментѣ. Разсуждая о значеніи публичныхъ библіотекъ, о пользѣ, которую онѣ приносятъ наукѣ, Миклосичъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ нимъ въ одной библіотекѣ,—случай, показывающій какъ иногда хранители бываютъ завистливы и злостно вре-

дать людямъ, совѣстливо служащимъ наукѣ. Одинъ путешественникъ, придя въ Вѣнскую библіотеку и встрѣтясь съ Миклосичемъ, разсказалъ ему, между прочимъ, что въ одной изъ Германскихъ библіотекъ онъ видѣлъ очень древнюю рукопись и замѣтилъ на поляхъ ея надписи: *de rebus bulgaricis* и *de rebus russicis*. Рукопись эта Миклосичу не была извѣстна и разсказъ путешественника возбудилъ въ немъ, очень-естественно, живѣйшее любопытство. Воспользовавшись первымъ досугомъ, Миклосичъ отправился въ извѣстную ему библіотеку, явился къ хранителю и сказалъ что ему нужно, упомянувъ простосердечно о надписяхъ на поляхъ. Хранитель попросилъ подождать и, спустя нѣсколько времени, привнесъ желанную рукопись, но, пересматривая ее, Миклосичъ указанныхъ надписей на поляхъ не нашелъ. Онъ сказалъ объ этомъ одному изъ бывшихъ тутъ служителей библіотеки, и узналъ, по секрету, что хранитель, прежде нежели выдастъ ему рукопись, отыскалъ самъ надписи и соскоблилъ ихъ. Тогда Миклосичъ сталъ искать соскобленныхъ мѣстъ, нашелъ то, что ему было нужно, не встрѣтилъ въ указанныхъ мѣстахъ ничего особенно любопытнаго, но долго удивлялся тому, что встрѣтилъ въ самомъ хранителѣ. Скромный Миклосичъ, разсказывая мнѣ объ этомъ, не называлъ ни путешественника, ни библіотеки, ни рѣдкаго въ своемъ родѣ хранителя рукописей.

Кромѣ Hof-Bibliothek я видѣлъ въ Вѣнѣ еще двѣ библіотеки: академіи наукъ и статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ. О первой изъ нихъ сказать нечего: она, при нынѣшнемъ обновленномъ управленіи академіи, возстаетъ изъ хаотическаго состоянія, въ которомъ до-сихъ-поръ находилась. Библиотека статистическаго отдѣленія есть собраніе всего печатаемаго во владѣніяхъ Австріи. На обязанности полиціи лежитъ наблюденіе на непремѣнную доставку сюда всякаго печатнаго произведенія, выходящаго изъ Австрійскихъ типографій. Начальникъ этого отдѣленія, г. Вурцбахъ фонъ-Танненбергъ, просматриваетъ внимательно всѣ новыя книги и газеты, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ рецензій, изображаетъ духъ и направленіе современной письменности и особыми рапортами доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра. Вслѣдствіе этого составляются въ существующемъ при министерствѣ *bureau de la presse* (такъ называлъ г. Вурцбахъ) статьи для газетъ, которыми иное ученіе опровергается, другое поддерживается, третье перетолковывается и такимъ образомъ,

по собственному выраженію г. Вурцбаха, правительство держитъ постоянно въ рукахъ возжу, которою даетъ сообразное съ своими цѣлями направленіе всѣмъ стремленіямъ Австрійскихъ умовъ. Библіотека статистическаго отдѣленія имѣетъ совершенно особенный характеръ. Она не очень велика и состоитъ изъ книгъ болѣею частью брошированныхъ, которыя были прочитаны одинъ только разъ для отчета. Порядокъ ея и каталоги просты и удобны, какъ въ большой Hof-Bibliothek, но поучительнаго ничего не представляютъ.

Хотя данное мнѣ порученіе касалось только библиотекъ, и въ обзорѣ моемъ я ни о чемъ другомъ не долженъ-бы говорить, но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ одномъ Вѣнскомъ учрежденіи, замѣчательномъ въ высшей степени, это — государственная типографія (Staatsbuchdruckerei). По степени совершенства работъ своихъ, типографія это есть лучшая, а по устройству единственная въ Европѣ. Кромѣ типографскихъ станковъ, въ ней есть литографія, гальванопластическое отдѣленіе съ различными примѣненіями къ искусству тисненія, фотографія со всѣми современными усовершенствованіями и множество другихъ вспомогательныхъ техническихъ производствъ. Все заведеніе устроено и поддерживается такъ, чтобы предположенія цѣли были достигаемы вполне. Нѣтъ излишествъ, нѣтъ и недостатковъ ни въ чемъ. Во всѣхъ мастерскихъ приборы и инструменты расположены удобно, одно другому не мѣшаютъ; не замѣтно ни гдѣ нечистоты, которая вредила-бы опрятности работъ, но нѣтъ также нигдѣ и педантской чистоты, которою иногда щеголяютъ управляющіе, чтобъ показать, какъ говорится, лицомъ свое заведеніе и между тѣмъ забываютъ о существенномъ. Все заведеніе расположено въ очень небольшомъ строеніи въ шести этажахъ и, при сложности своей, производитъ такое множество работъ, что въ настоящее время наса типографіи имѣетъ запаснаго капитала болѣе 3 милліоновъ гульденовъ (около 2,000,000 рублей серебромъ). Причины этихъ результатовъ очевидны. Правительство, основавъ типографію, назначило директоромъ ея г. Ауера. Выборъ этотъ былъ удаченъ какъ нельзя больше. Г. Ауеръ, дѣйствительный членъ Вѣнской академіи наукъ, занимаясь своимъ дѣломъ съ любовью, улучшилъ и развилъ ввѣренное ему заведеніе до цвѣтущаго состоянія. Отдавая правительству отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, онъ не нуждается однакожъ въ разрѣшеніяхъ прибавить ту или другую ма-

стерскую, усилить или уменьшить какое-нибудь производство. Дѣйствуя независимо онъ ищетъ только улучшать и развивать свое заведеніе, употребляетъ данныя ему средства съ знаніемъ дѣла и пришелъ къ тому, что государственная Вѣнская типографія, въ техническомъ отношеніи, не имѣетъ себѣ равной и, сверхъ-того, экономическія суммы ея считаются милліонами. Г. Ауеръ не перестаетъ дѣйствовать энергически и съ своимъ капиталомъ онъ предполагаетъ завести еще обширную типографію на совершенно-новыхъ основаніяхъ, съ иными цѣлями. Главная особенность его будущей предполагаемой типографіи будетъ состоять въ томъ, что онъ устроитъ ее въ связи съ большою бумажной фабрикой. Соединеніемъ этимъ г. Ауеръ надѣется достигнуть никому еще неизвѣстныхъ выгодъ. На бумажной фабрикѣ, которая будетъ работать исключительно для одной типографіи, сохранятся всѣ расходы на сушку, обрѣзываніе, укладываніе въ дести и стѣны, увязываніе, нагрузку, перевозку и проч. Весь этотъ трудъ будетъ составлять чистый барышъ соединенія бумажной фабрики съ типографіей. Г. Ауеръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о замышляемомъ имъ предпріятіи, но я не считаю себя въ-правѣ высказывать ихъ преждевременно.

Въ Вѣнской государственной типографіи съ особеннымъ вниманіемъ я разсматривалъ фотографическую мастерскую, имѣя въ виду будущую фотографическую мастерскую нашей Императорской Публичной Библіотеки. Нѣкоторыми замѣченными мною подробностями я постараюсь воспользоваться при устройствѣ фотографическаго заведенія у насъ, но главная особенность, замѣченная мною въ Вѣнѣ, останется у насъ не примѣнимою по причинѣ климата, это—мастерская поверхъ крыши. Я былъ въ Вѣнской типографіи ⁶/₁₇ февраля и безъ верхняго платья простоялъ на платформѣ крыши съ четверть часа, не чувствуя особеннаго холода. Правда, что это было въ тихую, ясную погоду и въ полдень. Здѣсь при мнѣ дѣлали негативы съ рисунковъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и то, что они сдѣлали въ 2—3 минуты, мы, подъ нашимъ февральскимъ небомъ и подъ стеклянною крышей, едва-ли успѣемъ сдѣлать въ 2—3 часа.

Изъ Вѣны я отправился въ Прагу и попалъ въ совершенно-иной міръ: здѣсь если не пахнетъ Русью, то можно сказать, что Прага дышетъ Русью. Патріархъ чешской націи, В. В. Ганка, принялъ меня радушно и самъ показывалъ мнѣ Чешскій музей,

который находится въ его завѣдываніи. Дѣятельность его замѣчательна. Иноплеменное владычество внесло свой элементъ въ Чешскую землю, но Ганка стоитъ на стражѣ и посвящаетъ всѣ свои усилія тому, чтобъ поддержать національность Чеховъ. Его молитвенники, въ которыхъ часто упоминается Чешская земля, его собранія національныхъ пѣсенъ, въ которыхъ вспоминаются славныя прошедшія времена Чехіи, его учебныя книги Чешскаго языка, все это расходится изданіе за изданіемъ и популярность маститаго Ганки поддерживается и даже растетъ. Въ настоящее время онъ усердно занимается изданіемъ въ свѣтъ книжки богослуженія Греко-восточной церкви на Чешскомъ языкѣ. Трудно понять, что побудило его предпринять это изданіе въ католической странѣ, но у него есть мысли, которыхъ онъ не высказываетъ. Въ Прагскомъ университетѣ, по требованію правительства, всѣ курсы читаются на Нѣмецкомъ языкѣ, а Ганка, одинъ Ганка читаетъ исторію Чешской литературы на чешскомъ и читаетъ безмездно, только-бы говорить съ молодымъ поколѣніемъ Чеховъ на ихъ родномъ языкѣ. На всѣ оффиціальныя Нѣмецкія бумаги, присылаемые ему властями, какъ къ начальнику музеума, онъ отвѣчаетъ на Чешскомъ и, когда однажды ему это было постановлено на видъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не отваживается писать дѣловыхъ бумагъ на языкѣ для него чуждомъ, потому что опасается или употребить неприличное выраженіе, или исказить смыслъ дѣла, и тѣмъ повредить себѣ или музеуму.

Въ Чешскомъ музеумѣ книги поставлены также, какъ и въ Вѣнѣ, т.-е. не по содержанію, а по форматамъ, но такъ-какъ бібліотека музеума богата больше бібліографическими рѣдкостями, нежели количествомъ книгъ, то каталоги ея не представляютъ ничего любопытнаго или назидательнаго. Витринъ съ рукописями и инкунабулами очень немного, но за то онѣ переполнены. Все выставленное въ нихъ расположено такъ, что обозрѣвающий ихъ не перемѣняя мѣста, видитъ вдругъ множество вещей. При всѣхъ выставленныхъ предметахъ находятся объяснительныя карточки, писанныя рукою Ганки. Между прочими рѣдкостями я видѣлъ пергаменный листъ Чешкой рукописи, которая по почерку и золотой заглавной буквѣ можетъ-быть отнесена къ XIII столѣтію. Листъ этотъ подаренъ музеуму однимъ врачомъ, получившимъ его въ Грацѣ (Штирійскій Градецъ) отъ одной торговки, которая продала ему кусокъ сыру и завернула въ этотъ листъ. Врачъ, раз-

смотрѣвъ дома обертку, воротился немедленно къ торговкѣ, чтобы купить у нея драгоценный памятникъ старины, но та сказала, что этотъ листъ былъ послѣдній и что она берегла его потому только, что на немъ есть золотая буква, но по недостатку оберточной бумаги она рѣшилась и его употребить, чтобы завернуть проданный господину доктору кусокъ сыру.

Прагская публичная библіотека есть библіотека университетская. Она состоитъ подъ управленіемъ знаменитаго Шафарика. Зданіе, въ которомъ она помѣщается, принадлежало прежде іезуитскому коллегіуму. Въ двухъ залахъ и теперь еще сохранились слѣды богатства и роскоши іезуитскаго ордена: изысканная архитектура XVII в., скульптура, позолота, живопись, зеркальныя стекла въ нѣкоторыхъ шкафахъ, все показываетъ, что прежніе владельцы зданія не были чужды желанія блеснуть внѣпшностію. Прочія залы, очень просторныя и свѣтлыя, не убраны вовсе. Кромѣ читальной залы, гдѣ работаютъ и библіотекари, во всемъ остальномъ помѣщеніи библіотеки холодно. Библіотека раздѣлена на двѣ главныя части: національную, которая пополняется новыми приобрѣтеніями, и на рядъ отдѣльныхъ библіотекъ, которыя были въ различныя времена даримы коллегіуму и потомъ университету и сохраняютъ до-сихъ-поръ первоначальную свою цѣлость. Национальная библіотека раздѣлена на 44 отдѣленія. Книги стоятъ не по содержанію или алфавиту, а по величинамъ. Каждое изъ 44 отдѣленій и каждая изъ отдѣльныхъ библіотекъ имѣютъ особые алфавитные каталоги, написанные въ книгахъ. При такомъ мелкомъ подраздѣленіи каталоги эти замѣняютъ отчасти систематическій. Кромѣ этихъ каталоговъ, есть еще общій алфавитный, написанный на карточкахъ, и инвентарный, въ которомъ, кромѣ главнаго слова (Stichwort), нѣтъ ничего. При всей краткости своей, каталогъ этотъ удовлетворителенъ вполне. Общій алфавитный каталогъ находится въ читальной залѣ, но не въ той части ея, гдѣ сидятъ приходящіе читатели, а за балюстрадою, гдѣ занимаются библіотекари. Здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, карточки для каталоговъ предпочитаютъ книгамъ. Всѣ приращенія вписываются въ каталогъ не разрушая его формы. Карточки каталога поставлены въ деревянные выдвижные ящики съ наклеенными бумажными этикетками, на которыхъ означены части алфавита, находящіяся въ каждомъ ящикѣ.

Относительно посѣтителей, занимающихся въ читальной залѣ,

въ Прагской библіотекѣ не существуетъ никакого порядка. Всѣ входящіе работаютъ вмѣстѣ съ библіотекарями, получаютъ и отдають книги безъ всякихъ формальностей. Противъ злостныхъ читателей принята одна только предосторожность, но и та слишкомъ слабая: въ-виду всѣхъ читателей сидитъ на скамейкѣ столѣтній ветеранъ и наблюдаетъ за ними, но едва-ли онъ что-нибудь видитъ.

Дрезденская библіотека, послѣ прагскихъ патриархальныхъ, была для меня явленіемъ совершенно-новымъ и очень-любопытнымъ. Она помѣщается въ красивомъ зданіи, извѣстномъ подъ названіемъ *Japancshes Palais*. Изъ обширныхъ и совершенно-безполезныхъ сѣней, похожихъ на галерею, я вышелъ на парадную лѣстницу, отличающуюся крайнею неопрятностью. Въ передней, за низкой рѣшеткой, сидятъ директоръ и библіотекари. Слѣдующая затѣмъ, довольно-обширная зала назначена для читателей, которыхъ я засталъ немного, потому, что здѣсь безъ труда можно получать книги на домъ: библіотека ежегодно отпускаетъ такимъ образомъ болѣе 15,000 сочиненій. Въ читальной залѣ въ шкафахъ разставлено до 10,000 сочиненій, постоянно требуемыхъ посѣтителемъ, т.-е. разнаго рода словарей, энциклопедій, каталоговъ и проч. Книги эти выдають сію-же минуту каждому посѣтителю, но на домъ ихъ не отпускають.

Разстановка книгъ библіотеки и форма каталоговъ показались мнѣ крайнѣ-неудовлетворительными, послѣ всего, что я видѣлъ до Дрездена. Книги въ шкафахъ размѣщены по системѣ довольно-странной. Самый обширный отдѣлъ библіотеки есть исторія, раздѣленная по государствамъ. Отдѣлъ этотъ оказался главнымъ потому, что въ Дрезденской библіотекѣ исторія принимается не въ томъ смыслѣ, какъ вездѣ: въ исторію входятъ тамъ сочиненія всѣхъ другихъ наукъ, имѣющія отношенія къ каждому изъ государствъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ истории Россіи, я встрѣтилъ Паласа *Flora rossica*. Смѣшанные такимъ образомъ книги всѣхъ наукъ стоятъ въ каждомъ отдѣлѣ по старшинству изданій и каждый отдѣлъ начинается, конечно, съ самыхъ старыхъ нукунабулъ. Особаго опредѣленія старопечатныхъ книгъ въ Дрезденской библіотекѣ нѣтъ. Систематическій каталогъ написанъ совершенно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ книги стоятъ на полкахъ. Этотъ же каталогъ служить вмѣстѣ и инвентаремъ библіотеки. Заведенный съ незапамятныхъ временъ инвентарно-систематическій каталогъ по-

полняется наравнѣ съ библіотекою и на нѣкоторыхъ страницахъ дополненія вписаны такъ тѣсно, что вставить еще что-нибудь нѣтъ никакой возможности. Я спросилъ библіотера: что они дальше будутъ дѣлать? и узналъ, что есть предположеніе приступить къ переписыванію всего каталога. Въ какомъ видѣ онъ будетъ переписанъ, это еще неизвѣстно. При этой разстановкѣ книгъ помѣщеніе вновь-поступающихъ сочиненій есть дѣло не легкое. Получивъ, напримѣръ, книгу о скотоводствѣ въ Англіи, библіотекарь записываетъ ее въ инвентарно-систематическій каталогъ, въ исторію Великобританіи, въ то мѣсто, гдѣ по году изданія книга должна стать, означаетъ на ней нумеръ предъидущаго сочиненія, съ прибавкою одной или двухъ буквъ, по системѣ Эберта, потомъ съ этимъ-же указаніемъ мѣста вноситъ заглавіе книги въ алфавитный каталогъ и наконецъ идетъ въ библіотеку, чтобъ поставить книгу на указанное каталогомъ мѣсто, можетъ быть рядомъ съ Лингардомъ или Макоулеемъ. Если случится, что сосѣднія книги можно раздвинуть, то новая ставится безъ хлопотъ; но если на полкѣ тѣсно, то библіотекарь или втискиваетъ книгу такъ, что ее вынуть трудно, или наконецъ поставить сзади, во второй рядъ, но непременно противъ того мѣста, гдѣ-бы ей слѣдовало стоять въ первомъ ряду. Мнѣ случилось видѣть книги и сжатые до нѣльзя и стоящіе въ два ряда.

Кромѣ отдѣленія всеобъемлющей исторіи, есть отдѣленія и другихъ наукъ: естествознанія, математики, искусствъ и проч. Въ этихъ отдѣленіяхъ система столько-же необыкновенна, какъ и въ исторіи. Технологія, напримѣръ, отнесена къ математикѣ, и вслѣдствіе этого поваренныя книги очутились возлѣ астрономіи. Въ естествознаніи можно встрѣтить того-же Палласа, который стоитъ въ исторіи Россіи. Это допускается въ томъ случаѣ, если библіотека имѣетъ два экземпляра одного и того-же сочиненія. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ два экземпляра собранія Византійскихъ историковъ въ двухъ разныхъ залахъ: одинъ въ отдѣленіи филологіи, а другой — исторіи восточной имперіи. Въ Дрезденской библіотекѣ по каталогамъ считается до 500,000 сочиненій; но въ этой цифрѣ заключается и большое количество дублетовъ, которые, какъ я сказалъ выше, размѣщены по разнымъ отдѣленіямъ. Въ верхнемъ этажѣ есть комната совершенно-темная по причинамъ зависящимъ отъ фасада зданія, чему есть примѣры и у насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ: архитекторъ нашелъ

необходимымъ украсить фасадъ барельефомъ и загородить имъ окна. Воспылавъ желаніемъ помѣстить на фасадѣ барельефъ, архитекторъ совершенно упустилъ изъ виду, что внутренность зданія лишается свѣтлой, просторной залы. Въ архитектурѣ есть множество средствъ для того, чтобы раскрыть и обдѣлать отверстія для свѣта; но строителя *Japanischen Palais* обуялъ барельефъ, и оттого Дрезденская бібліотека имѣетъ очень обширную комнату безъ оконъ. Комната эта назначена для твореній Поль-де-Кока, Феваля, Дюма и множества другихъ современныхъ намъ знаменитостей, блистающихъ тамъ во мракѣ.

Въ одной изъ залъ бібліотеки есть витрины съ рѣдкостями, между которыми много мѣста занимаютъ Мексиканскія іероглифическія рукописи. Здѣсь, между прочимъ, я видѣлъ написанное рукою Альберта Дюрера цѣлое сочиненіе его *Proportionen des menschlichen Korpers*; рисунки въ этомъ сочиненіи, дѣланные имъ же, отличаются удивительною отчетливостію.

Едва-ли найдется путешественникъ, который, пріѣхавъ въ Дрезденъ, не посѣтитъ его знаменитой картинной галереи, не остановится съ сосредоточеннымъ вниманіемъ передъ Сикстинской Мадонной? Я вкусилъ этого наслажденія, но и въ галереѣ я занялся особенно предметомъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ моему порученію—устройствомъ отдѣленія эстамповъ. Въ нижнемъ этажѣ зданія, занимаемаго галереей, есть особое помѣщеніе для храненія эстамповъ и рисунковъ. Для входа туда раздается столько билетовъ, сколько позволяетъ просторъ помѣщенія. Все собраніе расположено въ двухъ залахъ: въ большой хранятся эстампы, а въ малой — рисунки. Шкафы сдѣланы очень изящно и даже роскошно, но, къ сожалѣнію, съ глухими филенчатыми дверцами. Не смотря на красивый рисунокъ шкафовъ и на отличную ихъ отделку, все-таки скучно и утомительно видѣть большія площади дерева. Еслибы дверцы были со стеклами, то красивые портфели съ надписями значительно оживили-бы залу. Около столбовъ, поддерживающихъ своды, шкафы сдѣланы аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышины и надъ ними устроены витрины въ видѣ рамокъ со стеклами, за которыми выставлено множество превосходныхъ гравюръ XVI и XVII столѣтій. При гравюрахъ нѣтъ никакихъ объяснительныхъ надписей, и я нашелъ, что это очень хорошо потому, что гравюры много выигрываютъ отъ совершенно-чистаго грунта. При мнѣ было челоуѣкъ 20 — 25 любопытныхъ, разсматривавшихъ порт-

фели съ гравюрами; но художниковъ, которыхъ легко отличить на этомъ дѣлѣ, было 5 — 6. Не безъ зависти смотрѣлъ я на посѣтителей, бережно пересматривавшихъ гравюры, и съ грустью вспомнилъ о нѣкоторыхъ роскошныхъ изданіяхъ нашей Библіотеки, преждевременно состарѣвшихся въ незрѣлыхъ рукахъ нѣкоторыхъ нашихъ гостей. Я попросилъ собранія старыхъ гравюръ неизвѣстныхъ художниковъ и мнѣ дали изящный портфель, сдѣланный въ видѣ переплетенной книги. Гравюры прикрѣплены слегка на бумажныхъ ленточкахъ къ подкладкамъ изъ довольно плотной бумаги и такой величины какъ сами гравюры, а подкладки приклеены къ толстымъ картоннымъ большимъ листамъ такой же величины, какъ портфель. Листы эти толщиною своей защищаютъ гравюру при просматриваніи и переключиваніи, а бѣлизною даютъ чистый грунтъ, на которомъ гравюра отлично отдѣляется. Всѣ портфели въ шкафахъ лежатъ, а не стоятъ, какъ въ Вѣнской библіотекѣ. Для каждого портфеля сдѣлана особая выдвижная полка¹⁾ точно такъ-же, какъ у насъ. У хранителей т.-е. у директора Грунера и его сотрудниковъ, находятся подъ-рукой всѣ ученые пособія для опредѣленія и описанія эстамповъ. Bartsch, Nagler, Brulliot, Weigel и множество другихъ извѣстныхъ сочиненій по этой части стоятъ въ шкафахъ, помѣщенныхъ въ переходѣ изъ залы гравюръ въ залу рисунковъ. Очевидно, что эта знаменитая Дрезденская коллекція гравюръ приведена въ порядокъ недавно и далеко еще не окончательно. На листахъ, гдѣ наклеены эстампы, нѣтъ ни надписей ни нумеровъ. Каталоги еще не составлены, но они дѣлаются и, какъ я замѣтилъ, очень основательно и съ знаніемъ дѣла. Есть инвентарь всей коллекціи, но слишкомъ краткій: въ немъ показаны только количества эстамповъ каждого гравера въ-особенности. При собраніи эстамповъ въ отдѣльныхъ листахъ есть и довольно богатая библіотека книгъ съ эстампами. Библіотека эта хранится тутъ-же въ особой комнатѣ, гдѣ работаетъ директоръ Грунеръ и куда посторонніе посѣтителѣ не допускаются, но для меня, какъ для собрата, сдѣлано было исключеніе. Не только портфели съ отдѣльными эстампами, но и всѣ иллюстрированныя книги не поставлены а положены на полкахъ. Это, конечно, требуетъ больше мѣста, но нельзя-же не сдѣлать этой жертвы для сбереженія вещей истинно-драгоценныхъ.

Все зданіе Дрезденской галлерей отапливается водой. Въ подвалѣ поставленъ большой трубчатый котелъ съ тремя топками.

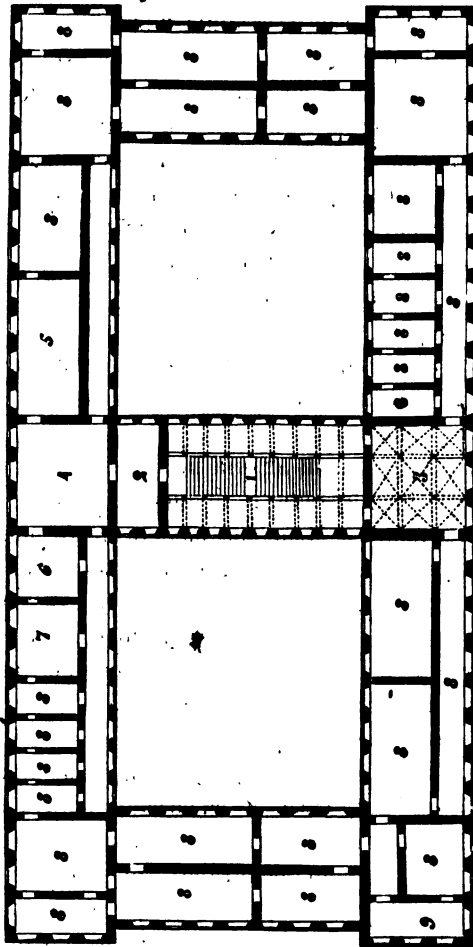
Вода, нагрѣтая въ котлѣ, поднимается по чугуннымъ трубамъ, которыя проходятъ подъ полами нижняго и средняго этажей. Въ полахъ сдѣланы отверстія, прикрытыя чугунными рѣшетками, пропускающими теплоту, отдѣляющуюся отъ нагрѣтыхъ трубъ. Верхній этажъ нагрѣвается безъ трубъ: сквозь отверстія, сдѣланныя въ потолкахъ средняго этажа, теплота свободно поднимается. Этому обращенію воздуха много способствуютъ двѣ внутреннія, довольно просторныя лѣстницы и повсемѣстное отсутствіе дверныхъ притворовъ: двери запираются только при входѣ съ уличной лѣстницы. Вообще отопленіе Дрезденской галереи очень просто, но устройство его у насъ въ С. Петербургѣ было-бы сопряжено съ слишкомъ большими издержками.

Въ Мюнхенѣ я нашелъ бібліотеку въ полномъ развитіи дѣятельности. Но прежде, нежели я займусь самою бібліотекой, мнѣ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о зданіи, въ которомъ она помѣщается. Какъ произведеніе новѣйшаго искусства, оно заслуживаетъ внимательнаго обзора. Хотя зданіе это построено собственно для бібліотеки, но оно не имѣетъ приличнаго своему назначенію характера. По довольно-гладкому фасаду и по скромнымъ, небольшимъ окнамъ въ трехъ этажахъ его, можно предположить на первый взглядъ, что это какое-нибудь учебное заведеніе, но никакъ не бібліотека, для которой особенно-приличны и удобны обширныя и высокія залы съ большими окнами, всегда дающими фасаду крупныя и строгія формы. Отдѣлка внѣшности превосходна. Карнизы, пояски, наличники и вообще всѣ подробности отлично нарисованы и очень тонко выполнены. Этому много способствуютъ мѣстные матеріалы. Все, что мы въ С. Петербургѣ дѣлаемъ изъ извести и алебаstra и выставляемъ въ температуру, переходящую по термометру 60°, здѣсь дѣлается изъ камня, хотя почти не знаетъ, что такое морозъ. Наши лѣпные карнизы, фризы, консоли и проч. хороши только въ первое лѣто, когда ихъ поставятъ, а въ Мюнхенѣ и вообще въ Германіи и Франціи всѣ эти мелочи дѣлаются изъ камня и сохраняютъ свою чистоту и оконченность въ продолженіе вѣковъ. Памятники христіанской архитектуры около 1000 лѣтъ сохраняютъ свои первоначальныя формы, а мы не знаемъ того даже, что дѣлали наши дѣды.

При входѣ въ вестибюль лаконическая надпись, привѣщенная къ столбу, предупреждаетъ всякаго, что куреніе табаку и какое-бы то ни было употребленіе огня въ зданіи бібліотеки строго

запрещено. Внявъ предостереженію, я остановился, чтобъ посмотреть на великолѣпный вестибюль. Въ архитектурномъ отношеніи онъ едва-ли не лучшая часть всего зданія. Парадная лѣстница напомнила мнѣ нашъ Императорскій музеумъ и я воображалъ, что великолѣпіе зданія Мюнхенской королевской библіотеки поразить меня, но блескъ кончился тутъ-же на парадной лѣстницѣ. Приемная оказалась очень простою залю, читальная еще проще, а внутреннее помѣщеніе библіотеки до такой степени просто, что въ немъ нѣтъ ни одного штриха художественности: это отлично-свѣтлыя, просторныя и удобныя кладовыя. Шкафы вездѣ сдѣланы въ два яруса съ галереею и оба яруса такъ невысоки, что книги съ самыхъ верхнихъ полокъ можно доставать не употребляя приставной лѣстницы. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ двери, ведущей въ приемную, стоятъ двѣ колоссальныя мраморныя статуи герцога Альберта V, основателя библіотеки, и короля Людвига I, соорудившаго нынѣшнее ея помѣщеніе. Для монарховъ и создателей библіотеки мѣсто на парадной лѣстницѣ, у входа въ приемную, можетъ быть и не совсѣмъ прилично, но, въ декоративномъ отношеніи, лѣстница есть лучшая часть зданія, и слѣдовательно единственное мѣсто, гдѣ можно было ихъ поставить. Если на верхней площадкѣ парадной лѣстницы, не входя въ приемную, пойти назадъ по боковой галерей, то можно видѣть еще одну залу, имѣющую значеніе художественное, но зато никакого другаго. Въ залѣ этой нѣтъ столько мебели, чтобъ можно было сказать, что она меблирована: кромѣ овальнаго стола и нѣсколькихъ креселъ въ ней нѣтъ ничего—ни шкафовъ, ни книгъ. Она не имѣетъ никакого назначенія или дѣйствительнаго употребленія. Самое названіе ея Prinzen-Saal ничѣмъ не объясняется и ничему не соотвѣтствуетъ, а между-тѣмъ зала прекрасная, съ гранитными колоннами, мраморными капителями и расписанными сводами. Строитель обдѣлалъ эту залу очевидно для того, чтобъ ею закончить архитектурную средину зданія, состоящую изъ вестибюля, превосходной лѣстницы и залы принцевъ. Для молодыхъ архитекторовъ Мюнхенская библіотека можетъ служить поучительнымъ примѣромъ. Первый ошибочный взглядъ на значеніе зданія можетъ иногда обезсмыслить окончательно весь проектъ, и потомъ уже никакія ухищренія, никакая обдѣлка не могутъ исправить первоначальной ошибки.

595125

30 м

Предлагаемый здѣсь планъ средняго этажа показываетъ все расположеніе зданія: 1) лѣстница, 2) пріемная, 3) зала принцевъ, 4) читальная зала, 5) комната для каталоговъ, 6) кабинетъ библиотечарей и каталогъ всего поступающаго въ библіотеку (Accessions-katalog), 7) комната для чтенія журналовъ, 8) залы библіотеки и 9) хранилище рѣдкостей.

Въ общемъ расположеніи зданія я замѣтилъ странную особенность. Зданіе построено въ три этажа, въ конѣхъ нижній занятъ государственнымъ архивомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ библіотекою, которая размѣщена надъ нимъ въ

двухъ верхнихъ этажахъ. Парадная лѣстница ведетъ только до средняго этажа и кромѣ этой лѣстницы нижій этажъ не имѣетъ никакихъ сообщеній съ верхними, а верхніе этажи соединены между собою только узкими деревянными лѣстницами, устроенными позади шкафовъ. Лѣстницы эти удобны только для внутренней службы библіотеки; но еслибы понадобилось пронести въ верхній этажъ какую-нибудь большую вещь, то пришлось-бы тащить ее въ окно. Посѣтителей, обозрѣвающихъ библіотеку, хотя-бы они были вѣнценосцы, нельзя провести въ верхній этажъ иначе какъ позади шкафовъ и почти въ потьмахъ. О случаяхъ пожара и подумать страшно: крыша черепичная, на деревянныхъ стропилахъ, вездѣ деревянные потолки, и ко всему этому между верхними этажами узкія деревянныя лѣстницы, удаленныя отъ каменной парадной и спрятанныя за шкафами.

Архитектурные недостатки зданія не мѣшаютъ однакожъ Мюнхенской библіотекѣ продвѣтать и приносить обществу большую пользу. Ученые и учащіеся Мюнхена находятъ въ ней много пособій. Библіотека открыта, правда, только три дня въ недѣлю отъ восьми часовъ утра до часу пополудни, но въ эти часы дѣятельность въ ней кипитъ. Еслибы публика пользовалась только въ читальной залѣ, то 15-ти часовъ въ недѣлю, конечно, было-бы очень мало; но коренными законами дозволено выдавать книги на-домъ, и потому читальная зала имѣетъ уже второстепенное значеніе. Для отпуска изъ библіотеки и обратнаго приѣма книгъ есть особый секретарь, которому, какъ я видѣлъ, очень много работы. Книги изъ библіотеки отпускаются съ большими ограниченіями. Чтобы получить книгу, нужно представить ручательство или очень извѣстнаго лица, или какого-нибудь государственнаго учрежденія, и притомъ получать можно такія только книги, которыя не находятся въ большомъ и общемъ употребленіи, каковы напримѣръ разнаго рода справочныя книги, словари и т. д. За всѣмъ тѣмъ публика беретъ и возвращаетъ ежегодно отъ 10 до 12,000 сочиненій.

Для занимающихся въ самой библіотекѣ есть двѣ читальныя залы: одна для книгъ и рукописей, а другая только для журналовъ и газетъ. Въ первой изъ нихъ порядокъ очень простъ. Желающій читать обращается къ сидящему на видномъ мѣстѣ приставу (Angestellte), получаетъ отъ него приготовленные уже заранее однообразной величины лоскутки чистой бумаги, пишетъ на нихъ заглавія нужныхъ ему книгъ, подписываетъ свое имя (дѣйстви-

222152

тельное или вымышленное — это все равно) и отдает пристава. Требования эти переходят тотчас же въ отдѣленіе каталоговъ и, если сароженныя книги находятся въ библіотекѣ, то на требованіяхъ отмѣчаются *Signaturen* т.-е. означенія, въ какихъ залахъ и въ какихъ шкафахъ книги стоятъ, требованія передаются служителю (*Bibliothekdiener*), который немедленно направляется по указанію и приноситъ книги; если же книгъ въ каталогъ не оказывается, то требованія въ ту-же минуту возвращаются съ отвѣтомъ требователю. Принесенная въ читальную залу книга вручается безъ всякихъ формальностей требователю, а записка съ его подписью остается у пристава и возвращается читателю только тогда, когда онъ возвратитъ книгу. Если читатель, возвращая книгу, скажетъ, что она ему нужна будетъ и въ слѣдующій читальный день, то приставъ означаетъ на лоскуткѣ бумаги имя читателя, втыкаетъ его въ книгу, а требованіе, подписанное читателемъ, возвращаетъ ему до слѣдующаго его появленія. Остающіяся до времени книги сохраняются въ читальной залѣ въ особомъ шкафу за проволочной сѣткой и подъ ключемъ пристава, гдѣ онѣ ставятся въ алфавитный порядокъ по именамъ читателей. Все это кажется очень просто, хорошо и удобно; но съ этой простотой приходящіе читатели дѣлаютъ библіотекѣ больше вреда, нежели тѣ, которые требуютъ книги домой. Это дѣлается также очень просто. Приходящіе читатели не оставляютъ своего верхняго платья у швейцара, а приносятъ все съ собою въ читальную залу и тутъ же вѣшаютъ на приготовленные мѣста. Читатель, имѣющій преступныя намеренія, получивъ у пристава книгу, и оставивъ у него требованіе съ подписаннымъ псевдонимомъ, выжидаетъ только минуты, когда тотъ займется съ другими посетителями, кладетъ безъ церемоній книгу въ карманъ и, взявъ шляпу, уходитъ. Этотъ простой маневръ очень трудно поддѣлать въ безпрестанномъ движеніи приходящихъ и уходящихъ въ читальной залѣ. Выслушавъ отъ библіотекаря Видмана жалобу на приходящихъ читателей, я замѣтилъ ему, что это происходитъ отъ невнимательности библіотеки къ публикѣ, а именно: еслибы приходящій читатель былъ избавленъ отъ труда вѣшать свое пальто и свою шляпу на указанное мѣсто, а отдавалъ-бы ихъ швейцару, получалъ отъ него красивый металлическій номерокъ и приносилъ-бы его вмѣстѣ съ своимъ требованіемъ пристава, то такая предупредительность библіотеки избавляла-бы порядочныхъ

людей отъ хлопотъ съ верхнимъ платьемъ, а желающій унести книгу былъ-бы нѣсколько стѣсненъ тѣмъ, что номерокъ отъ пальто и шляпы его находится у пристава. Видишь такъ былъ пораженъ простотой этой гарантіи, что, я увѣренъ, замѣчаніе мое не останется безъ послѣдствій.

Въ читальной залѣ открыта книга для записыванія заглавій такихъ сочиненій, которыя были требованы въ чтеніе и въ библиотекѣ не оказались. Эти desiderata записываются приходящими читать и получающими книги на-домъ. Страницы въ этой книгѣ раздѣлены на 5 столбцовъ, въ которыхъ означается: число, когда дидедрать записанъ, заглавіе его, имя записавшаго, резолюція директора: купить или не купить книгу и наконецъ число, когда положена резолюція.

Тамъ-же есть другая книга, въ которую вписываются всѣ приобрѣтенія библіотеки. Она ведется въ систематическомъ порядкѣ. Трудно однакожь сказать, чтобы книга эта была полезна, когда есть полный каталогъ, доступный всякому порядочному посѣтителю.

Читальная зала для журналовъ есть преполезнѣйшее учрежденіе въ Мюнхенской библіотекѣ. Кромѣ всѣхъ Баварскихъ журналовъ и газетъ, библіотека получаетъ болѣе ста иностранныхъ, исключительно ученыхъ. Всѣ газеты и журналы разложены на картонамъ, стоящимъ на полкахъ съ надписями. Здѣсь нѣтъ никакихъ приставовъ и надсмотрщиковъ: приходящіе берутъ и читаютъ что кому угодно, но приходящіе эти — члены академіи наукъ и профессоры университета и только. Никто другой не имѣетъ доступа въ журнальную комнату. Такъ сказано въ законѣ.

Непосредственно возлѣ читальной залы находится отдѣленіе каталоговъ, Katalogzimmer. Здѣсь занимаются библіотекари и здѣсь хранятся каталоги всей библіотеки. Всѣ шкафы этой довольно обширной залы наполнены всякаго рода справочными книгами, которыя безпрерывно нужны и самимъ библіотекарямъ и читателямъ. Срединѣ залы занята рядомъ высокихъ столовъ въ видѣ конторокъ, на которыхъ лежатъ 57 томовъ общаго алфавитнаго каталога всей библіотеки, написаннаго довольно чисто на бумагѣ большаго формата. Съ 1840 года въ каталогъ этотъ книги большія не вносятся. Все, что поступило въ библіотеку съ этого года, вносится въ подвижной каталогъ, въ родѣ нашего. Итакъ, это уже третья большая библіотека, которую я видѣлъ въ моемъ путешествіи.

ствии, гдѣ каталоги въ переплетенныхъ томахъ оставіаются и замѣняются карточками (Вѣна, Прага и Мюнхенъ).

Заглавія, списанныя на карточкахъ, хранятся въ картонныхъ, стоящихъ на нижнихъ полкахъ тѣхъ-же столовъ, или конторокъ, на которыхъ лежатъ и старая переплетенная часть каталога. Всѣ 57 томовъ лежатъ по алфавитному порядку одинъ за другимъ, и параллельно ихъ алфавиту стоятъ на полкахъ картонныя съ карточками. Если библіотекаръ отыскиваетъ заглавіе книги, то онъ справляется прежде въ переплетенной книгѣ каталога и, если тамъ нѣтъ, то достаетъ картонныя.

Кромѣ алфавитнаго каталога, есть еще и инвентарный, т. е. опись книгъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ въ шкафахъ. Прежде нежели говорить объ этомъ каталогѣ, я нахожу болѣе удобнымъ разсказать то, что я видѣлъ на полкахъ. Послѣ того мнѣ останется уже сказать объ инвентарѣ только два—три слова.

Мюнхенская библіотека раздѣлена на 12 главныхъ частей по наукамъ, а эти части въ свою очередь раздѣлены на 180 мелкихъ подраздѣлений, а именно:

1) энциклопедія —	11 подраздѣлений,
2) филологія —	18 „
3) исторія —	40 „
4) математика —	8 „
5) естествознаніе —	13 „
6) астрономія —	4 „
7) философія —	3 „
8) эстетика —	15 „
9) политика —	6 „
10) медицина —	8 „
11) правовѣдѣніе —	16 „
12) богословіе —	38 „

Сверхъ этихъ 12 частей есть еще отдѣльныя собранія, какъ-то: 1) книги, относящіяся до Баваріи (Bavaria), 2) диссертатіи, 3) инкунабулы, 4) книги, печатанныя на пергаментѣ, 5) ксилографы, 6) эстампы, 7) книги на восточныхъ языкахъ, 8) собраніе разныхъ изданій «Пляски мертвыхъ», 9) рѣдкія книги (rariora), 10) эротическія сочиненія и 11) дубликаты.

Оставивъ въ сторонѣ отдѣльныя собранія, раздѣленные и представленныя каждое сообразно своему назначенію, я представлю порядокъ главнаго тѣла, раздробленнаго на 180 подраздѣлений.

Подраздѣленія эти существуютъ и въ шкафахъ, гдѣ, сверхъ-того, каждое изъ нихъ распадается на три главные формата; книги же каждаго формата стоятъ въ алфавитномъ порядкѣ. Такимъ образомъ все, что раздѣлено на 12 частей по наукамъ, имѣетъ на полкахъ 540 алфавитовъ. При разстановкѣ библиотеки въ новомъ здании, библіотекари имѣли въ виду долговременное ея существованіе и не забывали также и о томъ, что она будетъ увеличиваться. Съ этою цѣлью они ставили книги такъ просторно, что и теперь на полкахъ вездѣ много пустаго мѣста. Служители, занимающіеся отыскиваніемъ книгъ по отѣткамъ, даваемымъ изъ каталога, привыкли къ этой разстановкѣ и такъ изучили мѣстность, что могутъ найти въ потьмахъ каждое изъ 540 подраздѣленій. Инвентарный каталогъ сдѣланъ точно въ томъ-же порядкѣ, какъ поставлены книги, т. е. въ немъ есть всѣ 540 подраздѣленій, каждое въ алфавитномъ порядкѣ. Положимъ, что 540 частей не могутъ имѣть вреднаго значенія въ такой библіотекѣ, гдѣ количество сочиненій доходитъ, какъ мы сказали, до 700,000; но зачѣмъ онѣ стоятъ въ алфавитномъ порядкѣ, когда есть общій алфавитный каталогъ, въ которомъ при каждой книгѣ означено мѣсто, гдѣ она стоитъ — этого я понять и оцѣнить не могу. Всѣ книги перенумерованы, однакожь простой серіи номеровъ нѣтъ нигдѣ: рѣдкій номеръ не имѣетъ добавочныхъ буквъ, но и буквы не ставятся въ сплошномъ порядкѣ азбуки, а съ промежутками, въ ожиданіи будущихъ приращеній. На первой страницѣ инвентаря по отдѣленію искусствъ я замѣтилъ слѣдующій порядокъ: № 1. Adhemar. Die Perspective. № 1 h. Agincourt. Histoire de l'art. № 1 hm. Agincourt. Denkmäler. № 1 m. Albertoli. Ornamenti и такъ далѣе въ этомъ-же родѣ. Увидѣвъ такой мудреный и вмѣстѣ съ этимъ младенческій порядокъ и вспомнивъ, что въ этой библіотекѣ нѣкогда работалъ Шреттингеръ, я не могъ понять, что случилось съ его удивительнымъ принципомъ составленія каталоговъ, — принципомъ, такъ удачно привившимся у насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Мы показали систематическій каталогъ, писанный рукою Шреттингера, и недоумѣніи мои разрѣшились скоро. Воспитанный на алфавитахъ Шреттингеръ вводилъ систематическій порядокъ въ алфавитный, потому, наоборотъ, алфавитный въ систематическій, запутался въ придуманныхъ имъ формахъ каталоговъ и зашелъ въ страшную глушь. Преемники его не имѣли бодрости за нимъ туда слѣдовать

и безусловно отреклись отъ всего, что онъ придумалъ. Кто не знаетъ простоты и ясности систематическаго порядка въ каталогахъ? Человѣкъ знакомый съ наукою, взглянувъ на любую систему, тотчасъ почувствуетъ, гдѣ бьется тотъ пульсъ организма, котораго онъ ищетъ. Шреттингеръ не могъ не знать этой простой истины и за всѣмъ тѣмъ, раздѣливъ историческое отдѣленіе по научной, весьма дѣльной системѣ, поставилъ всѣ ономъ подраздѣленія въ алфавитный порядокъ, и такимъ образомъ запуталъ нить системы до того, что распутать было невозможно и его огромный трудъ совершенно оставленъ и никѣмъ не продолжается.

Мнѣ показывали карточки, изобрѣтенныя и писанныя Шреттингеромъ для Real-Index, т.-е. для указателя предметовъ къ систематическому каталогу. Подобный указатель былъ-бы удивительнымъ пособіемъ для библіотекарей и для всѣхъ ученыхъ, работающихъ въ большой библіотекѣ, но это утопія — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется. Одно только изъ начинаній Шреттингера не оставлено его преемниками, поддерживается ими и приноситъ пользу — это алфавитный каталогъ біографій. Каталогъ этотъ есть нѣчто въ родѣ отрывка систематическаго каталога, котораго въ Мюнхенской библіотекѣ нѣтъ.

Лучшая и, по моему мнѣнію, достойная подражанія часть устройства Мюнхенской королевской библіотеки есть Accessions-katalog. Имъ завѣдываетъ библіотекаръ Видманъ. Надъ столомъ, гдѣ онъ работаетъ, возвышается нѣсколько полокъ съ рядами небольшихъ картонныхъ ящичковъ, въ которыхъ стоятъ, въ алфавитномъ порядкѣ, карточки съ заглавіями всѣхъ купленныхъ въ его время книгъ. На каждой карточкѣ означено: кому изъ книгопродавцевъ и когда книга была заказана, когда она вступила въ библіотеку, сколько за нее заплачено и наконецъ гдѣ книга стоитъ въ библіотекѣ. На нижней полкѣ три картона, стоящіе въ ряду прочихъ, отличены цвѣтомъ оклейки. Въ этихъ картонахъ, находящихся подъ-рукой у Видмана, стоятъ карточки съ заглавіями книгъ заказанныхъ, но еще не поступившихъ. На карточкахъ означено имя книгопродавца, которому книга заказана, число когда заказъ сдѣланъ и публикованная цѣна. Если кто-нибудь изъ библіотекарей или посѣтителей читальной залы предлагаетъ къ покупкѣ новую книгу, то Видманъ дѣлаетъ заказъ не иначе, какъ справясь въ своемъ подвижномъ каталогѣ, и очень часто

открываетъ, что предлагаемая книга или уже куплена, или заказана. Кромѣ подвижнаго каталога, ведутся еще особые счета всѣхъ приобретений. Счета эти пишутся въ книгахъ, особо для каждаго книгопродавца. При множествѣ книгопродавцевъ, съ которыми Мюнхенская библіотека ведетъ дѣла, счета ихъ составляютъ довольно длинный рядъ книгъ, стоящихъ въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ книгопродавцевъ. Въ счетахъ этихъ я замѣтилъ нѣкоторую неконченность порядка. Заказы записываются исправно, но объ исполненіи ихъ не дѣлается никакихъ замѣтокъ, такъ-что въ каждомъ счетѣ видно только заказанное, а еслибы потребовалось указать чего книгопродавецъ не дослалъ, то нужно было-бы справляться въ алфавитномъ каталогѣ. Такого простаго и вѣстѣ съ тѣмъ такого удобнаго каталога приобретений я нигдѣ до Мюнхена не видѣлъ.

Мюнхенская библіотека издерживаетъ на новыя книги ежегодно 18,000 гульденовъ (около 11,000 р. сер.).

Обходя многочисленныя залы Мюнхенской библіотеки, я не разъ позавидовалъ простору ея помѣщенія. Кромѣ множества пустыхъ мѣстъ на полкахъ—слѣдствія систематической разстановки книгъ, я видѣлъ нѣсколько залъ съ совершенно-пустыми шкапами.

Въ ряду залъ средняго этажа есть одна съ желѣзными, крѣпкими дверьми. Здѣсь хранятся всѣ рѣдкости библіотеки, здѣсь-же и выставки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мюнхенская библіотека очень богата рѣдкостями разнаго рода, но выставки ея такъ незначительны и такъ мало обдѣланы, что кажется будто онѣ вынуждены необходимостью, а не избыткомъ богатствъ, достойныхъ удивленія. Автографы съ портретами, украшающіе всѣ шкафы великолѣпнаго хранилища рукописей Императорской Публичной Библіотеки, это гигантъ въ сравненіи съ крошечными ящичками, видѣнными мною въ Мюнхенѣ. Всѣ выставленные предметы замѣчательны въ высшей степени, но они нѣмы: на нихъ лежатъ этикетки съ бессмысленными нумерами и посетители должны прислушиваться къ затверженной рѣчи служителя (Bibliothekdiener), который, какъ по книгѣ, въ тысячный разъ повторяетъ свою повѣсть, быстро переходя отъ предмета къ предмету. Тутъ жекогда остановиться надъ словами, начертанными рукою той или другой міровой знаменитости, — Bibliothekdiener говоритъ вамъ уже другое, онъ торопится покончить поскорѣе съ вами, чтобъ идти доставать книги для докучливыхъ читателей. Небольшая витрина наполнена рѣдкими переплетами. Кромѣ ихъ матеріальной цѣн-

ности — кованныго золота и драгоценныхъ камней, каждый изъ нихъ имѣеть и важное историческое значеніе. Между иноязычными рѣдкими рукописями выставленъ псалтырь на бумагѣ, кириловскаго уставнаго письма. Bibliothekdiener въ разсказѣ своемъ отнесъ его къ XIII столѣтію. Можетъ быть, онъ и правъ, но почему же рукопись написана на бумагѣ? Тутъ же выставлено собраніе матеріаловъ письменности (Schreibmaterialen), но оно далеко не такъ богато и разнообразно, какъ въ нашей Императорской Публичной Библіотекѣ: нѣтъ рисовой бумаги, бересты, шелку, свинца, такъ-называемой человѣческой кожи (peau humaine), мрамора и другихъ матеріаловъ. Ксилографъ выставленъ одинъ, а ихъ въ библіотекѣ больше двадцати. Скупое, очень скупое дѣланы въ Мюнхенѣ выставки.

По дорогѣ между большими библіотеками Мюнхена и Парижа мнѣ случилось посѣтить небольшую публичную библіотеку во Франкфуртѣ. Начальникъ этой библіотеки Бёмеръ, старикъ дряхлый, очень недоволенъ ея помѣщеніемъ. Впрочемъ, онъ, кажется, недоволенъ всѣмъ на свѣтѣ, потому-что онъ самъ слабъ и боленъ. Встрѣтивъ меня, онъ сказалъ, что библіотека мнѣ не понравится: въ ней и тѣсно и темно. Я вошелъ въ залы и чапелъ совершенно противное: Вся библіотека, имѣющая не съ большимъ 40.000 сочиненій, размѣщена въ трехъ очень свѣтлыхъ, просторныхъ и очень красиво-обдѣланныхъ залахъ. Книги разставлены по величинамъ переплетовъ, т. е. по новой системѣ, полный алфавитный каталогъ написанъ на карточкахъ и поставленъ въ очень красивыхъ картонахъ. Есть краткій инвентарь, въ который записаны всѣ книги въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ на полкахъ. Однимъ словомъ, библіотека находится въ отличномъ порядкѣ. Въ ней нѣтъ, правда, систематическаго каталога, но его нѣтъ вообще ни въ одной изъ библіотекъ мною видѣнныхъ. Д-ръ Бёмеръ жалуется на тѣсоту помѣщенія, потому-что для новыхъ книгъ онъ вынужденъ былъ поставить низкіе шкафы въ срединѣ одной залы; но это нисколько не отняло свѣта и не повредило эффекту: зала просторная, высокая, въ два свѣта, съ двумя ярусами шкафовъ и съ красивою галереею.

Здѣсь есть также и выставки, но онѣ не велики, какъ и самая библіотека: въ нѣсколькихъ рамкахъ за стеклами выставлены два письма Лютера, предписаніе Валленштейна, письмо Меланхтона, листъ Мазариновской библіи, напечатанный на пергаментѣ,

и нѣсколько кусковъ Египетскаго папируса съ іероглифами. Въ шкафахъ за стеклами выставлено нѣсколько рѣдкихъ книгъ, между которыми отличается превосходный экземпляръ Мазариновской библии на бумагѣ.

Читающихъ я засталъ не много, но это былъ часъ дня, въ который библиотеку запираютъ. Выходя изъ библиотеки, я подошелъ къ г. Вёмеру, чтобы проститись съ нимъ и выслушать отъ него еще, если не жалобу, то покрайней-мѣрѣ сожалѣніе и о чемъ-же? — о нашей Императорской Публичной Библиотекѣ. Пока я оставался въ залахъ, г. Вёмеръ досталъ только-что поступившую къ нему книгу *Memoirs of libraries by Edwards. London 1859*, отыскавъ въ ней главу о нашей библиотекѣ и на приложенномъ планѣ успѣлъ замѣтить, что зданіе наше очень мало и что въ немъ нѣтъ нигдѣ сводовъ. Взглянувъ на планъ, я увидѣлъ, что г. Эдвардсъ въ своей новой книгѣ изобразилъ нашу Библиотеку такою, какъ она была при Александрѣ I. Чтобы разсѣять тревожныя мысли почтеннаго Вёмера, я разсказалъ ему о нынѣшнемъ объемѣ нашей Библиотеки, о ея сводахъ, о способѣ отопленія и наконецъ о новомъ предположеніи сдѣлать пристройку также со сводами.

Библиотека, которую я осматривалъ послѣ небольшой Франкфуртской библиотеки, была громаднѣйшая Парижская *Bibliothèque Impériale*. Первая личность, которую я совершенно случайно здѣсь встрѣтилъ на первомъ шагѣ, былъ директоръ ея, г. Ташро (*Taschereau*). Услышавъ мое имя, извѣстное уже ему по сочиненію моему «*Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques*» (*); сообщенному ему моимъ начальствомъ чрезъ Французскаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, онъ принялъ меня отлично и проводилъ въ свой кабинетъ. Наговоривъ множество похвалъ моему сочиненію, которое, какъ я послѣ узналъ, онъ тщательно спряталъ и, до пріѣзда моего, никому изъ библиотечарей еще не показывавъ, г. Ташро непосредственно перешелъ къ жалобамъ на воровство, безпрерывно продолжающееся во ввѣренный ему библиотекѣ. Въ тотъ самый день, когда онъ принималъ меня, въ библиотекѣ открыто слѣдующее похищеніе. Какой-то господинъ, читая сочиненія Поля

(*) См. Ж. м. н. пр. Ч. С. отд. II, статью: *Объ устройствѣ общественныхъ библиотекъ и составленіи ихъ каталоговъ*.

Лакруа: «Histoire de l'imprimerie», нашелъ тамъ извѣстіе объ одной очень любопытной афишѣ временъ кардинала Мазарини. Афишу эту авторъ самъ видѣлъ въ Императорской Парижской библиотекѣ и положительно говорить, что она вклеена въ такую-то рукопись, у листа подъ такимъ-то номеромъ. Читатель, желая видѣть описываемую имъ афишу, спросилъ рукопись, но при указаніи листѣ нашелъ только слѣды, доказывающіе, что тутъ прежде было что-то приклеено, но афиши не оказалось. Очевидно, что кто-то раньше прочелъ «Histoire de l'imprimerie» и навѣдался уже въ указанной рукописи. Ташро съ презрѣніемъ отзывается о ворихкахъ, которые ищутъ стащить обыкновенную книгу, иногда не для содержаніе ея, а только для хорошаго переплета, и въ то-же время горько жалуется на ученыхъ воровъ, которые таскаютъ изъ библиотеки величайшія рѣдкости и отнимаютъ у грядущихъ поколѣній важнѣйшія пособія науки. Афишу временъ Мазарини не могъ утащить пошлый ворихка: она находилась въ рукописи, рукописи-же выдаются не первому пришедшему, а людямъ извѣстнымъ или по ученымъ трудамъ или по-крайней-мѣрѣ по своему положенію въ обществѣ. Раздѣливъ искренно печаль почтеннаго Ташро, я попросилъ у него позволеніе осмотрѣть всю библиотеку и ознакомиться съ ея устройствомъ. Онъ далъ мнѣ проводника, молодого и мастерски-говорящаго *des riens* Парижанина.

Первый предметъ, на которомъ я остановилъ особенное вниманіе, была читальная зала, гдѣ я засталъ человѣкъ полтора-ста публики, довольно неопрятной. Я слышалъ прежде объ этой обширной залѣ, о сидящемъ въ срединѣ ея библиотекарѣ, съ которымъ всѣ приходящіе совѣтуются насчетъ выбора книгъ, и который, сидя на возвышеніи, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ читальной залѣ. По этимъ слухамъ я составилъ себѣ такое понятіе, къ которому дѣйствительность не подошла на очень далекое разстояніе. Подъ вліяніемъ бесѣды г. Ташро, взглянувъ на обстановку читальной залы, я почувствовалъ что-то въ родѣ того, что мы чувствуемъ видя въ рукахъ дятати дорогую и хрупкую вещь. У входа въ аданіе библиотеки привѣшено извлеченіе изъ правилъ для посѣтителей, гдѣ сказано: «въ чтеніе не выдаются книги противныя нравственности; театральныя пьесы; сочиненія авторовъ, находящихся въ живыхъ (1); романы, какъ отдѣльно изданные, такъ и помѣщенные въ собранія сочиненій; изданія съ иллюстраціями; всѣ журналы и періодическія изданія за послѣднія 20 лѣтъ;

брошюры юмористическія и имѣющія отношеніе къ современности; книги адресовъ; всякаго рода учебныя книги и вообще все, что можно легко получить во всѣхъ библіотекахъ для чтенія (*cabinets de lectures*). Никакое новое сочиненіе не выдается до истеченія года со дня появленія его въ свѣтъ.

Ограниченія эти такъ эластичны, что Императорская Парижская библіотека не даетъ своимъ посѣтителемъ никакихъ новыхъ книгъ; за всѣмъ тѣмъ въ читальной залѣ всегда пропасть читателей, которые требуютъ исключительно старыя и часто очень рѣдкія книги. Въ правилахъ сказано еще (§ 73): «молодые люди до 20 лѣтъ имѣютъ доступъ въ читальную залу не иначе, какъ по особому позволенію директора.» Тампо рассказывалъ мнѣ, что во все время его управленія онъ далъ позволенія только двоимъ, не дожившимъ до 20 лѣтъ; и то вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ ихъ родственниковъ, людей извѣстныхъ съ отличной стороны; но молодые люди оправдали смыслъ закона и ихъ послали прогуляться: одинъ спросилъ *Les fables de Lafontaine*, которыя можно купить у всякаго букиниста за полфранта, а другой — *l'histoire de Cartouche*.

Являющіеся въ читальную залу *habitués* берутъ приготовленные для нихъ печатные бланки; пишутъ заглавія того что имъ нужно, подписываютъ свое имя (какъ и въ Мюнхенѣ) и отдаютъ библіотекарю, сидящему на возвышеніи. Библіотекаръ принимаетъ требованія, глубокомысленно ставитъ на всѣхъ одинъ и тотъ-же значекъ и передаетъ ихъ служителямъ (*garçons*), которые стоятъ противъ каедръ библіотекаря и имѣютъ въ своемъ распоряженіи кожаные ящики, поднимающіеся и опускающіеся на веревкахъ между верхнимъ этажемъ или, лучше сказать, между чердакомъ и нижнимъ этажемъ, гдѣ находятся каталоги. Принявъ отъ библіотекаря требованіе, *garçon* кладетъ его въ ящикъ и отправляетъ вверхъ за книгою. Если книги не найдутъ, то требованіе возвращается въ читальную залу съ извѣстной отмѣткой, и отправляется внизъ къ каталогамъ, откуда оно или возвращается въ чердакъ съ отмѣткой по каталогу, или приходитъ въ читальную залу съ отказомъ, выраженнымъ многозначительнымъ словомъ *absent*. Если книга отыщется, то какая-бы она ни была рѣдкая, библіотекаръ вызываетъ лицо, подписавшее требованіе, вручаетъ ему книгу, а требованіе оставляетъ у себя. Нужно-ли повторять то, что я слышалъ въ Мюнхенѣ? Можно-ли предполагать, чтобы

Французъ въ-отношеніи къ книгѣ былъ менѣе чувствителенъ, нежели Баварецъ? Тампро говорилъ мнѣ, что онъ занимается составленіемъ новыхъ правилъ для читальной залы. Отъ всей души желаю ему наилучшаго успѣха, а нынѣшнихъ правилъ Императорской Парижской библіотеки никому не совѣтую принимать за образецъ.

Поль Ланруа (Bibliophile Jacob) въ сочиненіи своемъ: «Reforme de la Bibliothèque du Roi» рассказываетъ, что читальную залу публика усерднѣе посѣщаетъ зимой и именно потому, что зала эта отапливается и въ ней можно погрѣться. Въ сильные холода тамъ бываетъ такъ людно, что найти свободный стулъ нѣтъ никакой возможности. Очень многіе читаютъ или стоятъ или прожидаясь, а богѣе смышленные люди, сверхъ небольшихъ книгъ, предположенныхъ для чтенія, требуютъ еще le *Moniteur universel* за нѣсколько лѣтъ, или другіе какіе-нибудь старые фоліанты: изъ большихъ книгъ они устроятъ себѣ сидѣнье, а небольшія читаютъ и такимъ образомъ благоденствуютъ въ нагрѣтомъ пространствѣ.

Читальная зала такъ длинна, что ее можно назвать галереей, и такъ узка, что въ ней стоитъ одинъ только столъ во всю ея длину. Библіотекаръ, находящійся въ срединѣ, хотя сидитъ и на нѣкоторомъ возвышеніи, но хотя-бы онъ обладалъ самыми зоркими глазами, ему нельзя наблюдать за дѣйствіями чтецовъ, да кромѣ того онъ занятъ безпрестанно дѣланіемъ своего значка на требованіяхъ. При такой обстановкѣ любители чтенія совершенно свободны въ своихъ поступкахъ съ книгами.

Видѣвъ простоту процесса полученія въ читальную залу книгъ, я не могъ однакоже замѣтить, скоро-ли исполняются требованія, и попросилъ позволенія испытать лично этотъ процессъ. Проводникъ мой очень обязательно предложилъ мнѣ бланкъ, и я написалъ: «Kojalowski. Historia Lithuania»; библіотекаръ сдѣлалъ на моей запискѣ свой вѣчный значекъ и записка отправилась въ чердакъ. Потребованная мною книга, какъ извѣстно, не есть рѣдкость, то она имѣетъ одну особенность: авторъ, написавъ девять книгъ своей исторіи Литвы, напечаталъ ихъ въ 1650 г., какъ оконченное сочиненіе, въ одномъ томѣ, а девятнадцать лѣтъ спустя, т.-е. въ 1669 г., надалъ еще восемь книгъ. Любопытно было знать, что мнѣ выдадутъ. Проводникъ очевидно тревожился, ожидая отвѣта. Спустя 10—15 минутъ книгу спустили въ ящикѣ.

Проводникъ мой вынулъ ее оттуда и съ оіяющимъ лицомъ показъ мнѣ заглавный листъ, по судьбѣ не угодно было продлить его радость: зная загадку, я раскрылъ книгу въ срединѣ, гдѣ на каждый страницѣ повторено *page II*. Я не настаивалъ на полученіи перваго тома и попросилъ позволенія потребовать еще Польскую книгу, мотивируя свое желаніе тѣмъ, что въ ней говорится о Кояловичѣ. Явился новый бланкъ и я написалъ: *Lelewela (Joachima), bibliograficznusch kniag dwoje*. Требованіе мое ходило такъ долго, что мы ушли осматривать другія залы библіотеки, и когда воротились въ читальную, то оказалось, что, побывавъ въ чердакѣ и внизу, требованіе мое воротилось со стереотипнымъ отвѣтомъ: *absent*.

Возлѣ большой читальной есть особая зала для чтенія роскошно-изданныхъ книгъ. Тамъ въ полу сдѣланы два очень большія круглыя отверстія, въ которыхъ укрѣплены громадныя глобусы: земной и небесный. Одна гемисфера каждаго глобуса находится въ нижнемъ этажѣ. Для науки глобусы эти совершенно безпріезны: они сдѣланы гѣтъ полтора ста тому назадъ. Какъ дѣковинки, они интересовали-бы публику, еслибы устроены были гдѣ-нибудь въ проходной залѣ, но туда, гдѣ они стоятъ, всѣхъ не пускаютъ.

Я нѣсколько разъ упомянулъ о чердакѣ, откуда присылаются въ читальную залу книги. Выраженіе это можетъ показаться страннымъ, по выражаемое есть дѣйствительно чердакъ подъ крышей Мансаровской конструкціи. Чердакъ по всему зданію раздѣленъ поперечными шкафами, въ довольно близкомъ оди́нѣ отъ другаго разстояніи. Въ срединѣ проходъ во всю длину чердака. Свѣтъ получается сквозь небольшія окна, сдѣланныя въ крышѣ при каждомъ промежуткѣ шкафовъ. Чердаки такъ длинны и шкафовъ въ нихъ такъ много, что, по соображенію моему, они вмѣщаютъ не менѣе 300,000 томовъ. Полы въ чердакахъ сдѣланы вездѣ изъ небольшихъ осмиугольныхъ кирпичей. Въ бельэтажѣ много большихъ залъ, убранныхъ очень роскошно во вкусѣ *Louis XIV*: шкафы и галереи на нихъ прекрасно нарисованы и украшены превосходнѣйшею рѣзбой. Рѣшетки подъ поручнемъ на галереяхъ вездѣ желѣзныя, самыя затѣйливыя формъ и очень изящнаго рисунка. Замѣчательна рѣшетка на парадной лѣстницѣ. Она нарисована и сработана такъ хорошо, что ее можно назвать образцовымъ произведеніемъ орнаментной скульптуры изъ желѣза.

Но все это давно уже стоитъ безъ починки: нигдѣ не видно признаковъ заботы человѣка. Малыя лѣстницы, ведущія на галереи и въ чердакъ, отъ долгаго употребленія такъ истерлись, что по нимъ нужно ходить съ большою осторожностью.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною залъ богаче и роскошнѣе убраны: кабинетъ медалей и галерея Мазарини. Въ кабинетѣ медалей превосходная картина, вставленная въ плафонъ, и нѣсколько портретовъ, замѣчательныхъ какъ художественныя произведенія. Всѣ монеты, медали и антики расположены въ богатыхъ съ зеркальными стеклами шкафахъ. Всѣ собранія находятся въ отличномъ порядкѣ.

Галерея Мазарина такъ хороша въ архитектурно-декоративномъ отношеніи, что, при предполагаемой сноскѣ всего стараго зданія и постройки новаго, ее сохранять въ цѣлости и реставрируютъ. Все зданіе библіотеки очень хорошо и могло-бы еще существовать вѣка. Оно даже не лишено изящества ни въ формахъ, ни въ украшеніяхъ, но только съ внутренней стороны т.е. со двора. Дворъ очень обширный: на немъ разведенъ садъ и устроенъ фонтанъ, который постоянно пушеть, по-крайней-мѣрѣ, поутрамъ, когда я его видѣлъ. Зато по улицѣ Ришелье зданіе библіотеки болѣе, нежели некрасиво. Скудная, глухая, безъ оконъ, безъ архитектуры стѣна тянется безконечно. Но о строеніи мы поговоримъ послѣ. Кончимъ прежде обзоръ внутренняго расположенія, которое скоро исчезнетъ подъ мановеніемъ архитектора Лабруста.

Книжныя богатства Парижской библіотеки поразительны. Она вмѣщаетъ, какъ говорятъ, болѣе милліона сочиненій, которыя разставлены преимущественно въ систематическомъ порядкѣ. Есть и отдѣльныя собранія, составляющія цѣлыя библіотеки. Мнѣ показывали, напримѣръ, собраніе книгъ, напечатанныхъ на пергаментѣ. Это не маленькая коллекція, какія я видѣлъ въ другихъ библіотекахъ, почему даже и не упоминалъ о нихъ, какъ о предметахъ незамѣчательныхъ—это библіотека, содержащая въ себѣ до 3000 томовъ разныхъ форматовъ, отъ фоліантовъ до самыхъ миниатюрныхъ книжекъ. Всѣмъ этимъ богатствамъ есть, говорятъ, каталоги, но я ихъ не видалъ. Мой молодой проводникъ такъ ловко умѣлъ меня провести, что я всегда былъ далеко отъ залъ каталоговъ. Можетъ-быть, исторія Кояловича заставила его остерегаться меня; но такъ или иначе, а только я не нашелъ удобнымъ

настаивать на обзорѣннѣ каталоговъ и долженъ былъ удовольствоваться выѣшннимъ обзоромъ. Впрочемъ, всѣмъ извѣсто, что Императорская Парижская библіотека не можетъ гордиться своими каталогами, и мнѣ, послѣ Германіи, тутъ нечему было учиться.

Выставки въ отдѣленіи печатныхъ книгъ очень не многочисленны. Если вспомнить, какъ велики сокровища Парижской библіотеки, можно было-бы сдѣлать гораздо больше. Однакожъ и то, что я нашелъ, чрезвычайно примѣчательно: такъ наприм. я видѣлъ рядъ любопытныхъ произведеній тисненія, представляющій исторію типографскаго искусства. Рядъ начинается одною страницей изъ грамматики Доната, — ксилографомъ, возлѣ котораго положена доска, давшая этотъ рѣдкій оттискъ. Потомъ идутъ ксилографы съ рисунками, одинъ листъ Апокалипсиса, различныя рѣдкія инкунабулы и далѣе, примѣчательныя произведенія Европейскихъ типографскихъ станковъ разныхъ столѣтій, до современныхъ роскошнѣйшихъ изданій. Не менѣе любопытна выставка переплетовъ, среди которыхъ мое вниманіе особенно остановила Русская біблія XVII столѣтія въ старинномъ Русскомъ переплетѣ.

Для обзорѣнія всѣхъ залъ библіотеки публика допускается два раза въ недѣлю: по вторникамъ и пятницамъ, отъ 10 до 3 часовъ. Это дѣлается тамъ не такъ, какъ у насъ: всякій, кто пожелаетъ, обходить залы безъ проводника и то только въ бель-этажѣ, и разумѣется ничего не видать, кромѣ угрюмыхъ рядовъ старыхъ книгъ и двухъ небольшихъ выставокъ, о которыхъ я говорилъ. Посѣтители, желающіе обзорѣвать Императорскую Публичную Библіотеку въ С.-Петербургѣ, пользуются большимъ вниманіемъ: для приѣма ихъ назначенъ часъ, въ который ихъ принимаетъ и ведетъ по всѣмъ заламъ не простой проводникъ, но ученый библіотекаръ, бесѣдующій съ ними и останавливающій ихъ вниманіе не предметахъ, выставленныхъ въ витринахъ. Такое посѣщеніе Библіотеки нашей ощутительно-полезно для публики: посѣтители, обходя залы Библіотеки, не теряютъ время по напрасну, но приобретаютъ запасъ полезныхъ знаній.

Въ кабинетъ медалей публику не пускаютъ, да и что ей тамъ дѣлать? Знатокъ, которому любопытно видѣть рѣдкія медали, монеты, камни и проч., всегда найдетъ возможность проникнуть въ ихъ хранилище: начальникъ кабинета Шабулье — врослѣщенный и очень любезный человекъ, помощники его — Парижане — с'est

tout dire. Если-же фланеру захотѣлось-бы употребить съ пользою свой досугъ и наглядно изучить нѣкоторыя изящныя формы антиковъ, то въ Парижѣ, кромѣ библіотеки, есть много къ тому средствъ. Великолѣпныя Луврскія залы и галереи, наполненныя чудесными картинами, статуями, камнями и древностями, открыты для всѣхъ ежедневно. Ступайте, смотрите, наслаждайтесь, учитесь и, если устанете ходить и стоять, то можете отдохнуть на покойныхъ диванахъ, для васъ поставленныхъ. Тамъ управленіе приготовилось принимать гостей всѣхъ разрядовъ и употребило всѣ средства къ тому, чтобы гости эти могли на все только смотрѣть, но ни къ чему не прикасаться. Въ Императорской библіотекѣ на это также обращено вниманіе: посѣтители не могутъ подходить близко къ шкафамъ: ихъ не допускаютъ желѣзные прутья, протянутые гдѣ нужно. Кромѣ-того въ каждой залѣ скачуютъ, сидя на стульяхъ, ветераны въ треугольныхъ шляпахъ и лѣнливо посматриваютъ на проходящую публику, которая впрочемъ не очень тѣснится: я былъ въ часы, когда библіотека открыта для обозрѣнія, и не встрѣтилъ ни души. Такъ-ли бываетъ всегда — я не знаю.

Хранилище рукописей занимаетъ нѣсколько просторныхъ залъ, бывшихъ нѣкогда помѣщеніемъ какого-нибудь баловня судьбы. Плафоны и карнизы сохранили первобытную великолѣпную отдѣлку, которая однакожь сильно пострадала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оттого, что вѣроятно крыша на зданіи не всегда была исправна. Штукатуры, задѣлывая отпавшую на плафонахъ штукатурку, не слишкомъ бережно обращались съ нимфами и амурами, населявшими жилище сибарита, и грубою кистью замазали имъ то головы, то ноги. Подъ карнизами замѣтны слѣды дорогихъ шелковыхъ обоевъ. Хранилище рукописей устроено очевидно не въ ту эпоху, когда была меблирована вся библіотека. Здѣсь шкафы не красивы, сдѣланы изъ простыхъ досокъ и кое-какъ выкрашены. Въ одной изъ залъ я насчиталъ чедовѣкъ 20 посѣтителей, занимающихся рукописями.

Отдѣленіе эстамповъ Императорской Парижской библіотеки, по богатству своему, не имѣетъ себѣ подобнаго нигдѣ. Оно размѣщено въ нижнемъ этажѣ подъ галереею Мазарини, во всю ея длину, и кромѣ-того занимаетъ еще нѣсколько небольшихъ залъ, наполненныхъ эстампами до тѣсноты. Хранители Парижской коллекціи

эстамповъ сами положительно не знаютъ сколько у нихъ эстамповъ, но утверждаютъ, что есть больше миллиона.

Посторонніе посѣтителѣ допускаются только въ первую залу, которая параллельна галерей Мазарини. Здѣсь на шкафахъ и стѣнахъ развѣшаны въ отдѣльныхъ рамахъ за стеклами перла коллекціи: самыя рѣдкія гравюры знаменитѣйшихъ художниковъ въ числѣ 413. Отъ начала XV столѣтія до нашего времени всѣ эпохи исторіи гравюры имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Гравюръ XV столѣтія выставлено 35. Изъ нихъ самая древняя св. Христофоръ 1423 года и нѣсколько произведеній другихъ неизвѣстныхъ художниковъ, потомъ Мазо Финигверра, Перегрини, Бачо Бальдини, Палайоло и др. Столѣтіе XVI начинается Альбертомъ Дюреромъ. Изъ его произведеній выставленъ св. Губертъ, который находится въ числѣ выставленныхъ гравюръ и въ нашей Императорской Публичной Библіотекѣ. Бывшій хранитель эстамповъ Парижской библіотеки Дюшенъ (J. Duchesne aîné) издалъ подробное описаніе всѣхъ выставленныхъ произведеній.

У насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С. Петербургѣ есть также, сравнительно, небольшая коллекція эстамповъ, изъ которой выбраны и выставлены замѣчательныя вещи Марка Антонія, Мартина Шена, Мантеньи, Дюрера и другихъ; но мы брали и выставили то, что у насъ есть, а въ Парижѣ выборъ сдѣланъ изъ громаднхъ запасовъ и для выставки взяты самыя лучшіе оттиски, въ отличнѣйшихъ экземплярахъ, превосходно-сохранившихся и съ большими полями. Такихъ выставокъ я нигдѣ не видывалъ, но за то я не видывалъ нигдѣ и такой бѣдной обстановки. Эстампы вставлены въ такія плохія рамки, какихъ въ Парижѣ и за деньги достать нельзя. Самая лучшая рамка и самое лучшее стекло сдѣланы къ гравюрѣ Дюпона съ картины Поль-Делароша, извѣстной подъ названіемъ *hémicycle*. Гравюра эта есть недавнее приобрѣтеніе въ Парижской коллекціи изъ числа экземпляровъ *avant la lettre*, которые цѣнятся очень высоко; но еще выше цѣнятся экземпляры, извѣстные подъ названіемъ *dernières épreuves d'artiste*, т.-е. оттиски, дѣлаемые для самого гравера до печатанія экземпляровъ *avant la lettre*. По этимъ оттискамъ граверъ просматриваетъ свое произведеніе прежде, нежели даетъ окончательное разрѣшеніе печатать. Они дѣлаются обыкновенно въ очень небольшомъ количествѣ и раскупаются, какъ говорится, на-расхватъ

богатыми любителями гравюръ. Отличительныя качества ихъ: чистота, свѣжесть и, если можно такъ выразиться, бархатность штриха. Гравированная доска, не напитанная еще массою чернилъ, что дѣлается съ нею по сдѣланіи нѣсколькихъ десятковъ оттисковъ, производитъ на первыхъ экземплярахъ необыкновенно-отчетливые штрихи. Однимъ изъ такихъ экземпляровъ обладаетъ наша Императорская Публичная Библіотека и въ этомъ отношеніи она первенствуетъ надъ Парижскою. Этимъ пріобрѣтеніемъ мы обязаны просвѣщенной щедрости члена нашей Библіотеки графа Н. А. Кушелева-Безбородко, лично купившаго этотъ эстампъ у самого издателя, въ бытность мою въ Парижѣ.

Мнѣ нельзя было позволить себѣ наслаждаться разсматриваніемъ и изученіемъ сокровищъ Парижской коллекціи эстамповъ: у меня впереди было слишкомъ много дѣла и слишкомъ мало времени; но я не могъ не посмотреть на тѣ вещи, которыхъ въ жизни никогда больше мнѣ не удастся видѣть, если я еще разъ не побываю въ чужихъ краяхъ. Мнѣ хотѣлось видѣть старыхъ Италіянскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, которые очень рѣдки. Я спросилъ Baccio Baldini и мнѣ подали не одну или двѣ гравюры, а цѣлый томъ. Я назвалъ Girolamo Moceto и мнѣ дали еще цѣлый томъ. Andrea Mantegna—тоже. Martin Schön—тоже. Наконецъ я попросилъ показать мнѣ какія у нихъ есть ниселі и мнѣ принесли опять цѣлый томъ. Я принялся пересматривать и видѣлъ 65 отличнѣйшихъ ниселей, изъ коихъ пять на серебрѣ. Я полюбопытствовалъ узнать сколько у нихъ гравюръ старыхъ неизвѣстныхъ мастеровъ и мнѣ указали цѣлые ряды томовъ по каждой школѣ. Работы Алб. Дюрера занимаютъ цѣлую полку. Если такія рѣдкости считаются въ Парижской коллекціи сотнями и тысячами, то можно-ли сомнѣваться, что она имѣетъ всѣхъ эстамповъ больше милліона?

Вся коллекція находится въ отличномъ порядкѣ. Рѣдкія гравюры, видѣнныя мною, монтированы очень тщательно. Для этого въ библіотекѣ есть особые мастера, которые, кромѣ чистки и монтированія эстамповъ, ничѣмъ другимъ не занимаются. Коллекція раздѣлена на школы, а работы неизвѣстныхъ художниковъ разложены въ систематическомъ порядкѣ. Всей коллекціи каталога нѣтъ, но отдѣленія портретовъ и топографій, т.-е. видовъ и плановъ городовъ, мѣстностей, извѣстныхъ зданій и т. под., имѣютъ особые алфавитныя каталоги.

Я видѣлъ здѣсь въ большомъ употребленіи особаго рода переплеты на винтахъ, такъ - называемые *подвижные переплеты* (*reliures mobiles*). Они изобрѣтены переплетчикомъ Веберомъ (2, rue Hautefeuille), получившимъ на нихъ привилегію. Они очень многосложны и для храненія эстамповъ очень удобны. Весь механизмъ находится въ корешкѣ переплета и состоитъ изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, между которыми вставляются листы съ наклеенными эстампами. Одинъ изъ брусковъ прикрѣпленъ къ папкѣ переплета, а другой привинчивается къ первому нѣсколькими винтами: тремя, четырьмя, смотря по величинѣ формата листовъ. На листахъ, вставляемыхъ между брусками, сдѣланы вырѣзки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются съ винтами, такъ что бруски сжимаютъ края листовъ всею своею толщиной. Винтъ приводится въ движеніе такимъ ключемъ, какіе дѣлаются для большихъ часовъ.

Въ отдѣленіи географическихъ картъ такой-же отличный порядокъ, какъ и въ отдѣленіи эстамповъ. Хранители работаютъ надъ каталогами. Тамъ я видѣлъ небольшую, но очень-полезную для обозрѣвающихъ посѣтителей, выставку рельефныхъ картъ. Если онѣ и не математически-точны, то все-таки, при довольно-большомъ масштабѣ, наглядно даютъ полное понятіе въ-особенности объ относительной величинѣ и формахъ горъ.

При Парижской библиотекѣ есть свои переплетчики. Управленіе библиотеки не ведетъ счета работъ и, платя 15,600 фр. жалованья мастерамъ, кромѣ издержекъ на матеріалы, не знаетъ положительно во что обходится ей каждая переплетенная книга. Переплетныя работы раздѣлены на три мастерскія: въ первой переплетаютъ книги, во второй чистятъ и монтируютъ эстампы и наконецъ въ третьей работаетъ одинъ человекъ, *artiste*, какъ его называютъ, занимающійся единственно починкою старинныхъ переплетовъ. Последняя мастерская есть доказательство просвѣщенной заботливости управленія. Дѣланіе новыхъ переплетовъ есть обычная, вызываемая необходимостью работа, но возобновленіе такихъ переплетовъ, которыхъ въ наше время ни одинъ мастеръ не возмется сдѣлать, — это заслуга, которую будутъ достойно цѣнить наши потомки. Мастеръ, починивающій старые переплеты, истинный артистъ. Приступая къ реставраціи переплета, онъ прежде совѣстливо его изучаетъ, присматривается къ другимъ пере-

плетамъ той-же эпохи, лучше сохранившимъся, и принимается за работу съ полнымъ пониманіемъ того, что онъ долженъ сдѣлать.

Въ мастерской, гдѣ переплетаютъ книги, работу производятъ мужчины и женщины, раздѣляя ее между собой сообразно роду переплета и искусству работника. Тутъ дѣлается все такъ, какъ библіотекѣ нужно: ручныя книги переплетаются очень прочно и даже красиво, менѣе употребительныя переплетаются въ каленкоръ, а иные просто картонируются. Какъ удобно подобное заведеніе для библіотекарей и хранителей. Иногда нужно перенести заглавіе изъ одного экземпляра въ другой, вклеить карту или эстампъ, приклеить этикетъ, напечатать надпись. Поручая вольнымъ переплетчикамъ исполненіе всѣхъ этихъ мелочей, нужно отправлять книги изъ библіотеки, записывать, принимать ихъ, а имѣя переплетную мастерскую подъ руками, все это можно сдѣлать въ минуту встрѣтившейся потребности, рассказать на словахъ, что и какъ сдѣлать. Во всѣхъ мастерскихъ работаютъ 8 мастеровъ и 6 мастерицъ.

Число служащихъ при Парижской библіотекѣ слѣдующее:

Библіотекарей, хранителей, помощниковъ ихъ и писцовъ	68
Мастеровыхъ переплетчиковъ	14
Старшій служитель	1
Привратникъ	1
Привратницъ	2
Служителей (garçons)	23
Чернорабочій	1
Работницъ	2

Всего 112

На жалованье имъ расходуется ежегодно 257,250 франковъ по декрету 23 августа 1858 года. На покупку книгъ не ассигнуется особыхъ суммъ, но, по мѣрѣ надобности, онѣ испрашиваются у министра народнаго просвѣщенія. Веденіе счетоводства въ Парижской библіотекѣ облечено въ такія простыя формы, что казначей (tresorier), исполняя эту должность безъ помощниковъ и оставаясь въ библіотекѣ не болѣе 5 часовъ въ день, можетъ вести всѣ дѣла по bureau des entrées т.-е. по приему всѣхъ поступающихъ въ библіотеку книгъ. Для выдачи жалованья ежемѣсячно составляется

списокъ, въ которомъ поименовывается отдѣльною статьей каждый изъ 112 служащихъ, означается въ графѣ количество слѣдующихъ къ выдачѣ денегъ и оставляется графа для подписей всѣхъ получателей. Списокъ этотъ утверждается директоромъ и казначей, идучи на слѣдующій день въ библіотеку, заходитъ въ казначейство, чтобъ получить то, что указано закономъ и подтверждено директоромъ. Получивъ деньги, казначей является въ библіотеку, раздаетъ всѣмъ служащимъ, что имъ слѣдуетъ; они, каждый противъ своей статьи, подписываютъ только свою фамилію и казначей остается безъ денегъ, или, лучше сказать, избавляется отъ хлопотъ беречь казенныя деньги. Въ тотъ-же день списокъ отсылается въ контроль и, кромѣ этого списка, нѣтъ ни шнуровыхъ книгъ, ни предписаній, ни отчетовъ годовыхъ и мѣсячныхъ, ни ревизій суммъ, однимъ словомъ, ничего того, на что надо было-бы терять золотое время. Казначей оставляетъ у себя черновую копію списка, но это онъ дѣлаетъ собственно для своихъ справокъ, а не для храненія въ архивѣ, котораго тоже нѣтъ и онъ вовсе ненуженъ. По другимъ расходамъ операція совершается такъ-же просто. Напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія, по представленію директора библіотеки, разрѣшаетъ купить книги. Казначей съ разрѣшеніемъ министра является въ казначейство и получаетъ деньги. Книгопродавецъ представляетъ счетъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ на гербовой бумагѣ. Счетъ этотъ, съ распиской книгопродавца въ полученіи денегъ, отсылается въ контроль, а другой экземпляръ, на простой бумагѣ, остается въ библіотекѣ для ученой потребности т.-е. для записки и храненія въ *bureau des entrées*. Точно также просто дѣлаются всѣ уплаты по содержанію библіотеки.

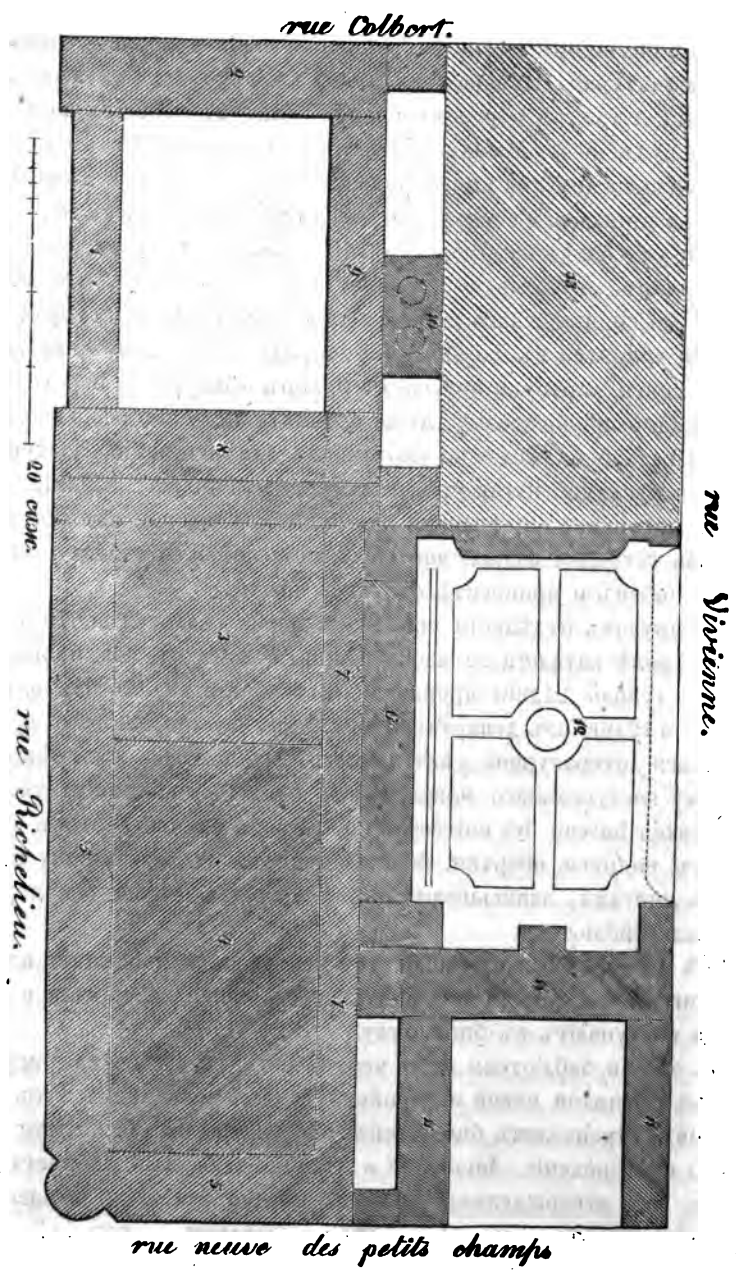
Bureau des entrées, или отдѣленіе для записки всего поступающаго въ библіотеку, соотвѣтствуетъ каталогу приращеній (*Accessions-katalog*), о которомъ я говорилъ при описаніи Мюнхенской библіотеки. Оно организовано нынѣшнимъ его начальникомъ (онъ-же и казначей) *Olivier Barbier*. *Bureau* раздѣлено на двѣ части: въ одну поступаютъ всѣ новыя пріобрѣтенія (*acquisitions*), а въ другую все, что печатается во Франціи и получается по закону изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ префектовъ всѣхъ департаментовъ (*entrées du dépôt*). Въ *acquisitions* есть одна книга для записыванія всѣхъ книгопродавческихъ фактуръ т.-е. счетовъ.

Книга эта, мнѣ кажется, довольно не удобна: она заведена съ 1841 года и съ тѣхъ-поръ идетъ непрерывная серія нумеровъ, означаемыхъ на фактурахъ. Нумера эти ставятъ на карточкахъ каталога приобрѣтений, и такимъ образомъ по книгѣ фактуръ узнаютъ когда и у кого что куплено. Въ Мюнхенѣ это устроено лучше. Тамъ на самой карточкѣ написано имя книгопродавца, время покупки и цѣна. При этихъ указаніяхъ всѣ справки устраняются. Въ Парижѣ съ 1841 года записано уже болѣе 3900 фактуръ. Кромѣ книги фактуръ, есть еще другая книга, въ которую подробно записывается все, что покупается. Заглавія заказываемыхъ книгъ вписываются на карточки, которыя хранятся въ алфавитномъ порядкѣ. При полученіи записанной книги, карточка получаетъ номеръ фактуры и переходитъ въ каталогъ приобрѣтений, также алфавитный. Есть особый алфавитный каталогъ, также на карточкахъ для сочиненій, поступающихъ выпусками (*livraisons*) и для повременныхъ изданій. На этихъ карточкахъ отмѣчается каждая поступающая книжка журнала или тетрадка издаваемой выпусками книги. Каталогъ этотъ очень удобенъ и приноситъ большую пользу.

Въ другомъ отдѣленіи *entrées du dépôt* дѣлается почти то-же самое, кромѣ каталога заказовъ и книги фактуръ. Въ прошломъ году поступило 21,000 произведеній тисненія: 9,000 изъ одного Парижа и 12,000 изъ департаментовъ. Увидѣвъ такую цифру, можно изумиться литературной дѣятельности Франціи, но, всмотрѣвшись въ массу поступающаго, можно также изумиться какими пустяками занимается *bureau des entrées*. Разнаго рода бланки счетовъ купеческихъ, надписи, обертки, билеты принимаются по закону наравнѣ съ книгами, записываются въ реестры, получаютъ номера и штемпель библіотеки.

Всѣ поступающія въ библіотеку непереплетенныя книги идутъ изъ *bureau des entrées* прямо въ переплетныя мастерскія и уже оттуда поступаютъ въ библіотеку.

Въ зданіи библіотеки есть чертежная, гдѣ дѣлаются рисунки для предпринятой новой постройки. Тамъ я познакомился съ Лабрустомъ, строителемъ библіотекъ: *bibliothèque Ste. Geneviève* также его произведеніе. Ласковый и отлично-любезный Лабрустъ показалъ мнѣ утвержденный проектъ новаго зданія и объяснилъ всѣ свои предположенія. Существующее зданіе по улицѣ Ришль все будетъ сломано. Отъ него останутся только галерея Мазарини

и зала съ глобусами, о которой я говорилъ выше. Кромѣ-того останется еще корпусъ, выходящій на пересѣченіе улицъ Vivienne и rue Neuve des petits champs. Тамъ живетъ Ташро и нѣкоторые изъ библіотекарей, помѣщаются переплетныя мастерскія и залы для публичныхъ лекцій. По плану очень легко составить себѣ понятіе о зданіи Парижской библіотеки.

1) Колоннада, по которой публика будетъ проходить въ библіотеку; 2) зала читальная для всей публики; 3) зала для работъ ученыхъ; 4) зала для помѣщенія 600,000 старыхъ книгъ; 5) помѣщеніе для новыхъ книгъ и bureau des entrées; 6) галерея Мазарини въ бельэтажѣ для рукописей, а подъ нею зала для занятій эстампами; 7) галереи для эстамповъ; 8) внизу, залы для книгъ и надъ ними кабинетъ медалей и древностей; 9) географическія карты; 10) зала глобусовъ; 11) корпусъ гдѣ живутъ служащіе, помѣщаются мастерскія переплетчиковъ и залы для публичныхъ лекцій; 12) садъ; 13) дома постороннихъ владѣльцевъ.

Въ новомъ строеніи предполагается читальная зала для публики на 300 человекъ, съ большой библіотекѣй такихъ книгъ, которыя могутъ быть полезны и нужны для такъ-называемыхъ любителей чтенія. Въ другую, большую читальную залу будутъ допускаться только люди, являющіеся не для чтенія, а для ученой работы. Любопытно знать, какъ въ Taschereau, въ составляемыхъ имъ правилахъ, разграничить читателей и опредѣлить права тѣхъ избранныхъ, которые будутъ входить въ залу, назначаемую для ученыхъ работъ. По существующимъ теперь правиламъ, выдача книгъ посѣтителямъ производится съ такими ограниченіями, въ которыхъ остается чистая область науки, и за всѣмъ тѣмъ нынѣшняя читальная зала постоянно полна. Шкафы во всѣхъ залахъ библіотеки будутъ желѣзные, по примѣру Британскаго музеума. Большая зала 56 метровъ (около 70 арш.) длиною, и 28 метровъ (40 арш.) шириною и 20 метровъ (28 арш.) вышиною, будетъ освѣщена сверху: весь плафонъ ея представитъ одно громадное окно. Шкафы въ нѣсколько ярусовъ займутъ всю площадь залы, но въ срединѣ ея, останется широкій въ 6 метровъ (8½ арш.) проходъ. Галереи у каждаго яруса шкафовъ будутъ сдѣланы сквозныя, какъ въ Британскомъ музеумѣ, и слѣдовательно самыя нижніе ярусы получатъ достаточно свѣту. Вышина каждаго яруса предполагается 2½ метра (около 3 арш.) т.-е. самая удобная для доставанія

книгъ съ верхнихъ полокъ безъ помощи приставныхъ лѣстницъ. Для помѣщенія книгъ опредѣлено 60 томовъ на квадратный метръ. Опредѣленіе это такъ широко, что если, основываясь на немъ, предполагается въ большой залѣ поставить 600,000, то, нѣтъ сомнѣнія, что тамъ свободно станетъ 800,000. Изъ ученой читальной залы сквозь большія арки видна будетъ большая зала библиотеки. Люди, работающіе въ читальной залѣ, смотря сквозь арки на сотни тысячъ книгъ, будутъ проникаться мыслью, что труды ихъ слабы, ничтожны въ-сравненіи съ тѣмъ, что еще остается имъ увидѣть и прочесть. Мысль эта будетъ одушевлять работающихъ. Такъ думаетъ *mr. Labrousse*; но, вѣдь онъ художникъ, слѣдовательно фантазіи ему позволены.

Полы въ читальныхъ залахъ будутъ выстланы коврами изъ гутта-перчи, смѣшанной съ порошкомъ пробки, какъ въ Британскомъ музеумѣ. Отопленіе предполагается пневматическое т.-е. калориферами, которые будутъ стоять въ подвалахъ. Калориферы будутъ размѣщены такъ, чтобы въ самое холодное время можно было нагрѣвать читальные залы и всѣ отдѣленія библиотеки, въ которыхъ постоянно занимаются библіотекари, до $+ 14^{\circ}$, а *depôt*, т.-е. залы, собственно для храненія книгъ назначенныя, до $+ 10^{\circ}$ по Реометру.

Зданіе *Bibliothèque Ste. Geneviève*, построенное Лабрустомъ, есть осязательнѣйшее доказательство ума и таланта этого почтеннаго художника. Библиотека эта находится въ *quaiier latin*, въ центрѣ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому вѣчно наполнена читателями. Если сказать, что въ читальной залѣ ея ежедневно перебивается не менѣе 1000 человекъ, то нужно-ли говорить, что она находится въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Студенты сосѣднихъ школъ и коллегій хорошо изучили ея каталоги и толпами идутъ работать въ читальной залѣ, какъ у себя дома, зная навѣрное, что все записанное въ каталогъ будетъ имъ выдано тотчасъ-же. Она открыта ежедневно два раза: утромъ отъ 10 до 3 и вечеромъ отъ 6 до 10 часовъ. Залы въ обоихъ этажахъ нагрѣваются калориферами. Читальная зала занимаетъ весь бель-этажъ. Она имѣетъ 80 метровъ (112 арш.) длины и 16 метр. (22 арш.) ширины. Въ ней приготовлено 400 мѣстъ для читателей. По-вечерамъ она освѣщается газомъ. Я былъ въ ней два раза: въ первый день, когда было до 300 занимавшихся, а въ другой вечеромъ, когда не было ни одного пустого

стула. Запоздавшие студенты уходили съ недовольнымъ видомъ. Сколько было такихъ несчастныхъ—я не знаю, но вечеръ великъ и, я думаю, ихъ было немало. Такой людной читальной залы я нигдѣ не видалъ. Говорятъ, что она бываетъ совершенно-пуста гѣ-томъ, когда въ школахъ и коллегіяхъ студенты распущены на каникулы.

Внѣшнее устройство въ *Bibliothèque Ste. Geneviève* очень хорошо. Начиная съ гѣстницы виденъ смыслъ обстановки и украшеній. Надъ площадкой гѣстницы поставлена хорошая копія съ извѣстной картины Рафаеля «Аѳинская школа». Нельзя придумать украшенія болѣе приличнаго для гѣстницы, по которой ходятъ преимущественно юноши. Я увѣренъ, что не одинъ молодой человѣкъ останавливался передъ «Аѳинской школой» и задумывался надъ углубившимися въ науку Архимедомъ, Евклидомъ, Сократомъ. Многие изъ учащихся не имѣютъ 20 лѣтъ и Императорская библіотека для нихъ недоступна; впрочемъ, она и отдалена отъ *quartier latin* на добрый часъ ходьбы. Пришедшій въ читальную залу встрѣчаетъ, прежде всего, стоящую противъ входа трибуну старшаго библіотекаря, обставленную каталогами. Это мозгъ всего организма библіотеки. Кромѣ старшаго библіотекаря, здѣсь-же въ залѣ сидятъ еще, за особыми столами, шестеро младшихъ библіотекарей, завѣдывающихъ каждый особою частью библіотеки. Всѣ они постоянно заняты удовольствіемъ читателей.

Внутренній порядокъ очень простъ и удобенъ. Вся библіотека, состоящая изъ 200,000 слишкомъ томовъ, раздѣлена на пять главныхъ отдѣленій: богословіе, правовѣдѣніе, исторія, науки и искусства (*sciences et arts*) и изящная словесность. Сверхъ-того есть особое отдѣленіе справочныхъ книгъ, подобно тому, какъ я видѣлъ въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Отдѣленіе это помѣщается въ среднихъ шкафахъ читальной залы, такъ-что находится у всѣхъ подъ-рукою. Есть особая собранія рукописей, инкунабулъ, Альдовъ, Эльзевировъ, эстамповъ и дублетовъ. Въ этихъ собраніяхъ свой особый порядокъ въ каждомъ. Главные пять отдѣловъ библіотеки подраздѣлены на 27 частей; изъ нихъ каждое означено буквой алфавита (на буквы В. С. и Z есть по два подраздѣленія). Книги раздѣлены на два формата, которые поставлены на полкахъ безъ всякаго порядка. Въ каждомъ форматѣ своя серія нумеровъ и вновь-поступающія книги ставятся въ концѣ серіи подъ слѣдующими по порядку ну-

мерами. Въ читальной залѣ шкафы построены въ два яруса и всѣ наполнены книгами. Нижній ярусъ выступаетъ настолько, что позади шкафовъ сдѣланъ корридоръ съ полками по обѣимъ сторонамъ на всемъ протяженіи залы. Тамъ есть еще много незанятаго мѣста, гдѣ и ставятся новыя книги. Книги отыскиваются очень скоро, потому-что каталогъ указываетъ букву подраздѣленія, форматъ и номеръ. Съ этими указаніями библіотекаръ въ минуту достаетъ и всякую большую книгу, и всякую незначительную брошюру. Прочитанныя книги ставятъ на мѣста не библіотекаря, а надсмотрщики (*surveillants*), люди простые. Привычные читатели знаютъ, въ которой части залы находится какое отдѣленіе. Приходя въ библіотеку, они направляются сами къ тому роду книгъ, который имъ нуженъ. Библіотекари, знакомые съ своимъ отдѣленіемъ, достаютъ книги безъ помощи каталога; но если случается, что библіотекаръ не знаетъ положительно гдѣ книга стоитъ, то, не теряя времени въ поискахъ и не задерживая требователя, онъ отсылаетъ его къ трибунѣ каталоговъ, гдѣ ему даютъ указаніе, или отвѣтъ, что книги нѣтъ въ библіотекѣ. Каталоговъ здѣсь два: алфавитный и систематическій. Первый написанъ въ переплетенныхъ книгахъ, а послѣдній на карточкахъ, вставленныхъ въ особаго рода приборы, состоящіе изъ ящиковъ въ видѣ переплетенныхъ книгъ. Всѣ карточки одного формата и сдѣланы изъ довольно-толстой бумаги. На нижнихъ краяхъ ихъ есть круглыя отверстія, сквозь которыя продѣты желѣзные прутья. Одни концы прутьевъ укрѣплены въ стѣнку ящика, а другіе сдѣланы въ видѣ ушка иглоки. Въ эти ушки продѣвается поперечный желѣзный пруть съ замкомъ на одномъ концѣ. Приборъ этотъ очень замысловатъ, но удобнымъ его назвать нельзя.

Кромѣ этого систематическаго каталога, я видѣлъ еще и другой, также систематическій, написанный въ книгѣ, который есть не что иное, какъ обширный *Real-index*. Онъ сдѣланъ для одного отдѣленія философіи. Каталогъ этотъ очень хорошъ, но, кажется, можно навѣрное сказать, что для другихъ отдѣленій такихъ никогда не сдѣлаютъ. Книги въ немъ записаны въ систематическомъ порядкѣ, и кромѣ-того при немъ есть въ концѣ указатель, гдѣ показаны имена авторовъ и самыя отвѣченныя предметы науки. Такъ, напримѣръ, подъ словомъ *Aristote* исчислены всѣ его сочиненія, всѣ комментаріи на него, критики, опроверженія, однимъ сло-

вомъ все, что касается Аристотеля въ области науки. При каждой статьѣ означены страницы каталога, на которыхъ записаны соответствующія сочиненія. Подъ словомъ *Ame* исчислены всѣ сочиненія о душѣ во всѣхъ отношеніяхъ и также означены страницы. Подобные каталоги очень были-бы хороши, еслибъ библіотека не увеличивалась; но вписывать всѣ новыя книги и разносить по *table des matières* всѣ ихъ содержанія, это слишкомъ хлопотливо и въ очень большой библіотекѣ почти невозможно.

Старшій библіотекаръ Пенсонъ (Pinson) показывалъ мнѣ свою попытку фотографировать каталоги. Въмѣсто списыванія заглавій, съ нихъ можно дѣлать фотографическіе снимки. На списанныхъ карточкахъ не видно шрифта печати и иногда переписчики дѣлаютъ ошибки, а фотографія даетъ вѣрные снимки, на которыхъ виденъ не только шрифтъ, но даже всѣ типографскія украшенія. Пенсонъ увѣрялъ меня, что если съ cadaго заглавія дѣлать не менѣе десяти снимковъ, то, при нынѣшнемъ состояніи фотографіи, каждый снимокъ будетъ стоить отъ 3 до 4 су ($3\frac{3}{4}$ — 5 коп.). Мысль эта хороша, но фотографированныя карточки могутъ быть удобны тогда только, когда онѣ не велики, а снимки съ большихъ фоліантовъ и *Querquarto* дадутъ такія обширныя поверхности, съ которыми мудрено будетъ справиться. Впрочемъ, мысль Пенсона найдетъ, можетъ-быть, исполнителей, а они придумаютъ, какъ-бы устранить неудобства.

Отдѣльныя собранія *Bibliothèque Ste. Geneviève* размѣщены въ нижнемъ этажѣ. Вся библіотека не очень велика, слѣдовательно и коллекціи ея также не поражаютъ численностью, но въ нихъ есть замѣчательныя вещи. Внизу я нашелъ нѣсколько постороннихъ людей, занимающихся рукописями и эстампами. Тамъ я видѣлъ на обширной платформѣ планъ Рима, какъ его называютъ, но это не планъ, а прекрасная модель вѣчнаго города. Тутъ-же показали мнѣ единственную во всей библіотекѣ Русскую книгу—библію, напечатанную въ Москвѣ въ 1698 году.

Книги не переплетенныя составляютъ особый отдѣлъ. Въ *Bibliothèque Ste. Geneviève*, какъ и вездѣ впрочемъ, принято за правило не давать въ чтеніе книгъ брошюрованныхъ. Такъ-какъ библіотека не имѣетъ довольно средствъ чтобъ переплестать тотчасъ-же все, что въ нее поступаетъ, то изъ непереплетенныхъ книгъ образовалось особое отдѣленіе и, хотя книги внесены въ каталогъ, но тамъ

вмѣсто означенія мѣста гдѣ книга стоитъ, сдѣланы отиѣтки — *broché*. Библіотека получаетъ отъ правительства по бюджету 80,000 франковъ, которые всѣ почти расходуются на жалованье служащихъ и прислуживающихъ, такъ-что на покупку и переплетъ книгъ и на хозяйственные нужды: отопленіе, освѣщеніе и т. п. остается не болѣе 5,000 фр. Правительство дѣлаетъ иногда единовременныя пособія, но рѣдко. Штатъ библіотеки состоитъ изъ:

хранителей	6
библіотекарей	6
подбибліотекарей	6
писцовъ	8
надсмотрщиковъ	8
привратниковъ	2
полотеровъ	2
ламповщикъ (<i>allumeur</i>)	1
истопникъ	1

Всего 40 челов.

При всей скудости средствъ и незначительности приращеній, *Bibliothèque Ste. Geneviève* приноситъ большую пользу учащемуся поколѣнію. Ея порядокъ, ея дѣятельность, даже ея строеніе и ея читатели все это такъ свѣжо, такъ молодо и полно жизни, что нельзя не пожелать ей большаго вниманія правительства.

Bibliothèque de l'Institut, по составу своему, есть нѣчто въ родѣ библіотеки нашей Императорской академіи наукъ. Она считается въ числѣ публичныхъ, но не каждый желающій можетъ ею пользоваться: нужно быть рекомендованнымъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ Института. Собраніе книгъ этой библіотеки, состоящее изъ 250,000 томовъ, имѣетъ совершенно-особенный характеръ. Въ ней нѣтъ библіографическихъ рѣдкостей, древнихъ рукописей, инкунабулъ, Альдовъ, Эльзевировъ — т. е. всего того, что собираютъ библіофилы: *bibliothèque de l'Institut*, въ тѣсномъ смыслѣ, есть ученое пособіе. Она основана членами Института и получаетъ новыя книги отъ нихъ-же. Такимъ-образомъ, не принадлежа правительству, она не принадлежитъ никому, а между-тѣмъ приноситъ пользу всѣмъ ученымъ, имѣющимъ мѣсто въ Институтѣ или знакомымъ съ его членами. Ею завѣдываютъ начальникъ (*chef*) г. Ландрессъ (*Landresse*), два библіотекаря и два подбибліотекаря. Для

содержанія въ порядкѣ библиотеки, вмѣщающей 250.000 томовъ и находящейся въ постоянномъ употребленіи у ученыхъ, этихъ лицъ слишкомъ мало. Проходя по заламъ, я видѣлъ въ шкафахъ систематически-разставленные книги, находящіеся въ отличномъ порядкѣ, но за то всѣ столы, всѣ низкіе шкафы завалены новыми книгами, не внесенными въ каталоги. Библиотекари по привыкѣ находятъ въ этомъ хаосѣ все, что нужно. Такъ, напримѣръ, я спросилъ записки нашей академіи и *mr. Landresse*, не затрудняясь, показалъ мнѣ въ двухъ залахъ кучи переплетенныхъ тетрадей въ знакомыхъ мнѣ оберткахъ. Въ этой библиотекѣ два каталога, оба написанные въ книгахъ: одинъ алфавитный, а другой систематическо-инвентарный т.-е. составленный въ томъ порядкѣ, какъ книги стоятъ. Библиотека бываетъ ежегодно ревизуема по этому каталогу, такъ мнѣ сказалъ *mr. Landresse*. О ревизіи массъ, лежащихъ на столахъ и не внесенныхъ въ каталоги, я не спрашивалъ, да и не нужно было спрашивать. Библиотеку посѣщаетъ мало читателей, но, какъ пособіе современной науки и богатая новѣйшими учеными сочиненіями, она находится въ большомъ употребленіи у членовъ Института и у другихъ извѣстныхъ имъ лицъ. Они берутъ изъ библиотеки все, что имъ нужно, и работаютъ въ тиши своихъ кабинетовъ.

Въ томъ-же зданіи Института, только съ другаго двора, я прошелъ въ библиотеку Мазарини. Въ ней считается болѣе 150.000 томовъ книгъ, по-преимуществу старыхъ. Новаго тамъ очень мало. Правительство отпускаетъ ежегодно на содержаніе ея около 30.000 фр., которые почти всѣ расходуются на жалованье семейнымъ библиотекарямъ: на покупку и переплетъ книгъ не остается и 2.000 фр. Библиотека эта открыта ежедневно отъ 10 до 3 для всѣхъ желающихъ, но легіоны старыхъ книгъ не привлекаютъ многихъ: я засталъ человѣкъ 10—12 ищущихъ свѣдѣній. Они сидѣли въ одной залѣ и почти за однимъ столомъ съ библиотекаремъ. Помѣщеніе библиотеки нехорошо. Главная старая масса ея размѣщена въ двухъ очень хорошихъ залахъ, съ красивыми старинными шкапами и галереями, но позднѣйшія пріобрѣтенія стоятъ въ чердакѣ, обдѣланномъ въ томъ-же родѣ, какъ и въ Императорской библиотекѣ. Тамъ-же хранятся рукописи и библиотеки монастырей, уничтоженныхъ во время первой Французской революціи.

Каталоги алфавитный и систематическій, оба написанные въ

книгахъ, стары какъ сама библіотека. Инвентаря нѣтъ и обрешивать библіотеку невозможно; между-тѣмъ извѣстно, что Либри, знаменитый хищникъ книгъ, произвелъ здѣсь значительныя опустошенія. Еслибы былъ инвентарь, то можно было-бы вдругъ обнаружить все, чего недостаетъ. По алфавитному каталогу, это также можно сдѣлать, но не вдругъ, а въ нѣсколько лѣтъ. Mr. Lalanne, редакторъ журнала *Revue contemporaine*, безмездно предпринялъ совершить эту сложную работу и теперь работаетъ усердно.

Находясь въ Парижѣ, нельзя было не осмотрѣть арсенальную библіотеку, богатую, какъ извѣстно, рѣдкостями. На краю города, за Бастильскою площадью, среди казармъ, я съ трудомъ отыскалъ эту библіотеку, открытую для публики, какъ и всѣ предыдущія. Публика, какъ мнѣ показалось, не очень стремится сюда. Есть-ли это слѣдствіе большой отдаленности библіотеки отъ центра города или другихъ причинъ, я навѣрное сказать не могу, но въ читательной залѣ я засталъ только трехъ человѣкъ и то, не знаю, посторонніе-ли они или служащіе при библіотекѣ. Чтобы увидѣть рѣдкости арсенальной библіотеки, надобно употребить средства посылкѣ моей визитной карточки, которая открывала мнѣ самыя заветныя двери во всѣхъ другихъ библіотекахъ. Меня допустили обойти библіотеку, но, вмѣсто человѣка, который могъ-бы со мною бесѣдовать и дать вѣрное о ней понятіе, я имѣлъ проводникомъ гарсона. Увлекаемый историческими воспоминаніями, онъ постоянно говорилъ мнѣ не о библіотекѣ, а о маршалѣ Сюли. Здавіе, въ которомъ библіотека помѣщается, было прежде жилищемъ знаменитаго сподвижника Генриха IV и, благодаря патріотическимъ чувствамъ гарсона, я знаю теперь, гдѣ маршалъ Сюли принималъ гостей, давалъ балы и праздники, гдѣ потѣшался домашними спектаклями, гдѣ работалъ, гдѣ спалъ, однимъ словомъ гарсонъ показалъ мнѣ домъ Сюли, а библіотеку я самъ увидѣлъ.

Слушая рассказы гарсона, я отъ времени до времени дѣлалъ вопросы о томъ, что меня интересовало, и узналъ, что библіотека, состоящая изъ 300,000 томовъ, раздѣлена только на пять частей: богословіе, нравовѣдѣніе, исторія, искусства и словесность. Каждая часть стоитъ отдѣльно въ алфавитномъ порядкѣ и по форматамъ. Кромѣ этого раздѣленія нѣтъ больше никакой системы ни на полкахъ, ни въ каталогѣ. Въ отдѣленіи богословія, слушая рассказъ гарсона о роскоши Сюли, я сталъ всматриваться въ книги,

стоявшія ближе ко мнѣ и, встрѣтивъ хроники Фруассара, прервалъ словоохотливаго рассказчика: «Это развѣ у васъ считается божественной книгой? — Pardon, msieu, c' est à cause des réparations de l' année passée. По случаю бывшихъ въ прошломъ году капитальныхъ починокъ, порядокъ библіотеки потерпѣлъ много. Почти все, что я встрѣчалъ на полкахъ не на своемъ мѣстѣ, гарсонъ относилъ къ починкамъ, но иногда и къ принятой въ библіотекѣ системѣ; такъ, напримѣръ, въ отдѣленіи исторіи я увидѣлъ legionъ томовъ Journal des savants и узналъ, что по системѣ bibliothèque de l'arsenal журналы и энциклопедіи отнесены къ исторіи. Есть, конечно, такой взглядъ на дѣленіе библіотекъ, по которому журналы должны стоять въ исторіи; но мнѣ это показалось страннымъ: я привыкъ къ иному дѣленію. Въ арсенальной библіотекѣ есть одинъ только алфавитный каталогъ; онъ списанъ въ книги, переплетенъ и поставленъ въ читальной залѣ, на конторкѣ библіотекаря, выслушивающаго требованія читателей и удовлетворяющаго ихъ съ помощію гарсоновъ. При библіотекѣ находится 12 библіотекарей. Въ одной залѣ стоитъ столъ съ принадлежностями для письма и съ кучами брошюръ. За этимъ столомъ работаетъ Поль Лакруа (Bibliophile Jacob); но, къ сожалѣнію, его не было въ библіотекѣ въ то время, когда я ее осматривалъ. Онъ занимается разборомъ и каталогизированіемъ брошюръ, вышедшихъ въ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія, и относящихся болѣе частью къ событіямъ первой революціи.

Въ залѣ, гдѣ хранятся рукописи, я нашелъ троихъ хранителей (conservateur), грѣвшихъ передъ каминомъ. Видно, что Французы смотрятъ на огонь иначе, нежели Германцы: въ Мюнхенѣ, всякаго являющагося въ библіотеку на первомъ шагѣ встрѣчаетъ запрещеніе курить табакъ или дѣлать изъ огня какое-бы то ни было другое употребленіе, и въ bibliothèque de l' arsenal, въ хранилищѣ рукописей пылаетъ каминъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій я подалъ мою карточку. Она произвела желаемое дѣйствіе и меня приняли очень дружелюбно. Я рассказалъ, что, обойдя всю библіотеку, я видѣлъ въ общихъ массахъ ея богатства, но что мнѣ желательно было-бы взглянуть на Славянскія рукописи. Мнѣ сказали, что въ библіотекѣ есть Славянская рукопись и всѣ трое хранителей только одни начали искать ее въ одномъ шкафу, но не нашли. Гарсонъ, покойно стоявшій во время поисковъ и какъ буд-

то считавшій себя не въ-правѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, подошелъ наконецъ къ одному изъ хранителей, сказалъ ему что-то и, получивъ отвѣтъ, ушелъ въ сосѣдную комнату. Черезъ минуту онъ воротился съ рукописью, которую мнѣ тотчасъ-же и дали. Рукопись оказалась Латинская, но хранители утверждали, что въ ней есть Славянскій текстъ. Пересмотрѣвъ страницу за страницю, я нашелъ наконецъ одну исписанную текстомъ Кирилловскаго письма, но не на Славянскомъ языкѣ. Пройдя внимательно всѣ слова одно за другимъ, я не встрѣтилъ ни одного Славянскаго корня. Я сказалъ хранителямъ, что это, вѣроятно, какое-нибудь изъ Румынскихъ нарѣчій, но они стояли на своемъ и утверждали, что Мицкевичъ и Père Martynoff видѣли эту рукопись и признали ее за Славянскую. Но прочли-ли они эту страницу? спросилъ я. Оказалось, что Мицкевичъ и Père Martynoff только видѣли ее, но не разбирали. Я посоветовалъ-было обратиться къ Миклосичу и послать ему фотографическій снимокъ съ неистолкованной страницы, но они начали меня спрашивать: кто такой Миклосичъ и гдѣ онъ?

Въ Парижѣ, кромѣ библиотекъ публичныхъ, я имѣлъ случай видѣть еще двѣ не публичныя: одну въ Луврѣ, а другую въ законодательномъ собраніи. Обѣ онѣ одинаково блестящи, но совершенно-различны по содержанію. Луврская библіотека, предназначенная для употребленія правителей Франціи, обладаетъ такими экземплярами, которые могутъ приобрѣтать только государи. Тамъ есть множество книгъ, изданныхъ съ гравюрами, новъ такихъ экземплярахъ, въ которыхъ къ гравюрамъ приложены рисунки, служившіе образцами для гравюръ. Экземпляры эти имѣютъ такое-же значеніе, какъ оригинальныя картины. Нѣкоторые изъ нихъ поднесены правителямъ Франціи самими авторами, а нѣкоторые куплены за баснословныя цѣны. Вотъ нѣкоторые изъ купленныхъ: *Redouté. Arbres et arbustes*—за 80,000 франковъ; того-же автора *Roses*—за 15,000 фр.; *Fernax. Mollusques*—за 48,000 фр.; *Musée des armes du Duc de Bouillon*—за 35,000 фр., и множество тому подобныхъ. Изъ подаренныхъ особенно-замѣчательны: *Bardi. Galerie Pitti*. Съ приложенными къ гравюрамъ рисунками она получила такой-объемъ, что, вмѣсто 4 томовъ, ее раздѣлили на 8. *Victoires et conquêtes de Napoléon*—извѣстное роскошное изданіе съ гравюрами aqua tinta. Въ Луврскомъ экземплярѣ рисунки здѣланы сепіей. Есть также множество рукописей, поднесенныхъ авторами и оставшихся не изданными. Между ними

я видѣлъ двѣ изъ Россіи: собраніе чертежей всѣхъ ностроекъ и проектовъ генерала Базажа, въ двухъ томахъ, и сочиненіе архитектора Монферрана съ изображеніемъ печальной церемоніи, происходившей въ Римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ по-случаю кончины короля Людовика XVIII.

Вся Луврская библіотека состоитъ изъ книгъ въ отличнѣйшихъ и богато-переплетенныхъ экземплярахъ; но въ то время, когда я ее видѣлъ, часть ея стояла во временномъ помѣщеніи, а часть оставалась еще въ корзинахъ въ ожиданіи окончанія залы, назначенной въ Луврскомъ дворцѣ для библіотеки. Зала эта есть новѣйшее воспроизведеніе тѣхъ неудобствъ, которыя я видѣлъ въ Вѣнѣ, но за то она и размѣрами и украшеніями совершенно соответствуетъ своему назначенію—быть хранилищемъ библіотеки правителей Франціи. Живопись на плафонахъ, скульптура въ аркахъ и карнизахъ, рѣзные орѣхового дерева шкафы—все это задумано широко и исполнено мастерски. Жаль, что архитекторы рѣдко бываютъ знакомы съ тѣми условіями, которыя необходимы для удобства библіотеки. Шкафы едѣланы изящные, но непомерно-высокіе, и полки готовятся такъ, что книги будутъ стоять въ два ряда: задній нѣсколько выше передняго. Впрочемъ, такія библіотеки, какъ Луврская, назначаются не для того, чтобы въ нихъ ученые работали и требовали много книгъ, какъ въ библіотекахъ публичныхъ: библіотекарю рѣдко придется приставлять лѣстницу, чтобы достать книгу съ верхней полки, или снимать съ передней полки книги для того, чтобы вытащить что-нибудь изъ задняго ряда (*).

Библіотека законодательнаго собранія существуетъ, какъ пособіе для работъ членовъ собранія. Объемъ ея (до 200,000 томовъ) слишкомъ великъ по ея назначенію, но за то она преимуществен-

(*) Чтобы показать всю библіотеку, меня сводили и на чердакъ, гдѣ я видѣлъ ряды корзинъ, наполненныхъ тщательно-уложенными книгами. Здѣсь я пораженъ былъ неожиданностью. Корзины, въ которыхъ лежатъ книги, испещрены именами разныхъ южныхъ мѣстностей Крыма. По странному стеченію обстоятельствъ, корзины эти, служившія Французской арміи въ Крыму, употреблены для переноски книгъ Луврской библіотеки. По окончаніи войны, онѣ проданы были съ публичнаго торга и потомъ перешли въ руки къ тому подрядчику, который принялъ на себя отдѣлку въ Луврѣ залы для библіотеки и, между прочимъ, и переноску книгъ.

но богата всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть нужно для справокъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Книги въ ней размѣщены систематически, и сдѣланъ полный алфавитный каталогъ, который, впрочемъ, никогда почти не употребляется: члены собранія требуютъ почти исключительно только то, что есть новаго, живаго въ наукѣ государственной, а это все библіотекари знаютъ наизусть. Для помѣщенія библіотеки была первоначально приготовлена обширная зала, съ тремя куполами, съ живописью, позолотой, скульптурой, однимъ словомъ роскошная, но послѣдовавшія приращенія завладѣвали понемногу сосѣдними мелкими комнатами и теперь помѣщеніе ея сдѣлалось втрое больше первоначальнаго.

Послѣ Парижскихъ библіотекъ мнѣ предстояло увидѣть предметъ удивленія всего просвѣщеннаго міра — ротонду читальной залы Британскаго музеума въ Лондонѣ. Описанія, которыя мнѣ довелось читать, рассказы, которые мнѣ случилось слышать объ этомъ удивительномъ сооруженіи, не были пополнены необходимыми въ этихъ случаяхъ рисунками, и потому не дали мнѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что я встрѣтилъ въ дѣйствительности: читальная зала Британскаго музеума была для меня совершенная новость. Все, что я читалъ, все, что я слышалъ, было не что иное, какъ похвалы, но похвала не есть судъ, не есть критика. Ротонда Британскаго музеума задумана смѣло, исполнена добросовѣстно. На постройку и обдѣлку ея употреблено около 150,000 фунтовъ стерлинговъ (*) (до 1,000,000 руб. сер.). Если-же принять въ соображеніе, что постройка производилась при содѣйствіи Англійскихъ заводовъ и что при этомъ употреблена была въ дѣло вся техническая опытность Англичанъ, то нельзя не предполагать, что отъ соединенія всѣхъ этихъ условій вышло произведеніе удивительное, но, какъ всякое произведеніе рукъ человѣческихъ, имѣющее нѣкоторые недостатки. Еслибы Англичанамъ пришлось удовлетворять подобной-же потребности и строить еще другую большую читальную залу, то я увѣренъ, что они сдѣлали-бы ее еще лучше, еще удобнѣе. Главнѣйшая особенность ротонды, чтобъ не сказать главнѣйшее достоинство ея, есть величина. Эта особенность должна поражать всякаго приходящаго въ первый разъ.

(*) Times 21 April 1857.

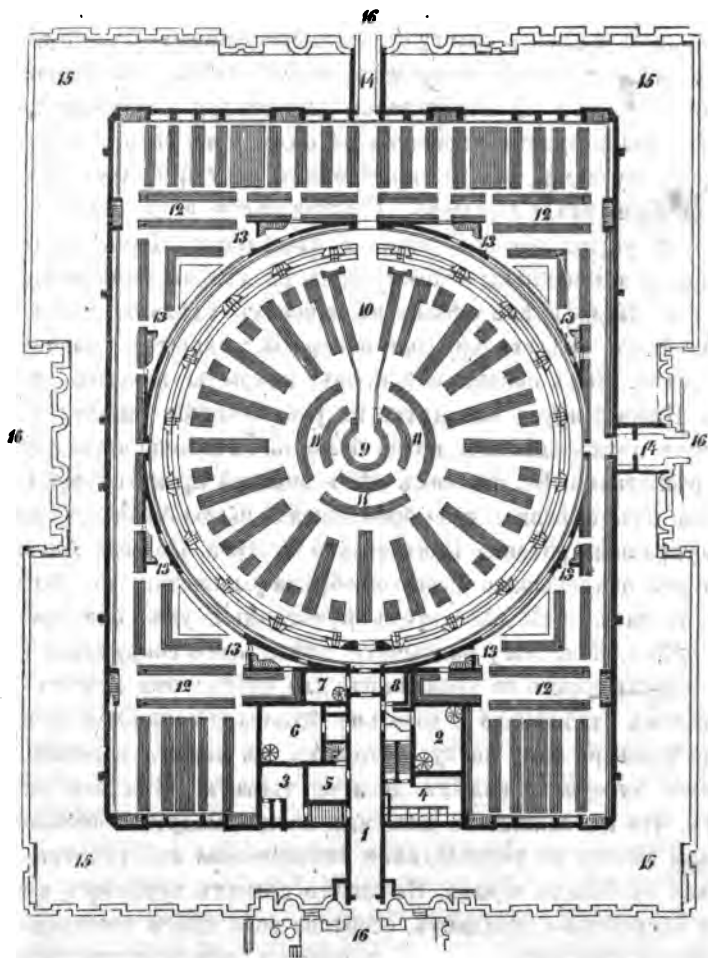
Изъ сѣней музеума нужно пройти по довольно узкому и довольно длинному корридору, открыть низкую дверь и очутиться вдругъ въ круглой залѣ почти такой величины, какъ Римскій Пантеонъ. Ротонда Британскаго музеума уступаетъ ширинѣ Пантеона только 2 футами и разница эта при 140 футахъ діаметра нисколько незамѣтна; но Пантеонъ построенъ не для ученыхъ занятій, которыя требуютъ безмятежной тишины и уютнаго уголка, а не круглой площади въ 20 саженой поперечника, гдѣ движется постоянно болѣе 300 человѣкъ. Въ ротондѣ Британскаго музеума нѣтъ шума, это правда: всѣ посѣтителѣ наблюдаютъ тишину, не говорятъ громко, не расхаживаютъ безъ нужды; но гдѣ присутствуютъ 300 человѣкъ не притаившихся, а занимающихся дѣломъ, тамъ непремѣнно есть гулъ неумолкающій и, слѣдовательно, отвлекающій вниманіе работающихъ. Это я замѣтилъ самъ и слышалъ сужденія нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей ротонды. Британскій музеумъ для всѣхъ своихъ посѣтителей отдастъ ротонду и ни для кого не дѣлаетъ изъятія. Ученый, занимающійся важнѣйшими разысканіями, не можетъ проникнуть дальше ротонды и найти себѣ пріютъ въ другихъ залахъ или кабинетахъ. Онъ долженъ занять мѣсто наравнѣ съ тремястами разнородныхъ читателей и пользоваться предоставленными ему удобствами наряду съ такими посѣтителѣми, которые хотя и не производятъ шума, запрещеннаго законами, но шарятъ въ книгахъ, перелистываютъ ихъ и однимъ словомъ дѣлаютъ то, что не даетъ покоя. Человѣкъ, занимающійся ученой работой, привыкаетъ обыкновенно къ свѣту, падающему изъ окна въ его мирномъ кабинетѣ, а придя въ ротонду Британскаго музеума, онъ встрѣчается съ освѣщеніемъ необыкновеннымъ: 20 оконъ, расположенныхъ въ основаніи купола, даютъ ему свѣтъ со всѣхъ сторонъ вдругъ и кромѣ-того въ зенитѣ купола сдѣлано большое круглое отверстіе арш. 15 въ поперечникѣ. Въ ротондѣ очень свѣтло, это правда; но ученые, часто люди старые, недовольны этимъ обиліемъ свѣта, не имѣющаго опредѣленнаго направленія. Кромѣ этихъ неудобствъ, просторная зала бываетъ обыкновенно неразлучна еще съ однимъ неудобствомъ, едва-ли не самымъ важнымъ, это — теченіе воздуха. Въ ротондѣ Британскаго музеума превосходно устроены отопленіе и вентиляція, но оба эти процесса не могутъ совершаться иначе, какъ производя движеніе въ воздухѣ. Во всякой небольшой комнатѣ

процессы эти совершаются точно такъ-же, какъ и въ обширномъ пространствѣ, но при небольшой массѣ воздуха они почти не чувствительны, а въ просторной залѣ ихъ нельзя не почувствовать, особенно человѣку, сидящему долго и почти неподвижно на одномъ мѣстѣ. Ротонду читальной залы Британскаго музеума показывать посѣтителѣмъ, очень выгодно: она размѣрами своими поражаетъ всякаго, но заниматься въ ней не совсѣмъ удобно. Неудобства эти однакожь не такъ тягостны, чтобы Лондонская публика избѣгала ихъ: когда ротонда бываетъ открыта, въ ней никогда нельзя найти пустаго стула. Мѣстные обстоятельства, которыхъ нельзя было устранить, предписали размѣры залы и ея освѣщеніе. Проектъ сдѣланъ, сообразно съ этими обстоятельствами и строеніе вышло превосходное. Помѣщенны на оборотѣ страницы планъ всего строенія уяснить мой рассказъ:

1) Корридоръ изъ сѣней въ ротонду, 2) Комната для верхняго платья мужчинъ. 3) Такая-же комната для дамъ, съ нѣкоторыми другими удобствами. 4) Ватерклозетъ. 5) Комната для прислуги. 6) Приемъ книгъ, доставляемыхъ въ музеумъ издателями по закону. 7) Комната для служащихъ при музеумѣ. 8) Для энтиковъ. 9) Эстрада, на которой находится управляющій читальной залой и его помощники. 10) Проходъ для службы читальной залы. 11) Низкіе шкафы съ каталогомъ всей библіотеки. 12) Пространства, уставленные шкафами для книгъ въ четыре яруса. 13) Лѣстницы между ярусами шкафовъ. 14) Переходы, соединяющіе читальную залу со старымъ помѣщеніемъ библіотеки. 15) Дворъ. 16) Старое зданіе музеума. Линіи, сдѣланныя рядами, показываютъ расположеніе шкафовъ для книгъ.

Стѣны наружныя, смыкающія все новое строеніе и служащія для раздѣленія разныхъ комнатъ при входѣ, сложены изъ кирпича, а ротонда и всѣ пространства, приготовленныя для помѣщенія книгъ, построены преимущественно изъ желѣза, котораго употреблено на всю постройку до 125,000 пудовъ. Куполъ ротонды состоитъ изъ желѣзныхъ ребръ, между которыми всѣ пустоты (паруса) сдѣланы изъ кирпича. Внутренность купола не блещетъ убранствомъ. Извѣстно, что фантазія Англичанъ не паритъ въ области изящнаго. Они, правда, не дѣлаютъ ничего уродливаго, но за то рѣдко создаютъ что-нибудь увлекательное по красотѣ. Гдѣ нужно украшеніе они не придумываютъ формъ, а прибѣгаютъ къ

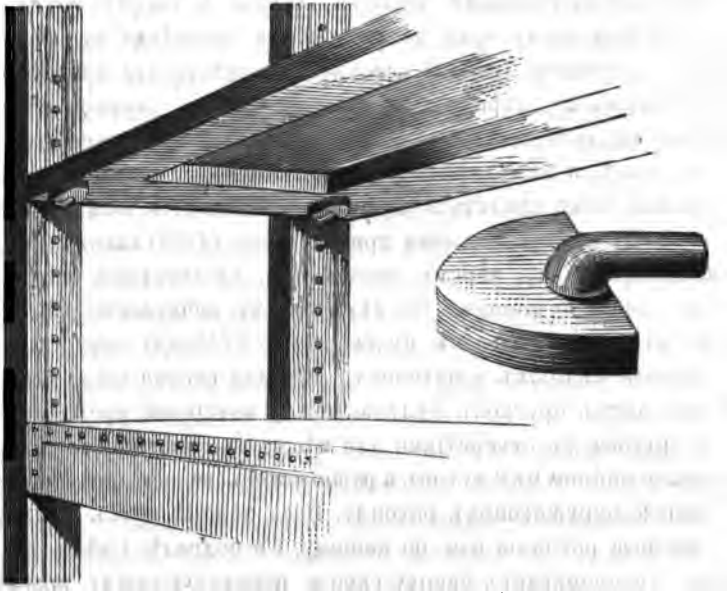
золоту, къ краскамъ и, употребляя то и другое, не руководствуются чувствомъ вкуса, которое незнакомо ихъ натурѣ: если нужно украсить богаче, они употребятъ побольше золота. Построивъ изумительныхъ размѣровъ ротонду для пріема публики, имъ захотѣлось украсить ее побогаче и они раззолотили въ ней все, что можно

было раззолотить, не впадая въ смѣшное. Куполъ состоитъ изъ 20 ребръ, которыя въ основаніи своемъ имѣютъ до 12, а въ вершинѣ до 6 вершковъ ширины. Ребра эти не имѣютъ архитектурныхъ украшеній, но вызолочены отлично. Пространства между

ребръ, сдѣланныя изъ кирпича, раздѣлены просто на три рамки со впадинами. Здѣсь фантазія строителя также не разыгралась и онъ вызолотилъ рамки, а впадины выкрасилъ голубой краской (encausto). Карнизъ, въ который упираются ребра купола, имѣетъ довольно крупныя формы, лишенныя всякихъ архитектурныхъ украшеній, но за то онъ весь вызолоченъ. Подъ каждымъ ребромъ въ карнизѣ сдѣланъ выступъ, поддерживаемый большимъ, довольно-тяжелымъ кронштейномъ (console), также вызолоченнымъ. Кронштейны эти предназначены для статуй великихъ писателей, которыми будетъ украшена ротонда. Мнѣ говорили въ Британскомъ музеумѣ, что въ числѣ этихъ статуй будутъ и статуи нашихъ Пушкина и Крылова. Гладкія части стѣны между кронштейнами украшены золочеными алагреками. Рамы въ окнахъ бронзовыя золоченныя; откосы оконъ раздѣлены рамочками золоченными. Надъ всѣми окнами въ откосахъ сдѣланы для выхода испорченнаго воздуха круглыя отверстія, закрытыя золоченными рѣшетками. Подъ окнами всѣ стѣны покрыты шкафами въ три яруса. Нижній ярусъ находится въ распоряженіи читателей, а для верхнихъ двухъ сдѣланы легкіе балконы съ золочеными поручнями и рѣшетками. Въ шкафахъ нѣтъ никакой архитектуры, но раздѣленія ихъ сдѣланы изъ бронзовыхъ вызолоченныхъ полосъ. Такъ украшена ротонда Британскаго музеума. Но если Англичане не могутъ очаровывать своею изобрѣтательностью въ дѣлѣ вкуса, за то тамъ, гдѣ дѣйствуетъ практичный умъ, они превосходятъ всѣхъ. Я не могу описывать здѣсь всего сооруженія ротонды и окружающихъ ее хранилищъ для книгъ: это можетъ быть предметомъ отдѣльнаго и довольно большаго сочиненія; но я возьму для примѣра одну полку, которыхъ въ новомъ строеніи Британскаго музеума я видѣлъ десятки тысячъ. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ книжныхъ шкафахъ полки кладутся обыкновенно концами своими на перекладки, вставляемыя въ зубчатки, находящіяся въ бокахъ шкафа. На такихъ полкахъ переплетъ крайней книги непременно страдаетъ, особливо если книги поставлены тѣсно. Когда случается надобность поднять или опустить полку, то приходится иногда, или употребить инструментъ, чтобъ вынуть присохшую перекладину, или посылать за столяромъ. Англичане устранили всѣ эти неудобства слѣдующимъ способомъ. Въ бокахъ шкафовъ сдѣланы вертикальныя ряды круглыхъ отверстій въ $\frac{1}{4}$ дюйма ширины, въ разстояніи $\frac{3}{4}$ дюйма отъ одного центра отверстія

до другаго. У каждаго конца полки есть два ряда отверстій: одинъ у передняго края полки, а другой у задняго. Въ отверстія вкладываются отлитыя изъ мѣди лопаточки съ круглыми шипами, тол-

щины равной ширинѣ отверстія. Здѣсь представлена лопаточка въ натуральную величину и особо часть шкафа съ отверстіями, въ которыя вкладываются лопаточки. Для каждой полки въ отверстія вкладываются четыре такіа лопаточки. На нижней сторонѣ полки вырѣзаны углубленія такой-же величины и формы, какъ лопаточки. Полка, положенная на такихъ лопаточкахъ, лежитъ очень плотно, не опрокидывается, какъ это часто случается на перекладинахъ, и ее нельзя сдвинуть, потому-что лопаточки въ нее углублены. Когда нужно полку опустить или поднять, то это можно сдѣлать, не снимая книгъ, стоитъ только переставить поочередно всѣ четыре лопаточки. Если полку нужно поднять не болѣе какъ на $\frac{3}{4}$ дюйма, то лопаточки, находящіеся въ такомъ положеніи, какое представлено на рисункѣ, слѣдуетъ перевернуть такъ, чтобы круглый шипъ пришелся къ низу; если-же нужно, напротивъ-того, опустить на $\frac{3}{4}$ д., то лопаточки слѣдуетъ также перевернуть и притомъ переставить въ слѣдующія нижнія отверстія. Подъ словомъ полка мы обыкновенно разу-

имѣетъ гладкую доску, т.-е. часть матеріала годнаго для различнаго употребленія, а въ Британскомъ музеумѣ полка не есть простая доска, но предметъ сложный, на сдѣланіе котораго употреблены разнородные матеріалы. Она состоитъ изъ дубовой рамки, покрытой гальванизированнымъ листомъ желѣза и сверху обтянутой кожей. На переднемъ краю полки прибита занавѣска изъ нарочно для того сдѣланной двойной клеенки. Занавѣска эта шириною не болѣе 2 вершковъ, украшенная золотой каемкой, закрываетъ промежутокъ между полкой и вершинами книгъ, стоящихъ на слѣдующей нижней полкѣ, и тѣмъ предохраняетъ книги отъ пыли. На рисункѣ верхняя полка представлена безъ занавѣски, а нижняя съ занавѣской. Въ новомъ строеніи приготовлено 44,000 такихъ полокъ, составляющихъ 37,71 верстъ протяженія, на которомъ можно поставить 1,500,000 томовъ. По вѣрнѣйшему исчисленію извѣстно, что въ стойкахъ шкафовъ просверлено 2,750,000 отверстій для вкладыванія мѣдныхъ лопаточекъ. Каждая стойка шкафовъ сдѣлана изъ двухъ брусковъ желѣза, между которыми проходитъ дубовый брусокъ съ отверстіями для мѣдныхъ лопаточекъ. Шкафы сдѣланы вышиною въ 8 футовъ и расположены въ четырехъ ярусахъ хранилищъ, окружающихъ ротонду. Весь нижній ярусъ приходится ниже пола ротонды или, по нашему, въ подвалѣ. Свѣтъ въ нижній ярусъ проникаетъ сверху сквозь переходы между шкафами, гдѣ полы состоятъ изъ желѣзныхъ полосъ, положенныхъ на ребро, на разстояніи 2—2½ дюймовъ одна отъ другой. Ходить по этимъ рѣшеткамъ не совсѣмъ удобно, но онѣ положены не для прогулокъ. Если библиотечарю встрѣчается надобность заниматься у самаго шкафа, то для него кладутъ на рѣшетку что-то въ родѣ цыновки, сплетенной изъ камыша. Не смотря почти на постоянно-туманную погоду Лондона, въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ такъ свѣтло, что можно читать. По рассказамъ мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы свѣтъ изъ окна въ потолокъ, пройдя сквозь три желѣзныя рѣшетки, былъ достаточенъ для того, чтобы можно было читать; но, осматривая все устройство въ натурѣ, я нашелъ, что это очень просто, потому-что рѣшетки, замѣняющія полы между шкафами, сдѣланы по-Англійски: полосы всѣхъ рѣшетокъ расположены такъ равномерно, что въ вертикальномъ смыслѣ онѣ приходятся одна надъ другою почти съ математическою точностію и слѣдовательно промежутки между полосами, представляющіе пути для свѣта, расположены съ такою-же точностію. Если

бы верхнія рѣшетки сдвинуть на дюймъ въ разныя стороны, то внизу сдѣлалось-бы темно. Во всѣхъ частяхъ библіотеки, окружающей ротонду, потолоки сдѣланы изъ матовыхъ стеколъ, вставленныхъ въ двойныя рамы. На все строеніе употреблено до 60,000 квадратныхъ футовъ стекла. Англичане употребили на сооруженіе ротонды сумму, равняющуюся почти 1,000,000 руб. серебр.; но еслибы подобная постройка предпринята была у насъ, то мы, не имѣя такихъ какъ Англія заводовъ, не сдѣлали-бы ее и за два милліона. Чтобъ доказать это, стоитъ оцѣнить по нашимъ цѣнамъ одну полку. Разсматривая эту вещь въ натурѣ и перелагая на наши деньги всѣ матеріалы; изъ которыхъ она сдѣлана, и время, которое долженъ на это употребить нашъ ремесленникъ, работающій кое какими инструментами, я нашелъ, что у насъ каждая полка обошлась-бы не менѣ 4-хъ руб., а все количество ихъ, сдѣланное для новой части зданія Британскаго музеума, болѣе 175,000 р. Что-же могло-бы стоить все строеніе, для котораго употреблено желѣза, въ тысячахъ различныхъ видовъ, до 125,000 пудовъ.

Въ Британскій музеумъ допускаются для занятій люди только рекомендованные. Желающій заниматься проситъ, не иначе какъ письменно, дозволенія главнаго библіотекаря, означаетъ свое званіе или положеніе въ обществѣ и свой адресъ и прилагаетъ письменную рекомендацію (*). Строгость эта можетъ показаться стѣснительною для публики, особливо для тѣхъ, кто знакомъ съ либеральною дружиною библіотекъ, а въ томъ числѣ и нашей Императорской Публичной Библіотеки, потому-что либеральность въ дѣлѣ науки или занятій хороша и всякій порядочный человекъ пользуется ею приличнымъ образомъ; но есть люди и непорядочные, которые, прикрываясь любознательностію, входятъ безъ всякихъ формальностей въ читальную залу, роются небрежно въ приготовленныхъ для порядочныхъ людей справочныхъ книгахъ, вырываютъ оттуда гравюры, требуютъ десятки томовъ журналовъ за прошлые года, читаютъ въ нихъ повѣсти, или, подмѣтивъ интересную для нихъ статью, вырываютъ ее цѣликомъ, не думая о томъ, что статья эта можетъ быть полезна ихъ правнукамъ, которые не

(*) Въ законѣ сказано: Any person desiring to be admitted into the Reading Room is to apply *in writing*, addressed «To the Principal Librarian of the British Museum», and not otherwise, specifying his description and place of abode and accompanying his letter *with a written recommendation*, satisfactory to an Officer of the Museum.

ссылавъ ея нигдѣ, придуть въ публичную библіотеку, но и тутъ не найдуть ея потому, что прадѣдъ ихъ былъ такой варваръ, что для личнаго своего удобства, или изъ лѣни списать статью, увезъ ее изъ библіотеки и лишилъ своихъ потомковъ возможности почерпнуть нужное свѣдѣніе. Строгость Британскаго музеума не можетъ быть стѣснительна ни для одного порядочнаго человѣка, какого-бы званія онъ ни былъ. Трудно придумать такое положеніе человѣка, въ которомъ онъ, имѣя нужду въ книгахъ для доброй цѣли, не нашелъ-бы въ кругу своемъ личности достойной уваженія и способной сказать о немъ доброе слово.

Зная объ этой строгости, я, съ перваго шагу, адресовался къ главному библіотекарю г. Паницци съ рекомендательными письмами отъ моего начальника барона М. А. Корфа и отъ нашего посланника въ Лондонѣ барона Ф. И. Бруннова, но по-случаю дѣятельности въ пользу Неаполитанскихъ выходцевъ, бывшей въ Лондонѣ въ мое время, г. Паницци рѣдко бывалъ въ музеумѣ и я его не засталъ. Прийти къ самой ротондѣ Британскаго музеума и уйти не видавъ ее, было выше силъ моихъ. Я попросилъ проводить меня къ директору отдѣленія печатныхъ книгъ, показалъ ему мою карточку и объяснилъ цѣль моего путешествія. Всѣ строгости и формальности были отложены и я нашелъ возможность отдать г. Паницци рекомендательныя письма тогда уже, когда не только читальная зала, но и библіотека и весь музеумъ были мнѣ знакомы.

Прежде мнѣ казалось, что строгость Британскаго музеума къ посѣтителямъ читальной залы есть не что иное, какъ черта консервативнаго духа Англичанъ; но когда я ознакомился ближе съ предметомъ, такъ бережливо охраняемымъ, то нашелъ строгость эту разумною и необходимою. Музеумъ открытъ для пользы націи. Значеніе этой прекрасной и достойной учрежденія цѣли, нельзя принимать безусловно. Если въ головѣ медика родится мысль, могущая, по его мнѣнію, измѣнить современный ему взглядъ на какой-нибудь предметъ науки, или механикъ откроетъ новую двигающую силу, удивительную по его теоріи, и оба они захотятъ повѣрить свои соображенія со всѣмъ, что было до того времени сдѣлано другими по ихъ предметамъ, то неужели занятія этихъ людей можно сравнить съ внимательнѣйшимъ чтеніемъ старыхъ путешествій, которому предается какой-нибудь господинъ, единственно для того, чтобы провести свободные отъ обычныхъ сво-

ихъ занятій часы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не берутъ ни за книгу, данную для чтенія, ни за стулъ, на которомъ онъ сидитъ, ни за тепло, въ которомъ онъ благоденствуетъ. Медику и механику не трудно попасть въ читальную залу Британскаго музеума: имъ легко въ своей средѣ найти голосъ, который раздастся въ ихъ пользу и раскроетъ завѣтныя двери, а простой любитель чтенія пройдетъ мимо этихъ дверей, и въ одной изъ частныхъ библиотекъ, за самую ничтожную плату, выберетъ книгу по своему вкусу, унесетъ ее домой и, засѣвъ въ свое покойное кресло, къ которому онъ привыкъ, забудетъ о строгостяхъ музеума.

Британскій музеумъ, сообразно своему назначенію, такъ устроилъ читальную залу, что для людей, занимающихся съ опредѣленною цѣлью, она служитъ превосходнѣйшимъ пособіемъ; но за то люди праздношатающіеся ни подъ какимъ видомъ не впускаются въ эту залу. Лица рекомендованныя получаютъ билеты на шесть мѣсяцевъ. Сообразно предположенной цѣли ихъ занятій, они могутъ, по прошествіи шестимѣсячнаго срока, или возобновлять свои билеты, если первоначальная рекомендація даетъ имъ на то право, или искать новой рекомендаціи. Не смотря на то, что въ читальную залу Британскаго музеума допускаются посѣтителі не иначе какъ съ рекомендательными письмами, въ ней ежедневно бываетъ такъ много читающихъ, что отъ 12 до 3 часовъ нельзя найти свободнаго мѣста. Начальникъ отдѣленія печатныхъ книгъ Mr. Winter Jones говорилъ мнѣ, что недостатокъ мѣстъ для читателей начинаетъ сильно озабочивать управленіе. Приходящій въ залу, избравъ мѣсто, отправляется въ центръ залы къ каталогу. Въ центрѣ залы, на круглой, возвышенной эстрадѣ, находится управляющій читальною залою (Superintendent), помощникъ его (Clerk) и нѣсколько служителей (Attendants). Эстрада окружена двумя рядами низкихъ шкафовъ, въ которыхъ, на двухъ полкахъ, поставленъ полный алфавитный каталогъ всей библиотеки музеума, списанный на карточкахъ, наклеенныхъ въ книгахъ, и составляющій до 500 томовъ in-folio, отлично-переплетенныхъ. Томы эти снимаются съ полокъ и ставятся обратно такъ часто, что никакая кожа на краяхъ ихъ переплетовъ не уцѣлѣла-бы въ теченіе одного мѣсяца. Для этого нижніе края переплетовъ обдѣланы бѣлымъ листовымъ желѣзомъ. Надъ каталогомъ на столахъ приготовлены чернила, перья и протечная бумага, и тутъ-же на крючкахъ висятъ карточки для писанія заглавій требуемыхъ книгъ. Читатель пи-

ишетъ заглавіе, означаетъ изъ каталога мѣсто, гдѣ книга въ библиотекѣ стоитъ, подписываетъ свою фамилію, извѣстную управляющему по рекомендаціи, отмѣчаетъ номеръ мѣста, которое онъ занялъ войдя въ залу, и приготовленное въ такомъ видѣ требованіе отдаетъ управляющему, а самъ отправляется на свой стулъ, гдѣ и ожидаетъ покуда книгу принесутъ къ нему. На требовательныхъ карточкахъ можно писать заглавія тѣхъ только книгъ, которыя внесены въ каталогъ. Такъ-какъ каталогъ составленъ полный всей библиотекѣ и въ него постоянно вносятся всѣ вновь-поступающія книги, то писать на карточкѣ заглавіе, непоказанное въ каталогѣ, значить требовать то, чего нѣтъ въ библиотекѣ музеума. Въ такихъ случаяхъ, когда требователь не помнитъ имени автора и слѣдовательно не можетъ найти нужной ему книги въ алфавитномъ каталогѣ, или просто не знаетъ заглавія книги, онъ обращается за совѣтомъ къ управляющему и тогда принимаются другія мѣры къ удовлетворенію требованія; но мѣры эти принимаются дѣйствительно, а не только для соблюденія приличія, изъ вѣжливости. Въ управляющіе читальною залою выбираются люди способные и хорошо знающіе библиотеку музеума. На нихъ, по закону, лежитъ обязанность оказывать читателямъ помощь въ ихъ разнообразныхъ разысканіяхъ.

Читатель, отдавъ управляющему требованіе, не обязанъ оставаться на своемъ мѣстѣ и ждать покуда книгу найдутъ и принесутъ: въ это время ему есть чѣмъ заняться. Нижний ярусъ шкафовъ, по всему кругу залы, на протяженіи слишкомъ 170 аршинъ, вмѣщаетъ болѣе 20,000 томовъ ручныхъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Вся эта масса книгъ приготовлена для приходящихъ. Они могутъ брать съ полокъ все, что имъ угодно, уносить на свои столы и опять ставить на полки. Ожидая потребованныхъ сочиненій можно-ли скучать въ такомъ громадномъ обществѣ самыхъ нужныхъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка, книгъ? Съ перваго взгляда кажется труднымъ ознакомиться съ библиотекою въ 20 слишкомъ тысячъ томовъ, но умное управленіе позаботилось объ этомъ. Ходящіе по залѣ встрѣчаютъ почти на каждомъ шагу развѣшенные планы залы, отпечатанные красками. Весь кругъ залы имѣетъ 122 шкафа, которые наполнены книгами въ систематическомъ порядкѣ и всѣ перенумерованы съ № 2,000 до 2,121. Вотъ какія тамъ отдѣленія и какое количество шкафовъ:

Шкафы.

Богословіе	16
Правовѣдѣніе	4
Философія	12
Искусства	2
Біографія	7
Словесность	5
Поэзія	2
Библіографія	3
Классики	5
Путешествія и географія	5
Топографія	6
Исторія	19
Ученые журналы	16
Энциклопедія	11
Лексиконы	6
Календари и разныя справочныя книги	3

Эти главные отдѣленія отмѣчены на планѣ особыми красками и подраздѣлены на мелкія части такъ, что замѣтивъ подраздѣленіе и номеръ шкафа, въ которомъ оно стоитъ, можно тотчасъ найти что нужно. Особый служитель, снабженный инвентаремъ этой подручной бібліотеки, наблюдаетъ постоянно за порядкомъ ея и, если случается, что посѣтитель по ошибкѣ поставитъ книгу не на свое мѣсто, то служитель возстановляетъ порядокъ. Хотя въ читальную залу допускаются люди только рекомендованные, но случается также, что ручныя книги исчезаютъ. Служитель доноситъ объ этомъ кому слѣдуетъ и новый экземпляръ является на мѣстѣ исчезнуваго. Такіе случаи бывають здѣсь нерѣдко, но управленіе музеума, обладая обширными средствами, мало обращаетъ на нихъ вниманія и считаетъ ихъ мелочнымъ расходомъ.

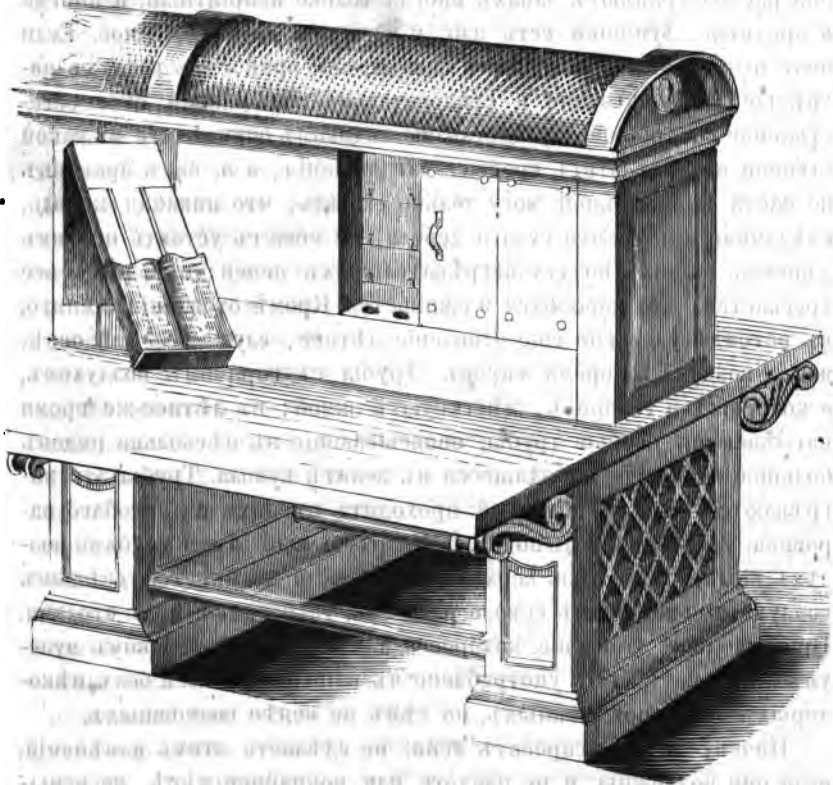
Въ читальной залѣ Британскаго музеума, какъ и во всѣхъ другихъ бібліотекахъ, вовсе запрещено говорить, чтобы не отвлекать вниманія читающихъ. Чтобы заглушить шаги ходящихъ по залѣ, полъ устланъ ковромъ изъ каучука, смѣшаннаго съ порошкомъ пробки Kemptalikon. Входная дверь, при постоянномъ множествѣ приходящихъ и уходящихъ, отпирается и запирается непрерывно, но не производитъ ни малѣйшаго шума. Въ ней нѣтъ ни замка, ни щеколды, которые обыкновенно щелкають каждый разъ, когда дверь

запирается. Обѣ половинки дверей навѣшаны на петляхъ съ пружинами и отпираются въ обѣ стороны такъ, что, подойдя къ двери, ее нужно толкнуть и она откроется безъ всякаго шума и потомъ сама заперется. Кромѣ того приняты мѣры, чтобы проходящіе въ дверь не сталкивались при встрѣчѣ: на обѣихъ половинкахъ сдѣланы надписи, указывающія которую половинку нужно отворять входя и которую выхода. На Англійскомъ языкѣ эти надписи очень коротки: одна говоритъ IN, а другая OUT. Такія надписи существуютъ въ Лондонѣ на дверяхъ всѣхъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ бываетъ много приходящихъ: въ банкахъ, на биржѣ, въ почтамтѣ и проч.

Но вотъ читатель, занимаясь кнѣгами, выставленными въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ, замѣчаетъ, что служитель положилъ уже на занятой имъ столъ потребованныя книги и удалился. Подходить онъ къ столу, садится на очень удобный и, мимоходомъ сказать, превосходно-сдѣланный стулъ и принимается за работу. Если ему нужно сдѣлать выписку, онъ находитъ приготовленные чернила и перья, разумѣется стальные, и даже пюпитръ, на которомъ онъ можетъ разогнуть предъ собой книгу. Пюпитры эти не замѣтны, когда ихъ не употребляютъ: они складываются и скрываются въ перегородкѣ стола, возвышающейся предъ сидящимъ и скрывающей отъ него его сосѣда *vis-à-vis*. Каждое мѣсто имѣетъ 4 фута протяженія по столу и каждое съ двумя складными пюпитрами. Столы, какъ видно на планѣ, расположены въ залѣ лучеобразно: одни изъ нихъ имѣютъ по 8, а другіе по 7 мѣстъ съ каждой стороны. Есть еще короткіе столы на два мѣста каждый. Они назначены для тѣхъ, кому нужно разсматривать атласы и вообще книги большихъ форматвъ. Два длинныя стола предназначены исключительно для дамъ. Здѣсь представлена часть длиннаго стола съ двумя пюпитрами: однимъ, направо, сложеннымъ, а другимъ, налѣво, раскрытымъ.

Валикъ подъ столомъ, на который нитающій кладетъ свои ноги, состоитъ изъ желѣзной трубы, нагрѣтой пропущеннымъ въ нее изъ печи горячимъ воздухомъ. Перегородка, стоящая на столѣ, покрыта въ видѣ свода проволоочной сѣткой, подъ которою также проходятъ трубы, нагрѣтыя горячимъ воздухомъ и сообщающія теплоту залѣ. Сквозь рѣшетку, вставленную съ боку въ ножку стола, получается чистый воздухъ слегка нагрѣтый. Для выхода испорченнаго воздуха отверстія устроены въ откосахъ оконъ, прорѣзанныхъ въ парусахъ купола, о которыхъ я говорилъ

выше. Эти трубы для горячаго воздуха, рѣшетки, сѣтки, столярная работа столовъ все это сдѣлано и отдѣлано просто, но съ удивительною отчетливостью.

Отопление, которое я видѣлъ въ Дрезденской галерей, устроено превосходно, но сопряженное водою, оно не можетъ быть признано простымъ, удобнымъ и безопаснымъ. Въ Британскомъ музеемъ это устройство несравненно лучше: здѣсь дѣйствуетъ не вода, а воздухъ. Нагрѣтый въ печи онъ проходитъ по множеству жѣлѣзныхъ трубъ, расположенныхъ равномерно на всемъ пространствѣ залы и посредствомъ выѣвшихъ ихъ плоскостей передаетъ воздуху залы одну только теплоту, не сообщая ему своихъ

качествъ, зависящихъ отъ исправности печи въ известную минуту. У насъ въ Россіи въ большомъ употребленіи воздухомъ нагрѣвательныя печи, но онѣ дѣлаются обыкновенно съ душиками, которые проводятъ въ комнаты нагрѣтый воздухъ прямо изъ печей. Душники эти опасны потому, что при малѣйшемъ поврежденіи печи они распространяютъ запахъ иногда только непріятный, а иногда и вредный. Душники есть зло, у насъ покуда неизбежное. Если печь исправна, то, не принося запаха, они приносятъ воздухъ нагрѣтый насильственно и слѣдовательно измѣнившій свое естественное соединеніе. Предоставляю медикамъ опредѣлить въ какой степени воздухъ этотъ вреденъ для дыханія, а я, какъ практикъ по части строительной, могу только сказать, что никакая мебель, сдѣланная изъ самаго сухаго дерева, не можетъ устоять противъ дѣйствія нашихъ воздухомъ нагрѣвательныхъ печей: отъ нихъ все трескается, все коробится и сжимается. Кромѣ отопленія зимняго, въ ротондѣ устроено еще отопленіе лѣтнее, служащее для освѣженія воздуха во время жаровъ. Трубы съ горячимъ воздухомъ, о которыхъ я говорилъ, дѣйствуютъ зимой; въ лѣтнее-же время нагрѣваются особыя трубы, опоясывающія въ нѣсколько рядовъ большое отверстіе, находящееся въ зенитѣ купола. Трубы эти нагрѣваются паромъ, который проходитъ въ нихъ изъ особаго паровика, устроеннаго въ подвалѣ. Разрѣжаемый этими трубами воздухъ вылетаетъ сквозъ верхнее отверстіе и замѣняется свѣжимъ воздухомъ, входящимъ сквозъ рѣшетки, устроенныя подъ столами. Превосходное отопленіе, которое я видѣлъ въ Британскомъ музее, не можетъ быть употреблено въ нашемъ климатѣ безъ нѣкоторыхъ измѣненій важныхъ, но тѣмъ не менѣе возможныхъ.

Почему-же вы, спросятъ меня, не сдѣлаете этихъ измѣненій, если они возможны, и не введете или, по крайней мѣрѣ, не испытаете у насъ того, что вы видѣли въ Англіи? На такой вопросъ я съ грустью долженъ отвѣтить, что хотя у насъ найдутся люди съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ по части отопленія, но они по многимъ причинамъ не могутъ заняться примѣненіемъ къ нашему климату тѣхъ усовершенствованій, которыя существуютъ въ Англіи. Для этого примѣненія необходимы опыты: нельзя поручиться, что составленная по известнымъ даннымъ теорія дастъ на практикѣ съ одного разу всѣ результаты, которыхъ мы отъ нея ожидаемъ. Для опытовъ нужны во-первыхъ деньги, во-вторыхъ мѣсто и наконецъ техническія

средства. Положимъ, что наши заводы, наши мастеровые сдѣлаютъ то, что имъ закажетъ и укажетъ мастеръ, но они должны дѣлать и, можетъ быть, нѣсколько разъ передѣлывать заказанное, чтобы, по требованіямъ опытовъ, довести все устройство до известной степени совершенства. На это нужны деньги, а ихъ у насъ никто не захочетъ тратить на дѣло, которое еще, Богъ знаетъ, удастся или нѣтъ. Желѣзныя дороги вездѣ существуютъ и постоянно строятся новыя, а у насъ и теперь еще многіе покачиваютъ головою на громадное предпріятіе, начатое въ Россіи. Еслибы и нашлся человѣкъ съ знаніемъ и деньгами, выдумалъ-бы и приспособилъ хорошее отопленіе, въ которомъ мы такъ нуждаемся въ нашемъ климатѣ, то и тогда всѣ стали-бы приглядываться и разузнавать: хорошо-ли оно и главное, дешево-ли стоитъ его устройство. При томъ о дороговизнѣ и дешевизнѣ мы имѣемъ не совсѣмъ вѣрное понятіе. У насъ во всеобщемъ употребленіи находятся Голландскія печи, и онѣ были-бы очень хороши, но невѣрное понятіе о дешевизнѣ довело ихъ до такого состоянія, что, кромѣ названія, въ нихъ ничего не осталось Голландскаго. Домовладѣлецъ, отдающій въ наймы квартиры, старается употреблять на ремонтъ дома какъ можно меньше денегъ и, вслѣдствіе того, если встрѣчается надобность передѣлать печь, то онъ ищетъ печниковъ, которые берутъ за передѣлку дешевле и, заплативъ 5 руб., остаются въ совершенномъ невѣдѣніи какъ печь передѣлана. Между тѣмъ печникъ, работая за 5 руб., помышляетъ и о своей семьѣ и объ оброкѣ и о разныхъ житейскихъ нуждахъ и, вслѣдствіе этихъ помышленій, такъ дурно передѣлаетъ печь, что изъ ничтожной платы у него остается хорошій барышъ. Домовладѣлецъ однакожь доволенъ, что дешево отдѣлался. Онъ не думаетъ о томъ, что чрезъ годъ, а много чрезъ два, онъ долженъ будетъ на эту-же печь истратить еще 5 руб. Само собою разумѣется, что еслибы печникъ, вмѣсто 5, получилъ 15 руб. и исполнилъ дѣло свое добросовѣстно, то чистой прибыли ему пришлось-бы гораздо больше, а домовладѣлецъ 15 лѣтъ не имѣлъ-бы надобности передѣлывать печь: очевидно, что обоимъ имъ было-бы выгоднѣе и жилецъ былъ-бы здоровѣе въ теплой и сухой комнатѣ; но всѣ эти выгоды усматриваются въ будущемъ, а мы этого не любимъ и находимъ гораздо выгоднѣе выплатить какъ можно меньше въ настоящемъ. При такомъ взглядѣ на экономію, взглядѣ общемъ во всѣхъ почти классахъ нашего общества, трудно найти чело-

вѣка, который рѣшился-бы предпринять дѣло, обѣщающее отдаленныя выгоды.

Наконецъ, для производства опытовъ нужно мѣсто. Еслибы частный человѣкъ, располагающій достаточными для опытовъ средствами, предпринялъ дѣлать опыты у себя, то небольшіе аппараты, давшіе удовлетворительный результатъ въ его небольшомъ помѣщеніи, не дали-бы его въ такомъ пространствѣ, какъ читальная зала Британскаго музеума. У насъ есть, конечно, большія залы, но кто-же позволить дѣлать въ нихъ опыты отопленія? Хорошее отопленіе у насъ будетъ, но не теперь, когда едва-ли десятая часть нашихъ печниковъ умѣютъ читать по складамъ, а такіе, которые могли-бы съ толкомъ прочесть то немногое, что у насъ написано о печахъ, такихъ нѣтъ почти ни одного.

Невѣрно-понимаемая экономія даетъ намъ не одиѣ дурныя печи; она производитъ еще и дурныхъ печниковъ. Я знаю по опыту, что у насъ въ С. Петербургѣ *нѣтъ* (буквально) ни одного мастера, который сумѣлъ-бы сдѣлать *хорошо* простую Голландскую печь. Дешевизна задѣльной платы довела печниковъ до такого проворства, что ловкій парень можетъ сложить средней величины печь въ *одинъ день*. Наши мастера, работая такъ быстро, дѣлаютъ печи такъ дурно, что изъ рукъ вонъ. Еслибы какой-нибудь врагъ неразумной экономіи пожелалъ имѣть печь, сдѣланную какъ должно, то ни за какія деньги онъ не получилъ-бы того, что ему нужно. Самый честный мастеръ, за двойную, даже за тройную плату не сдѣлаетъ печи хорошо, потому-что ни онъ самъ никогда хорошо ихъ не дѣлалъ и никогда ему не могло случиться видѣть какъ должно дѣлать печи. Наши мастера знаютъ и отлично знаютъ конструкцію печей, но, при хорошей конструкціи, должно быть и хорошее исполненіе, на которое нужно употребить много времени, а мы, платя дешево за печную работу, покушаемся у печника слишкомъ мало его времени.

Внимательность и заботливость управленія Британскаго музеума о посѣтителяхъ простирается до того, что дамы, приходящія заниматься въ читальной залѣ, имѣютъ особый примѣтъ, гдѣ, отдѣленные отъ общества мужчинъ, онѣ могутъ отдохнуть, поправить свой туалетъ. Въ корридорѣ, ведущемъ изъ парадныхъ сѣней въ читальную залу, есть одна дверь съ надписью: Ladies room (на планѣ № 8). Войдя въ эту дверь, посѣтельница находитъ покойную, удобно-меблированную комнату и прислужницу,

ожидающую ее и готовую ей услужить. Даже въ читальной залѣ для дамъ назначены самыя удобныя мѣста. Столы, съ надписями for ladies, находятся на сторонѣ противоположной входу и стоятъ у самаго прохода, соединяющаго центральную эстраду читальной залы съ внутреннимъ помѣщеніемъ бібліотеки. Проходъ этотъ огражденъ сплошнымъ рядомъ большихъ полированныхъ стеколъ, вдѣланныхъ въ бронзовую золоченную раму. Стекла этой перегородки такъ чисты, что ихъ не замѣтно, но между-тѣмъ за ними не слышенъ свободный говоръ прислуги читальной залы.

Говоря объ особыхъ удобствахъ, нельзя не упомянуть о комнатѣ съ ватерклозетами для публики (на планѣ № 4). Если вспомнить, что въ Британскомъ музеѣ бываетъ ежедневно болѣе 500 постороннихъ людей и 259 служащихъ, то можно представить себѣ, какое большое употребленіе дѣлается изъ этой комнаты; за всѣмъ тѣмъ опрятность въ ней необыкновенная и, при хорошей вентиляціи, воздухъ всегда чистъ. Мнѣ случилось видѣть, какъ, по уходѣ публики, служитель убиралъ эту комнату, или, вѣрнѣе сказать, какъ онъ ее *выполаскивалъ*. Привинтивъ къ крану длинный и гибкій рукавъ, съ мѣдною трубкой на концѣ, онъ пускалъ быструю струю воды повсюду, гдѣ замѣчалъ слѣды посѣщеній. Полъ комнаты устланъ свинцомъ, прочіе-же предметы сдѣланы или изъ металла, или изъ фаянса такъ, что они очевидно приготовлены для того, чтобъ ихъ можно было обливать водой. Комната имѣетъ двѣ двери: одну для входа, а другую для выхода; чтобы предупредить столкновение идущихъ, въ двери, назначенной для входа, вставленъ такой приборъ, сквозь который можно войти, но никакъ нельзя выйти. Если разсѣянный человекъ, желая выйти, направится къ входной двери, то приборъ его остановитъ и, возбудивъ такимъ образомъ его вниманіе, заставитъ пойти къ другой двери съ надписью: OUT.

Выше сказано мною, что книги, отданныя въ распоряженіе посѣтителей, стоятъ въ шкафахъ, имѣющихъ номера 2,000—2,121. Когда меня ввели изъ читальной залы во внутреннее помѣщеніе бібліотеки, я замѣтилъ, что на первомъ шкафу привѣшенъ № 2,136. Я спросилъ, гдѣ-же № 2,125 и узналъ, что онъ покуда не существуетъ, а будетъ существовать тогда, когда наберется такое количество новыхъ книгъ, которое наполнитъ всѣ промежуточные шкафы, начиная съ послѣдняго шкафа читальной залы, имѣющаго № 2,121 до № 1,236 и притомъ книгъ такого содержанія, какому посвященъ № 2,121, т. е. календарей, альмана-

ховъ, адресныхъ книгъ и проч. Нужно замѣтить, что въ промежуткѣ номеровъ нѣтъ пустыхъ шкафовъ, и, если дѣйствительно потребуется занять календарями шкафъ подъ № 2,122, то для этого нужно будетъ переставить книги всѣхъ шкафовъ, начиная съ № 2,136, и такимъ образомъ очистить № 2,122. Въ новомъ помѣщеніи библіотеки запасныхъ шкафовъ очень много: оно устроено на 1½ милліона книгъ. Библіотека поставлена въ систематическомъ порядкѣ, съ большими промежутками пустыхъ шкафовъ и еще съ большими промежутками въ ряду номеровъ. При такой разстановкѣ въ передвиженіи старыхъ книгъ можетъ встрѣтиться надобность очень не скоро, но все-же она можетъ встрѣтиться. Безпорядка отъ передвиженія книгъ не будетъ никакого: всѣ шкафы построены совершенно одинаковой ширины, полки можно передвигать вверхъ и внизъ по произволу; слѣдовательно все, что стоитъ въ одномъ шкафу, можетъ быть переставлено въ другой, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Все это придумано прекрасно; но переставлять книги, чтобъ очистить мѣсто для другихъ, вовсе непрактично, и въ этомъ я не узнаю Англичанъ; между-тѣмъ эта система вѣчной перестановки громко названа *expensive-system*. "

Порядокъ положить во всѣхъ библіотекахъ считается снизу вверхъ. Происхождение этого обычая можно искать въ систематической разстановкѣ, гдѣ книги, раздѣленные по предметамъ, подраздѣляются всегда на форматы, изъ коихъ фоліанты занимаютъ первое мѣсто и, какъ болѣе тяжелые, ставятся всегда внизу. Британскій музей, вопреки всеобщему обычаю, полки считаетъ сверху.

Въ Британскомъ музеумѣ есть особое отдѣленіе для составленія каталоговъ. Заглавія пишутся довольно пространно на карточкахъ; по четыре экземпляра вдругъ. Это дѣлается по методѣ Веджвуда. Между четырехъ листовъ бумаги, на которой пишутъ, прокладываются пластинки, налитыя веществомъ, окрашивающимъ черною краскою. Для писанія употребляется заостренная палочка. Когда пишутъ ею на первой страницѣ, то на всѣхъ слѣдующихъ, проложенныхъ пластинками листахъ, отпечатывается отчетливо все написанное. Для этого бумага употребляется очень тонкая. Написанныя для каталоговъ карточки наклеиваются на бѣлыя страницы книгъ. Четыре экземпляра карточекъ, получаемыхъ съ cadaго заглавія, назначаются: 1-й для инвентаря, 2-й для алфавитнаго каталога, употребляемаго публикой въ читальной залѣ, 3-й для такого-же каталога, находящагося въ библіотекѣ, и 4-й для будущаго си-

стематическаго каталога, который до-сихъ-поръ еще не составляется потому, какъ говорятъ, что лица, стоящія въ главѣ управленія Британскаго музеума, не согласны во мнѣніяхъ на-счетъ системы, которую слѣдуетъ принять.

Карточки для каталоговъ пишутся слишкомъ широко: наклеенныя въ книгахъ онѣ занимаютъ очень много мѣста и дѣлаютъ объемъ cadaго тома каталога огромнымъ. Редакція карточекъ не соответствуетъ ихъ назначеніямъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется: для инвентаря онѣ слишкомъ пространны, а для систематическаго каталога слишкомъ кратки. Вообще форма каталоговъ библіотеки Британскаго музеума не довольно обдуманна со стороны практической. Карточки пишутся въ четырехъ экземплярахъ въ одно время, и это, съ перваго взгляда, кажется удивительною экономіей; но, переложивъ на деньги время, употребляемое для писанія, разрѣзыванія и наклеиванія и исчисливъ расходъ на бумагу, Веджвудовы средства и на переплетъ экземпляра алфавитнаго каталога, находящагося въ библіотекѣ, едва-ли не выгоднѣе было-бы написать одинъ экземпляръ: заглавія пространно и на плотной бумагѣ для каталога систематическаго, одинъ экземпляръ сокращенно, на плотной-же бумагѣ, для каталога алфавитнаго библіотеки, а другой такой-же, на тонкой бумагѣ, для такого-же каталога читальной залы, гдѣ, для удобства публики, онъ можетъ быть наклеенъ, и наконецъ написать два-три слова въ готовой переплетенной книгѣ инвентаря. При такихъ формахъ каталоговъ расходы на время и бумагу были-бы тѣ-же, а формы удобнѣе. Инвентарь сдѣлался-бы въ 10 разъ меньшаго объема; алфавитный каталогъ библіотеки, оставаясь на карточкахъ ненаклеенныхъ, былъ-бы также несравненно меньше и сверхъ-того могъ-бы увеличиваться до самыхъ большихъ размѣровъ, не требуя переписки и передѣлки переплетовъ. Во многихъ большихъ библіотекахъ опытомъ доказано, что алфавитные каталоги въ книгахъ дѣлаются современнымъ негодными къ употребленію и это въ такихъ библіотекахъ, гдѣ новыхъ книгъ поступаетъ далеко не такъ много, какъ въ Британскомъ музеумѣ, истрачивающемъ на этотъ предметъ ежегодно 10,000 фунт. стерлинговъ (болѣе 60,000 р. сер.)

Наклеиваніе карточекъ, приготовленныхъ по способу Веджвуда, производится также и для читальной залы, при выдачѣ книгъ въ чтеніе. Въ отдѣленіяхъ, при отпускѣ книги, пишутся сокращенно три карточки и наклеиваются въ книги: одна въ отдѣленіи, другая

въ читальной залѣ, а третья на кусокъ картона, который остается на томъ мѣстѣ, гдѣ книга стояла. Эти куски картона приготовлены очень аккуратно, концы ихъ обдѣланы краснымъ сафьяномъ и украшены золотыми каемками. Вся эта процедура показываетъ, какъ много мелкихъ работъ производятъ переплетчики въ Британскомъ музеумѣ. Въ переплетныхъ мастерскихъ, находящихся въ самомъ зданіи музеума, работаютъ 98 человекъ. Работы ихъ не производятся *à discretion*, какъ въ большой Парижской библіотекѣ, а поштучно, и для этого установленъ подробный тарифъ. Въ прошломъ 1858 году музеумъ издержалъ на одни переплеты 8000 фунт. стерл. При всемъ обиліи средствъ музеума такой расходъ считается тамъ чрезвычайнымъ, и дѣйствительно трудно представить себѣ, какія переплетныя работы могли быть произведены на 50,000 руб. сер., однакожъ онѣ произведены въ самомъ дѣлѣ. Такая громадность расхода дѣлается понятною, если обратить вниманіе на то, что въ Британскомъ музеумѣ нѣтъ ни одной не переплетенной книги, что всѣ географическія карты, планы и т. п. наклеены на каленкоръ и обдѣланы съ большою тщательностью, что для монтированія эстамповъ приготовлены сотни книгъ въ большой листъ, сдѣланныхъ изъ превосходной бумаги и переплетенныхъ въ сафьянъ. Всѣ эти работы, исполненныя въ огромныхъ размѣрахъ и съ роскошью, должны были поглотить тысячи фунтовъ стерлинговъ. Вообще все устройство и содержаніе музеума обнаруживаетъ необыкновенное обиліе средствъ, для этого употребляемыхъ. При всѣхъ отдѣленіяхъ музеума считается 259 человекъ, занимающихъ разныя должности. При библіотекѣ музеума находятся 3 библіотекаря, 25 помощниковъ, 13 писцовъ и до 50 служителей. Для содержанія въ порядкѣ читальной залы и для удовлетворенія требованій читателей употребляется 14 человекъ. Въ устройствѣ разныхъ частей наблюдателя поражаетъ вездѣ такая совѣстная обдѣлка, такая законченность, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ отдѣленіи географическихъ картъ сдѣланы шкафы съ выдвижными полками, на которыхъ расположены карты въ географическо-систематическомъ порядкѣ. Я уже сказалъ, что всѣ карты наклеены на каленкоръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно-большія размѣровъ, навернуты на валики и укрѣплены на длинныхъ полкахъ, выдвигающихся изъ шкафовъ. Надъ устройствомъ этимъ очевидно останавливался практическій умъ техника и сдѣлалъ именно то, что нужно и удобно. Всѣ части внутреннія и наружныя этихъ

шкафовъ сдѣланы изъ дубоваго дерева и съ тою тщательностью, которая характеризуетъ всякую Англійскую работу. Изящества и вкуса здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ. Витрины, въ которыхъ выставлены въ большихъ залахъ библіотеки эстампы и разнаго рода библіографическія и рукописныя рѣдкости, далеко не такъ художественно сдѣланы, какъ въ Дрезденѣ, но за-то здѣсь вездѣ полированные стекла и вообще объемъ выставокъ, очень великъ. Онѣ расположены въ тѣхъ залахъ стараго зданія музеума, гдѣ стоитъ библіотека, собранная королемъ Георгомъ III и подаренная музеуму Георгомъ IV, вслѣдствіе чего залы эти называются королевскою библіотекою. Выставки раздѣлены на четыре главные отдѣленія: 1) автографы и рукописи, 2) рисунки и гравюры, 3) печатныя книги и 4) переплеты. Во всѣхъ витринахъ выставлено до 1,000 такихъ предметовъ, изъ коихъ каждый знатока можетъ привести въ восторгъ. Не вдаваясь въ подробности, я назову только слѣдующіе роды выставленныхъ вещей: рукописей и автографовъ 289, рисунковъ знаменитыхъ художниковъ 145, гравюръ 279, нгелей 25, изъ коихъ 7 на серебрѣ и 6 черныхъ оттисковъ (Teichdruck), ксилографовъ 24, инкунабулъ и другихъ рѣдкихъ печатныхъ книгъ 172, переплетовъ 37. Эстампы, положенные на бѣлую бумагу и прижатые стекломъ, размѣщены въ рамкахъ, стоящихъ вертикально на стативахъ, а рукописи лежатъ въ витринахъ, устроенныхъ на столахъ. Въ тѣ дни, когда публика не входитъ въ залы, всѣ выставки закрываются, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія свѣта: рамки съ эстампами просто завѣшиваются, а въ ящикахъ витринъ сдѣланы внутри, подъ стеклами, сторы, которыя открываются и закрываются помощію валиковъ, приводимыхъ въ движеніе ключемъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются для большихъ часовъ. Въ хранилищѣ рукописей художники занимаются копированіемъ красками миниатюръ со старинныхъ манускриптовъ. Работы этой обыкновенно не любятъ вообще всѣ хранители рукописей, потому что художники иногда недовольно осторожно обращаются со своими оригиналами. Но въ Британскомъ музеумѣ желающіе копировать манускрипты работаютъ очень свободно, а между-тѣмъ сохранность манускриптовъ обезпечена: раскрытая книга вложена въ стеклянный ящикъ и копирующій не можетъ не только повредить, но даже прикоснуться къ лежащему предъ нимъ оригиналу.

Кромѣ покупаемыхъ книгъ, на которыя Британскій музеумъ

можетъ издерживать 10,000 фунт. ежегодно, библіотека его обогащается еще всѣми книгами, печатаемыми во владѣніяхъ Англіи и доставляемыми въ музеумъ по закону безмездно. Издатели обязаны, до выпуска книги въ свѣтъ, представить по одному экземпляру: въ Британской музеумъ, въ Оксфордскій, Кембриджскій и Эдинбургскій университеты и въ Дублинскую школу адвокатовъ. За непредставленіе одного изъ этихъ экземпляровъ издатель подвергается большому денежному штрафу; но этой строгости законовъ не подвергается никто, потому что у Англичанъ есть своего рода національное чувство: издатели считаютъ за честь себѣ представлять экземпляры въ государственныя учрежденія, гдѣ книги ихъ вѣрнѣе сохранятся для отдаленнѣйшаго потомства, нежели въ рукахъ какого-бы то ни было частнаго человѣка и болѣе нежели гдѣ-нибудь принесутъ пользы странѣ. Я посѣтилъ отдѣленія, гдѣ принимаются доставляемые издателями книги. 14го марта было уже принято 5582 книги, считая съ новаго года. Процессъ пріема книгъ очень простъ. Предъ регистраторомъ лежитъ книга, состоящая изъ бланковъ квитанцій, по нѣскольку на каждомъ листѣ. На первой раскрытой страницѣ бланки не подписанныя, а на второй у каждаго экземпляра есть подпись директора библіотеки печатныхъ книгъ Winter Jones. Листы проложены черною пластинкою. Регистраторъ, принявъ принесенную книгу, списываетъ заглавіе ея на неподписанной квитанціи, означаетъ номеръ и число, и, перевернувъ страницу, находитъ такой-же экземпляръ квитанціи подписанной, которую онъ вырѣзаетъ и отдаетъ принесшему книгу, а на книгу накладываетъ штемпель, показывающій число мѣсяца, когда она принесена въ музеумъ.

Для книгъ покупаемыхъ есть особое отдѣленіе, которымъ заведываетъ Mr. Watts, человѣкъ замѣчательный по богатству библіографическихъ свѣдѣній и по знанію множества языковъ. Онъ читаетъ библіографическія извѣстія и рецензіи на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, заказываетъ чрезъ управленіе музеума все, что находитъ достойнымъ пріобрѣтенія и, при полученіи книгъ, вноситъ ихъ въ каталогъ пріобрѣтеній, что Нѣмцы называютъ Accessionskatalog. Съ этимъ сопряжена довольно большая переписка: книгопродавцы не высылаютъ иногда всего, что имъ заказано, или присылаютъ не то, что заказано. Всѣ хлопоты по этимъ дѣламъ лежатъ на Уатсѣ. Дѣятельность его очень велика. Каталогъ пріобрѣтеній, который онъ ведетъ, очень похожъ на то, что я ви-

дѣлѣ въ Мюнхенѣ и Парижѣ, но имѣеть одно несовершенство: онѣ не отвѣчаютъ на вопросъ: что именно заказано и еще не доставлено? Каталогъ приобрѣтеній ведется на карточкахъ, въ которыхъ подѣ общимъ алфавитомъ смѣшано все, что получено и что заказано. Свѣдѣнія о неисполненныхъ заказахъ нужно, въ случаѣ нужды, искать въ перепискѣ съ книгопродавцами. Это очень удобно, если нужно знать, напримѣръ, чего не исполнилъ нашъ Смирдинъ, съ которымъ однимъ Британскій музейъ ведетъ дѣла по части Русскихъ книгъ; но еслибы нужно было узнать, заказана-ли какая-нибудь Нѣмецкая книга, одному изъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ корреспондентовъ Британскаго музея, то справку можетъ сдѣлать одинъ только Уатсъ, обладающій удивительнѣйшею памятью.

Кромѣ чудесной библіотеки, которую Winter Jones и Watts показывали мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, съ особенною любезностью и обязательностью, свойственною однимъ только Англійскимъ джентельменамъ, я видѣлъ и другія отдѣленія Британскаго музея. Богатства коллекцій каждаго отдѣленія могутъ удивить всякаго ученаго специалиста. Въ устройствѣ всего этого на каждомъ шагу встрѣчаются подробности, краснорѣчиво выражающія практическій умъ Англичанъ. По недостатку времени, я не могъ внимательно осмотрѣть всѣ части музея и долженъ былъ удовольствоваться обзоромъ поверхностнымъ и даже слишкомъ поверхностнымъ въ отношеніи къ значенію предмета. Британскій музейъ, какъ и Луврская галерея въ Парижѣ, доступенъ всѣмъ классамъ публики и для человѣка, незнакомаго съ этими обычаями, посѣтителю музея представляютъ немало интереса. Залы съ древностями, медалями, монетами, камнями и пр., конечно мало интересуютъ простой народъ, но за то какъ людны залы естественной исторіи и этнографіи. Группы слушателей тѣснятся около людей бывалыхъ и словоохотливыхъ. Слушая эти импровизированныя лекціи, народъ, посѣщающій музейъ, безъ сомнѣнія, уноситъ отсюда большіе запасы свѣдѣній. Богъ знаетъ на что пригодятся эти свѣдѣнія, но подкрѣпленные нагляднымъ изученіемъ выставленныхъ въ музейѣ предметовъ, они просвѣщаютъ умы, производятъ въ нихъ движеніе, даютъ предметы для разговоровъ и изъ всего этого нечувствительно вырабатывается то, что мы разумѣемъ подѣ словомъ *цивилизациа*. Эта возвышенная форма народнаго образованія не вливается въ него обильнымъ потокомъ, —

потоки, и въ особенности обильные, разрушаютъ иногда самыя прочныя организмы, — но всасываются какими-то незамѣтно-малыми путями, разливаются по всему организму общества и превращаются въ питательные для всего тѣла соки.

Въ Лондонѣ есть одна небольшая quasi-публичная библіотека. Она принадлежитъ обществу любителей чтенія и носить простое названіе Лондонской библіотеки (London library). Многочисленные члены этого общества вносятъ ежегодно очень небольшую сумму на покупку книгъ и содержаніе библіотеки и за то пользуются правомъ брать изъ библіотеки домой всякаго рода книги. Библіотека существуетъ уже очень давно и, обогащаясь понемногу, представляетъ, теперь массу въ 200,000 томовъ. Рѣдкихъ книгъ въ ней нѣтъ и они тамъ вовсе ненужны, но за то тамъ есть все, что нужно для пользы и удовольствія въ практической жизни человѣка. Сколько у насъ, и вездѣ есть охотниковъ почитать чужую книжечку. Охотниковъ этихъ нельзя укорять тѣмъ, что они сами не покупаютъ книгъ: у янаго есть большая охота прочесть какъ можно больше хорошаго, но иногда нѣтъ средствъ купить все это, даже нѣтъ мѣста гдѣ поставить купленное. Охотники эти съ удовольствіемъ заплатили-бы какую-нибудь бездѣлицу, чтобъ получить право прочесть хорошую книгу. Еслибъ подобные охотники собрались да сложили тѣ бездѣлицы, которыхъ они не пожалѣли-бы за чтеніе хорошихъ книгъ, то и у насъ можно было-бы основать общую библіотеку; но множество разнообразныхъ общественныхъ условій затрудняютъ у насъ образованіе подобныхъ обществъ, а въ Англіи эти условія таковы, что если одинъ человѣкъ высказалъ хорошую мысль, то общество, не раздѣленное по званіямъ и чинамъ на множество степеней, оцѣняетъ эту мысль и вотъ вслѣдствіе того London library разливаетъ въ населеніи Лондона свѣтъ знанія.

Не смотря на поспѣшность, съ которою я дѣлалъ мое путешествіе и на то, что въ Лондонѣ я могъ остаться только семь дней, мнѣ удалось побывать въ Оксфордѣ и видѣть тамошнюю университетскую библіотеку, извѣстную подъ названіемъ Bodleiana. Въ Оксфордѣ нѣсколько библіотекъ. По статутамъ своимъ ни одна изъ нихъ не называется публичною, но между-тѣмъ всѣ онѣ публичныя. Большинство населенія Оксфорда состоитъ изъ ученыхъ и учащихся, и слѣдовательно имѣетъ такую публику, для которой не можетъ быть закрыта ни одна библіотека въ мірѣ, кромѣ тѣхъ,

разумѣтся, которыя составляютъ частную собственность. Для цѣли моего путешествія Оксфордъ не представлялъ ничего интереснаго: все, что тамъ построено и устроено, принадлежитъ временамъ давно-прошедшимъ, все это изучено и примѣнено въ библиотекахъ новыхъ, которыя я осматривалъ, но, находясь въ двухъ часахъ отъ знаменитой библиотеки Бодлея и не видѣть ее было-бы непростительно. Основаніе и обогащеніе этой библиотеки есть результатъ любви къ родинѣ и любви къ наукѣ. Она составлена изъ нѣсколькихъ библиотекъ, собранныхъ ученѣйшими людьми, занимавшимися различными спеціальными предметами; по этому каждая часть ея, кромѣ библиографическихъ достоинствъ, представляетъ собраніе важнѣйшихъ источниковъ для ученыхъ изслѣдованій. Первое собраніе книгъ, послужившее основаніемъ Библиотеки Оксфордскаго университета, открыто для общей пользы Бодлеемъ въ 1602 году. Оно извѣстно ученому міру по каталогу, изданному нѣсколько разъ. Прочія собранія были или завѣщаны собирателями или куплены на деньги, завѣщанныя другими лицами, понимавшими пользу, которую наука можетъ принести ихъ отечеству. Всѣ сокровища Оксфордской университетской библиотеки и всѣ ея средства для новыхъ приращеній, доходящія до 6000 фунтовъ (около 38,000 р.), состоятъ изъ такихъ пожертвованій, за которыя никто не надѣялся получить ни креста, ни титула, питающихъ суетное тщеславіе, ни даже громкой, но въ сущности пустой и ничтожной похвалы современниковъ. Есть собранныя чувства, особенныя побужденія, свойственныя только людямъ, понимающимъ значеніе цивилизаціи и порождающія такія явленія, какъ библиотека Оксфордскаго университета. Люди эти не сушатъ свой мозгъ надъ изобрѣтеніемъ разрушительныхъ снарядовъ, дающихъ перевѣсъ въ бою съ менѣе искуснымъ врагомъ, но приготавливаются всю жизнь свою къ тому, чтобы завѣщать своимъ соотечественникамъ источники силы нравственной, предъ которою умолкаетъ всякое оружіе, стихаютъ всякіе буйные порывы.

Въ этой библиотекѣ есть также читальная зала, но устройство ея и весь порядокъ не могутъ служить образцомъ ни для какой другой библиотеки, кромѣ университетской, гдѣ большинство читающихъ состоитъ изъ профессоровъ, берегущихъ книги лучше всякаго приставленнаго хранителя. Зала довольно большая, по обѣимъ сторонамъ раздѣленная поперечными шкафами, между которыми устроено 12 кабинетовъ. Въ каждомъ изъ нихъ за однимъ

столомъ могутъ свободно помѣститься четыре человѣка. Прочія залы, въ которыхъ размѣщены всѣ собранія книгъ, не имѣютъ общаго стройнаго порядка. Видно, что не все зданіе было построено нарочно для библіотеки и что она, увеличиваясь, распространялась въ прилегавшія къ первоначальному ея помѣщенію комнаты. Но это отсутствіе общаго эффекта исчезаетъ совершенно при обзорѣннн порядка библіотеки, стройнаго, но совершенно-особеннаго. Посѣтитель, обзорѣвающій Оксфордскій университетъ и библіотеку, не встрѣтитъ отдѣленій богословія, исторіи и проч. Здѣсь ему говорятъ: вотъ собраніе восточныхъ рукописей Сельдена (Selden), вотъ библіотека Еврейскихъ книгъ Оппенгеймера, Санскритскія рукописи Уильсона, вотъ еще Еврейская библіотека Мичельса, вотъ собраніе рукописей лорда Ферфакса (Fairfax), виѣствѣ съ рукописями Роджера Додсворта (Dodsworth), относящимися исключительно до исторіи Англіи, и такъ далѣе.

Монументальное зданіе, въ которомъ помѣщена библіотека, и именно часть, занимаемая собраніемъ Бодлея, по происхожденію своему имѣетъ много общаго съ библіотекою: оно построено насчетъ частнаго человѣка. Гомфрей, герцогъ Глостерскій заложилъ его около 1445 года для духовнаго училища (Divinity School).

Возвращаясь изъ Англіи и проѣзжая чрезъ Брюссель, я успѣлъ взглянуть на тамошнюю публичную библіотеку. Она довольно велика (до 300,000 томовъ), и столько-же дѣятельна, какъ сама Бельгія. Прежде она была раздѣлена на три отдѣльныя части, съ особымъ на каждой изъ нихъ каталогомъ, а именно: старую городскую библіотеку, б) собраніе книгъ фанъ-Гультема и в) новыя приобрѣтенія. Каталоги были написаны въ книгахъ, которыя по неудобству оставлены и теперь составляются новые общіе каталоги на карточкахъ. При этомъ всѣ три библіотеки назначено слить въ одно цѣлое. Каталоги дѣлаются въ трехъ видахъ: алфавитный и систематическій на карточкахъ, а инвентарный въ тетрадахъ. Бельгія очень близка къ Англіи, о накомъ Веджвудовъ способъ писанія нѣсколькихъ экземпляровъ карточекъ въ одно время не признанъ здѣсь удобнымъ и каждая карточка пишется отдѣльно.

Въ собраніи старопечатныхъ книгъ я замѣтилъ особенность, которой въ другихъ библіотекахъ не видалъ, Изданія разставлены по городамъ, въ которыхъ они вышли въ свѣтъ, и по каждому городу приведены въ хронологическій порядокъ. Библіографически-

ми рѣдкостями Брюссельская библіотека не богата, но въ ней есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ вещей, подаренныхъ болѣею частію библіофилами-патріотами. Я видѣлъ, напримѣръ, ложи Рафаеля, изданныя Мейлеместеромъ съ гравюрами и съ акварельными рисунками, дѣланными съ самыхъ картинъ Рафаеля, со множествомъ неизданныхъ рисунковъ, и мн. др.

Читальная зала не очень велика и посѣтителей въ ней бываетъ мало, потому-что книги изъ библіотеки отпускаются на домъ на извѣстныхъ условіяхъ. Библіотекаръ, къ величайшему моему удивленію, началъ вдругъ говорить мнѣ, что обычай этотъ очень вредитъ библіотекѣ. Я ожидалъ по этому началу, что онъ скажетъ что-нибудь о пропажѣ отпускаемыхъ книгъ, но услышалъ совершенно другое: публика портитъ переплеты, связывая веревками получаемыя книги. Я очень удивился этимъ жалобамъ. Причину ихъ такъ легко устранить: стоило-бы только къ условіямъ отпуска книгъ прибавить еще одно, чтобы получатели книгъ непременно уносили и приносили ихъ въ мѣшкахъ изъ кожи или клеенки, для предохраненія отъ веревокъ и кстати уже и отъ дождя, тогда все зло однимъ разомъ было-бы устранено. Но не смотря на то, что публика портитъ веревками переплеты, библіотека не отступаетъ отъ обычая отпускать книги, такъ много приносить онъ пользы наукѣ.

Въ Брюссельской библіотекѣ есть небольшой кабинетъ эстамповъ, которыхъ считается до 30,000. Собраніе это находится въ отличномъ порядкѣ и, не смотря на скудость средствъ библіотеки, всѣ эстампы монтированы на хорошей картузной бумагѣ, а для рѣдкихъ вещей употреблена Бристольская. Эстампы монтированы такъ, что они соединяются съ толстою бумагой особыми тонкими бумажными ленточками: если встрѣчается надобность снять эстампъ и прикрѣпить къ другому листу, то произвести эту операцію можно безъ всякаго вреда эстампу. Все собраніе разложено по именамъ гравировъ и раздѣлено на школы. Портретамъ составленъ алфавитный каталогъ по именамъ лицъ, изображенныхъ на портретахъ. Чистка и монтированіе эстамповъ производится въ самой библіотекѣ, въ особой мастерской; гдѣ постоянно работаютъ четыре переплетчика. Люди эти всегда заняты дѣломъ. Всѣ мелкія переплетныя и футлярныя работы, а также обыкновенные переплеты книгъ производятся здѣсь-же на глазахъ библіотекарей. Переплетчики работаютъ поденно, но у Бельгійцевъ есть своя осо-

бенность въ нравахъ, вслѣдствіе которой этотъ порядокъ употребленія мастеровыхъ признается выгоднымъ и для библіотеки и для мастеровыхъ; между тѣмъ въ Парижѣ управленіе Императорской библіотеки, при своей системѣ, не знаетъ положительно во что обходится извѣстная единица переплетной работы. Тамъ на вопросъ мой объ этомъ предметѣ отвѣчали подниманіемъ плечъ или начинали фразу: *ah bah, vous savez*, при чемъ ничего путнаго не было сказано; въ Брюсселѣ же я получилъ положительный отвѣтъ, доказавшій мнѣ, что всѣ картонныя работы и простые переплеты въ самой библіотекѣ дѣлать гораздо выгоднѣе, и что постороннимъ мастерамъ слѣдуетъ заказывать только особенныя, лучшія работы.

Реестры поступающимъ книгамъ ведутся въ тетрадахъ. Эта часть въ Брюссельской библіотекѣ устроена не такъ хорошо, какъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ. Въ 1838 году библіотека начала было издавать ежегодно алфавитные каталоги своихъ приобрѣтеній, но въ 1856 году, по недостатку средствъ, должна была прекратить это изданіе. Ежегодные каталоги приобрѣтеній очень полезны для жителей того города, гдѣ библіотека находится, и почти необходимы для тѣхъ, кто постоянно пользуется библіотекою, но такихъ потребителей не можетъ быть много. Еслибы они всѣ покупали каталогъ, то этотъ ничтожный доходъ никогда не могъ-бы покрыть издержекъ, сдѣланныхъ на изданіе, и потому библіотека должна-бы постоянно жертвовать нѣкоторую сумму для пользы и удобства своихъ посѣтителей. Брюссельская библіотека 18 лѣтъ дѣлала эту жертву, но наконецъ должна была отъ нее отказаться по совершенному отсутствію денежныхъ средствъ.

Послѣдняя библіотека, которую я видѣлъ въ моемъ путешествіи, была Берлинская. Она помѣщается въ зданіи, нарочно для нея построенномъ, но зданіе это очень уже старо и недостаточно для помѣщенія наличныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году предполагалось построить новые шкафы въ нѣсколько ярусовъ поперекъ одной большой залы бель-этажа. Въ наше время библіотеки растутъ быстро и требуютъ строеній обширныхъ. Вслѣдствіе этого Британскій музей приготовилъ въ своей библіотекѣ помѣщеніе на 1,500,000 томовъ, но, придетъ время, что и этого не будетъ достаточно. Прусское правительство сознаетъ потребность построить новое зданіе для библіотеки. Мѣстность для него уже избрана и при первой возможности приступлено будетъ къ по-

стройкѣ. Такъ говорятъ библіотекари, но дѣло, какъ видно, находится еще только въ зародышѣ: мѣстность выбрана, но проекта еще нѣтъ.

Зданіе Берлинской библіотеки отличается тою непрактичностью, которая характеризуетъ всё въ этомъ родѣ сооруженія прошлаго столѣтія: эффекту пожертвовано всё — и обиліемъ помѣщенія книгъ и удобствами. Прямая линія въ прошломъ столѣтіи считалась чѣмъ-то неприличнымъ: все изгибалось и приводилось въ формы противныя здравому смыслу. Вслѣдствіе этого и зданіе Берлинской библіотеки, безъ всякой надобности, сдѣлано дугой. Залы въ обоихъ этажахъ расположены амфиладою, но это не замѣтно для глазъ, потому-что рядъ ихъ представляетъ дугу. Верхній этажъ, гдѣ помѣщена библіотека, не нагревается зимою, а внизу, залы читальныя и въ которыхъ занимаются библіотекари, нагрѣты калориферами почти до избытка. Противъ зданія библіотеки стоитъ театръ (Opern-Haus), освѣщаемый газомъ. Сосѣдство это внушаетъ опасеніе управленію библіотеки и оно приняло предосторожности: въ чердакѣ устроенъ большой резервуаръ съ водою, а въ залахъ проведены мѣдныя трубы, снабженныя длинными, гибкими рукавами, посредствомъ которыхъ, въ случаѣ несчастія, можно лить воду вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность.

Тѣснота нынѣшняго помѣщенія очень замѣтна: во многихъ мѣстахъ книги поставлены въ два ряда, между-тѣмъ шкафы не кажутся полными, потому-что въ разстановкѣ книгъ приняты порядокъ систематическій и слѣдовательно форматы книгъ смѣшаны. Въ ряду старыхъ книгъ in-8° и другихъ меньшихъ форматомъ одно какое-нибудь новое сочиненіе, изданное въ одномъ томѣ, но въ большую осьмушку, заставило поднять слѣдующую полку и подъ нею во всю ея длину оказалась пустота. Книги въ библіотекѣ перенумерованы особыми серіями номеровъ по каждому подраздѣленію систематическаго порядка, но не сплошь, а съ большими интервалами для будущихъ приращеній. Въ каталогѣ означено у каждаго заглавія: въ какомъ подраздѣленіи и подъ какимъ номеромъ находится книга. При нумераціи съ интервалами отыскиваніе книгъ требуетъ нѣкотораго навыка. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ библіотекарей, г. Притцель, искалъ книги для выдачи читателямъ по письменнымъ ихъ требованіямъ. Ему не нужно было никакихъ номеровъ, онъ знаетъ отлично всю библіотеку и за каждой книгой идетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ она стоитъ.

Но г. Притцель жаловался на свое здоровье и я невольно подумалъ о томъ, что будутъ дѣлать читатели тогда, когда г. Притцель перестанетъ искать для нихъ книги? Систематическій порядокъ на полкахъ есть результатъ теоріи, рожденной наукой и умомъ, но самая лучшая теорія представляетъ иногда тѣмъ неудобствъ на практикѣ. Систематическій порядокъ былъ еще хорошъ лѣтъ сто тому назадъ, но вѣдь въ теченіе ста лѣтъ какое-же и развитіе получило книгопечатаніе и какую массу книгъ дало оно библіотекамъ, и продолжаетъ давать. Будетъ-же давать—еще больше.

Доставая книги, г. Притцель нашелъ, что одной не было на мѣстѣ. Не затрудняясь нисколько, онъ написалъ на требовательномъ листкѣ: *entdam* (verliehen) и отправился дальше. Я спросилъ его: кому-же и когда она выдана?

— Объ этомъ можно справиться въ читальной залѣ.

Ну, а если она по ошибкѣ поставлена не на свое мѣсто?

— Этого не можетъ случиться.

Я не сталъ спорить, но по опыту знаю, что это очень можетъ случиться, знаю также и то, что подобную ошибку въ систематической разстановкѣ исправить очень трудно.

По регламенту Берлинской королевской публичной библіотеки въ читальную залу ея могутъ входить люди только рекомендованные, какъ и въ Британскомъ музеумѣ. Для этого заготовлены и билеты, но на практикѣ они признаны пустою формальностью. годною только для того, чтобъ узнать, сколько лицъ пользуется ежегодно библіотекой, вслѣдствіе чего билеты никому не даютъ, а въ читальную залу являються всѣ кому угодно. Требованія пишутся на отдѣльныхъ листкахъ за подписью того, кто требуетъ, и книги выдаются на его имя. Кромѣ читальной залы, книги отпускаются изъ библіотеки и на-домъ, но для этого нужно имѣть дѣйствительно хорошую рекомендацію. Листки, по которымъ книги требуются на домъ, отдаются также въ читальную залу, откуда получаютъ требователями и самыя книги. Библиотека открыта для публики только по утрамъ и требованія удовлетворяются только два раза: въ 11 часовъ утра и въ часъ по-полудни. Если кто пожелаетъ оставить свое требованіе вечеромъ, чтобы на другое утро, придя въ библіотеку, найти уже приготовленные книги, тотъ можетъ опустить свою записку въ ящикъ, выставленный у входа. Ящики этотъ удобенъ въ особенности для тѣхъ, кто получаетъ

книги на домъ: записку можно прислать съ слугою или по городской почтѣ и потомъ явиться, чтобъ получить требуемое. Книги, выдаваемые для занятій въ библиотекѣ, записываются въ особый реестръ въ читальной залѣ. Въ тотъ день, когда я посѣтилъ читальную залу, было выдано 85 сочиненій. Возвращаемыя изъ читальной залы въ библиотечку книги вычеркиваются въ реестрѣ. Въ канцеляріи, гдѣ производится отпускъ книгъ на-домъ, ведется алфавитный реестръ всему, что отпускается, но при возвращеніи въ библиотечку въ реестрѣ этомъ возвращаемое не вычеркивается. Такимъ образомъ, о книгѣ, не оказавшейся на мѣстѣ, очень мудрено сдѣлать справку, какъ мнѣ предлагалъ-было г. Притцель.

Читальная зала раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ читаются печатныя книги, во второмъ рукописи, а въ третьемъ журналы, которыхъ библиотечка получаетъ до 400. Для входа въ это послѣднее отдѣленіе билеты выдаются самимъ директоромъ библиотечки г. Перцемъ; на полученіе ихъ имѣютъ право только извѣстные ученые.

Каталогъ Берлинской библиотечки составленъ такъ сложно, что, при всемъ навыкѣ моемъ въ этомъ дѣлѣ, я не вдругъ уразумѣлъ его порядокъ. Во-первыхъ, меня поразила объемъ каталога: 762 тома in-folio, изъ коихъ 669 вмѣщаютъ всѣ заглавія книгъ въ порядкѣ алфавитномъ, а въ остальныхъ 93 тѣ-же заглавія расположены по предметамъ. Въ алфавитной части для каждого имени автора употреблено полдиста. Фамиліи Вагнеровъ, Миллеровъ, Шнидтовъ и т. под. раздѣлены по именамъ и для каждого имени отведенъ особый полулистъ. Если авторъ писалъ много и о разныхъ предметахъ, то сочиненія его записаны въ систематическомъ порядкѣ. Передъ статьями такихъ авторовъ сдѣланъ алфавитный указатель предметовъ, о которыхъ писалъ авторъ. Такой указатель очень хорошъ въ систематическомъ каталогѣ, но въ алфавитномъ едва-ли можно сдѣлать изъ него какое-нибудь употребленіе, потому-что алфавитный каталогъ употребляется обыкновенно для отысканія известной книги, а не предмета. Допустивъ эту смѣсь систематическаго порядка съ алфавитнымъ, библиотечкарь, составлявшій каталогъ, произвелъ своего рода безпорядокъ. Напримѣръ въ статьѣ Шиллера, которую я раскрылъ, въ самомъ началѣ стоятъ не его сочиненія, а *другихъ* авторовъ, писавшихъ о немъ. Зачѣмъ все это сдѣлано, когда есть каталогъ систематическій? Сочиненія анонимныя записаны не такъ, какъ принято воз-

дѣ, т.-е. не по первому существительному имени въ текстѣ заглавія, а по главному слову. Напримѣръ: сочиненіе «Castelnaud, — Essai sur l'histoire et statistique de la Nouvelle Russie» записано въ своемъ мѣстѣ подѣ Castelnaud, но, какъ анонимное, оно показано и въ другомъ, но не подѣ Essai, а подѣ Histoire, потому-что Essai признано слишкомъ общимъ словомъ, какъ будто слово Histoire менѣе общее. Первые листы каждаго тома каталога посвящены ссылкамъ (referata), которая не могла занять мѣста въ общемъ порядкѣ алфавита: потому-что, какъ сказано выше, тамъ назначено по двѣ страницы для каждаго автора, слѣдовательно для ссылокъ мѣста нѣтъ. Часть каждаго тома каталога, предназначенная для ссылокъ, отдѣлена перегородкой изъ толстой синей бумаги. Между ссылками я замѣтилъ одну слѣдующую: *Rusia vide Russia*. Кому можетъ пригодиться подобная ссылка я не знаю, развѣ Испанцу, но и то такому, который не знаетъ ни одного языка, кромѣ Испанскаго. Страницы каталога раздѣлены на три графы. Въ первой показано, откуда книга поступила въ библіотеку (?), во второй — сокращенное заглавіе книги, и наконецъ въ третьей — означеніе мѣста, гдѣ книга стоитъ въ библіотекѣ. Означенія мѣста не такъ коротко и просто, какъ у насъ: здѣсь, кромѣ нумера, обозначены подробно названія отдѣленій и подраздѣленій систематическаго порядка.

Каталогъ приобретений (Accessionskatalog) есть не что иное, какъ хронологическій реестръ всѣхъ вступающихъ въ библіотеку книгъ. Серія номеровъ въ этомъ реестрѣ началась съ 1811-го года и, продолжаясь непрерывно, дошла уже и теперь до цифры 170,000. На вступающія книги накладывается штампель: *Bibliothecae Berolinensis*. Еслибы вмѣсто этихъ словъ на штампелѣ былъ годъ, мѣсяцъ и число вступленія книги, какъ въ Британскомъ музеѣ, то не нужно было-бы ни безконечной серіи номеровъ въ реестрѣ, ни первой графы во всѣхъ 762 томахъ каталоговъ. При составленіи формы реестра вступленій составитель очевидно не обращалъ вниманія на цѣль и занялся только формою, но занялся такъ усердно, что она вышла удивительно-сложная. Обѣ страницы разогнутой книги реестра раздѣлены не десятью графъ, въ которыхъ означается много безполезныхъ свѣдѣній. Въ первой графѣ мѣсяцъ и число вступленія; во второй — номеръ по порядку, начиная съ 1811 года; въ третьей — имя автора сочиненія; въ четвертой — заглавіе; въ пятой — имя книгопродавца, у котораго книга куплена;

въ шестой—сколько за книгу заплачено иностранною монетою; въ седьмой—та-же цѣна на Прусскую монету; въ осьмой—имя переплетчика, которому отдана книга для переплета; въ девятой—номеръ, подъ которымъ книга записана въ счетѣ переплетчика. Десятой графъ не придумано никакого употребленія. Въ ней-бы можно было означать, въ какое отдѣленіе библіотеки книга вошла, но это не признано нужнымъ и графа оставлена для особыхъ замѣчаній, которыя однакожь не дѣлаются, потому-что они тутъ не нужны. При реестрѣ вступленій ведутся и счета отдаваемыхъ переплетчикамъ книгъ съ особыми въ каждомъ счетѣ серіями номеровъ, также бесполезными.

Какъ уже выше было сказано, цѣль моего путешествія состояла въ изученіи: читальныхъ залъ, порядка составленія каталоговъ, вступленія храненія и выдачи книгъ. Опѣнивая все, что мнѣ удалось видѣть въ лучшихъ библіотекахъ Европы и безпристрастно сравнивая видѣнное съ устройствомъ, существующимъ у насъ, я могу съ чувствомъ весьма отраднымъ сказать, что если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ библіотечнаго механизма мы не сравнилисъ еще съ другими такого-же рода учрежденіями Европы, за то есть предметы, о преимуществѣ которыхъ у насъ мы не можемъ еще поспорить. Посѣтители наши пользуются такою либеральностью, какая не допускается въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Лице, являющееся въ Библіотеку нашу, какого-бы званія оно ни было, не встрѣчаетъ никакихъ формальностей, обыкновенно во все излишнихъ и только отнимающихъ время. Право входа въ читальную залу, процессъ требованія и полученія книгъ, упрощены у насъ до возможности. Есть, конечно, и у насъ нѣкоторыя формальности, но онѣ зависятъ не отъ начальства Библіотеки, и, во всякомъ случаѣ, не идутъ дальше канцеляріи, т.-е. того члена Библіотеки, которымъ она связана съ общимъ организмомъ государственнаго устройства. Посѣтитель Библіотеки не имѣетъ никакихъ сношеній съ канцеляріей и идетъ прямо къ книгамъ, въ область науки. Кто является для серьезной ученой работы, тотъ входитъ въ непосредственное сношеніе съ библіотекарями и получаетъ свободный доступъ даже далѣе читальной залы, въ самыя отдѣленія Библіотеки, гдѣ, не стѣсняемый никакими формальностями, онъ находитъ полную готовность удовлетворить всякому его требованію. Въ отдѣленіяхъ нѣтъ формальностей даже между библіотекарями, и если во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно за-

мѣтитъ нѣкоторыя проявленія іерархическихъ началъ, какое-то преобладаніе однихъ надъ другими, то на это преобладаніе въ Библіотекахъ нашей даютъ право не чины или гѣта службы, а личныя, неотъемлемыя достоинства людей — способности и познанія. Однимъ словомъ, Императорская Публичная Библіотека, со стороны дѣятельности своей въ отношеніи къ публикѣ, есть учрежденіе, вполне стоящее въ уровень съ нашею современностью, и съ этой стороны она едва-ли можетъ позаимствовать что-нибудь изъ обычаевъ тѣхъ библіотекъ, которыя я видѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ читальныхъ залахъ я нашелъ весьма важную особенность, которой мы еще не имѣемъ, это — богатые собранія справочныхъ книгъ. Посѣтители Императорской Публичной Библіотеки имѣютъ для своего употребленія въ нашей читальной залѣ два справочные стола, на которыхъ прикрѣплено простымъ, но очень удобнымъ механизмомъ и предложено для всеобщаго употребленія 112 томовъ календарей, лексиконовъ на разныхъ языкахъ, библиографическихъ указателей и вообще справочныхъ книгъ. Собраніе это однакожъ далеко не такъ богато, какъ оно должно-бы быть, но въ будущей читальной залѣ предполагается организовать такое отдѣленіе справочныхъ книгъ, которое богатствомъ своимъ не уступитъ существующимъ въ лучшихъ библіотекахъ Европы. Читальная зала Британскаго музеума отличается полнымъ алфавитнымъ каталогомъ всей библіотеки, который находится въ распоряженіи читателей. Этого нѣтъ нигдѣ, въ томъ числѣ и у насъ; но наши посѣтители, имѣющіе спеціальныя серьезныя цѣли занятій, едва-ли могутъ жаловаться на отсутствіе каталога въ читальной залѣ: допускаемые безпрестанно въ отдѣленія, они пользуются нашими каталогами едва-ли не съ болѣе удобнымъ, нежели посѣтители Британскаго музеума, гдѣ есть одинъ только алфавитный каталогъ, а мы многимъ и именно болѣе важнымъ отдѣленіямъ можемъ предлагать и каталоги систематическіе. Въ ротондѣ Британскаго музеума есть полный алфавитный каталогъ теперь, но всегда-ли онъ будетъ тамъ полный, это еще вопросъ, который разрѣшить намъ время. Извѣстно, что пополненіе алфавитныхъ каталоговъ, написанныхъ въ книгахъ, дѣлается современемъ невозможнымъ. Британскій музеумъ, истрачивая ежегодно до 60,000 р. на приобрѣтеніе книгъ, едва-ли долго будетъ выписывать ихъ въ тѣ 500 фолиантовъ, которые стоятъ въ его ротондѣ. Намъ можно было-бы

поставить въ читальную залу наши каталоги написанные на карточкахъ (листочкахъ), но это очень трудно по слѣдующимъ причинамъ: каталоги постоянно нужны въ отдѣленіяхъ самимъ библіотекарямъ для удовлетворенія требованій публики, приходящей въ читальную залу; они нужны также многимъ ученымъ, занимающимся въ отдѣленіяхъ и наконецъ они нужны для библіотечныхъ собственноручныхъ работъ. Можно было-бы, конечно, списать другой экземпляръ каталога для читальной залы и постоянно пополнять его, но для этого у насъ пока нѣтъ еще довольно матеріальныхъ средствъ. Еслибы, наконецъ, эти средства даже и были, то для существованія каталога въ читальной залѣ есть еще одно важное препятствіе. Либеральность правилъ нашей читальной залы даетъ доступъ въ нее всякому прилично-одѣтому человѣку. Если каталогъ, написанный на карточкахъ, будетъ отданъ для употребленія всѣмъ приходящимъ, то какую участь будетъ онъ терпѣть, когда между читателями нашими случаются охотники вырывать изъ книгъ гравюры, служащія поясненіемъ къ тексту, вырѣзывать листы и даже цѣлыя главы или статьи самаго текста. Библиотека дѣлала-бы, можетъ быть, для своихъ посѣтителей очень многое, чего до-сихъ-поръ еще не сдѣлано, но она не можетъ этого дѣлать, по частымъ печальнымъ доказательствамъ тому, что, кромѣ истинныхъ служителей науки, въ читальную залу являются люди, непонимающіе значенія слова *sarcarer*, которые, дѣлая все, что можно сдѣлать тайкомъ во-срѣдъ книгамъ и изданіямъ, этими самымъ близкимъ орудіемъ науки, добровольно навлекаютъ на себя страшное для образованнаго ума имя *sarcarer*. Людей этихъ никакъ нельзя сравнивать съ тѣми, которые уносятъ цѣлыя книги, вынимаютъ изъ рукописей афиши Мазариновскихъ временъ. Последняго рода похищенія, если ихъ нельзя оправдать страстью къ книгамъ и къ библіографическимъ рѣдкостямъ, оставляютъ по крайней мѣрѣ какую-то тѣнь утѣшенія, что похищенная цѣликомъ вещь будетъ хранима человекомъ знающимъ ей цѣну и можетъ быть не погибнетъ безвозвратно для науки. Но книга съ вырванными чертежомъ, съ вырѣзанною статьею есть вѣчная рана, которую ничто не залечитъ: она отзовется болью въ самомъ отдаленномъ потомкѣ, которому доведется раскрыть изуродованную книгу. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе люди составляютъ самый малый процентъ въ массѣ посѣтителей читальной залы; но пока процентъ этотъ не будетъ у насъ окончатель-

но израсходованъ благотворнымъ дѣйствіемъ общей образованности, Библіотека наша должна быть разборчива въ удовлетвореніи публики, должна остерегаться ея. Сознаніе грустное, но тѣмъ не менѣе присущее нашему времени. Еслибы каталогъ, написанный на карточкахъ, былъ выставленъ въ нашей читальной залѣ, то нашлись-бы вѣроятно такіе избранные, которые стали-бы вынимать изъ него карточки, чтобъ дѣлать изъ нихъ закладки въ книгахъ, или писать на оборотѣ ихъ какія-нибудь замѣтки, и неразмягченный умъ ихъ никогда не почувствовалъ-бы, что они обрываютъ единственную нить, по которой лучшій нежели они человекъ можетъ дойти до разрѣшенія очень, можетъ быть, важнаго для науки вопроса.

Между формою каталоговъ нашихъ и большей части иностранныхъ, главная разниа состоитъ въ томъ, что у насъ заглавія книгъ написаны преимущественно на карточкахъ, которыя мы приводимъ въ порядокъ: одни въ алфавитный, а другія въ систематическій; въ большинствѣ-же библиотекъ, видѣнныхъ мною въ чужихъ краяхъ, заглавія книгъ вписываются на страницахъ переплетенныхъ книгъ. Наши каталоги на карточкахъ, съ увеличеніемъ количества книгъ, будутъ, не измѣняя своей формы, расти до тѣхъ предѣловъ, какія укажутъ будущія судьбы нашей Библиотеки, а въ переплетенныя книги иностранныхъ каталоговъ можетъ войти только то количество новыхъ заглавій, какое вмѣстятъ свободныя части страницъ, послѣ чего каталоги эти должны быть переписаны или въ новыя тетради или на карточки, чему я видѣлъ примѣры въ Вѣнѣ, Прагѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Брюсселѣ. Преимущество карточекъ не столько важно въ алфавитномъ каталогѣ, сколько въ систематическомъ. Порядокъ алфавитный останется вѣчнымъ, какъ сама азбука, но система наукъ измѣняется съ ихъ развитіемъ. Во Франціи до-сихъ-поръ еще есть въ библиотекахъ такое раздѣленіе, въ которомъ, кромѣ исторіи, математики и проч., встрѣчаются особенныя части, носящія названіе: *науки и искусства* (sciences et arts), какъ будто исторія, математика и проч. не науки. Въ Мюнхенской библиотекѣ есть большой отдѣлъ, которому дано названіе *антропология*. Ученый библиотечаръ въ короткое время можетъ начертить систему, сообразную съ современнымъ взглядомъ на науку, но переставить сотни тысячъ книгъ по новой системѣ и дать уразумѣть, что заключается въ sciences et arts, или въ антропологию, нельзя въ

короткое время. Наши карточки, разложенныя по системѣ, признаваемой ясною и правильною въ наше время, могутъ быть потомъ очень удобно расположены по иной системѣ, какую укажетъ будущее время. Для этого нужно будетъ только измѣнить порядокъ въ каталогѣ уже готовомъ, не передѣлывая и не переписывая его.

Кромѣ общихъ замѣчаній, которыя я здѣсь изложилъ, мною сдѣланы и нѣкоторыя спеціальныя, касающіяся мелкихъ подробностей устройства Императорской Публичной Библіотеки вообще и читальной ея залы въ-особенности, но замѣчанія эти составляютъ предметъ офиціального моего донесенія начальству.

